

Круглый стол в ПДВ

Меняющийся Китай в меняющемся мире

Проанализированы основные особенности внутренней политики Китайской Народной Республики и ее позиционирования в современном мире. Рассмотрены актуальные проблемы взаимоотношений Пекина с ведущими мировыми «игроками» и некоторыми соседними странами. Участники обсуждения пришли к выводу о том, что усиление экономической мощи Китая уже начинает проявляться в манере его поведения на международной арене.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, политика, экономика, позиционирование в мире, международные отношения

От редакции. 2 декабря 2010 г. в ИДВ РАН был проведен Круглый стол Института Дальнего Востока и журнала «Проблемы Дальнего Востока» на тему «Меняющийся Китай в меняющемся мире». В обмене мнениями приняли участие: д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора ПДВ **Я.М. Бергер**, к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **О.Н. Борох**, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **А.О. Виноградов**, д.и.н., проф., декан факультета политологии МГИМО(У) МИД РФ **А.Д. Воскресенский**, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора ПДВ **А.С. Давыдов**, к.и.н., проф. МГИМО(У) МИД РФ **Ю.А. Дубинин**, к.полит.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **П.Б. Каменнов**, к.и.н., заместитель директора ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова **А.Н. Карнеев**, к.воен.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **А.Ф. Клименко**, д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН **Л.И. Кондрашова**, к.филол.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **А.Г. Ларин**, д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН **А.В. Ломанов**, д.и.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН **С.Г. Лузянин**, к.э.н. ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **Е.И. Сафронова**, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **А.В. Семин**, директор ИДВ РАН, академик РАН **М.Л. Титаренко**, старший научный сотрудник ИДВ РАН, посол **В.И. Трифионов**, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **С.В. Уянаев**. Вел заседание д.э.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор журнала **В.Я. Портяков**.

Ниже публикуется сокращенная стенограмма обсуждения:

В.Я. Портяков

Уважаемые коллеги! Тема нашего Круглого стола — «Меняющийся Китай в меняющемся мире» — представляется и закономерной, и весьма актуальной. Мировой экономический кризис ускорил и даже обнажил некоторые тенденции мирового развития, накапливавшиеся в течение всего первого десятилетия XXI века. Полнее проявилась

уменьшающаяся способность США справиться с взятой на себя функцией единственной сверхдержавы, защитника и вершителя судеб «однополярного мира». И хотя Америка устами президента Б. Обамы заявила о неуклонном стремлении сохранить за собой мировое лидерство и на деле пытается усилить свои позиции в Азии, тем не менее, Вашингтон в большей степени, чем раньше, готов признать многополярный характер складывающегося мироустройства.

Кризис полнее выявил и тенденцию усиления в мировой экономике позиций развивающихся стран-гигантов — Китая, Индии, Бразилии. Похоже, что как минимум в ближайшие годы эта тенденция сохранится. Так, ООН прогнозирует на 2011 г. прирост ВВП США на 2,2%, стран зоны евро — на 1,3% и Японии — на 1%, тогда как ВВП развивающихся стран может вырасти на 6%, причем ВВП Китая — на 8,9%, а Индии — на 8,2%.

Разумеется, усиление позиций Китая в мировой экономике стало следствием не только и даже не столько мирового кризиса, сколько результатом общей политики стимулирования экономического роста, который в нынешнем десятилетии приобрел беспрецедентные масштабы. В этой связи у мирового сообщества возник вопрос: станет ли Китай уже в самое ближайшее время проецировать свою экономическую мощь на международные отношения? И если да, то в чем это будет проявляться и какое влияние на мир может оказать?

Симптоматично, что сегодняшний (от 2 декабря) выпуск журнала «Economist» посвятил специальный доклад как раз теме «возвысившегося Китая». Судя по подборке материалов из него, помещенных в Интернете, «Economist» исходит из того, что Пекин уже сейчас «меньше выжидает и меньше прячет свои возможности» и, напротив, более активно и наступательно отстаивает свои позиции на международной арене.

На сегодняшнем Круглом столе предполагается рассмотреть в основном две группы вопросов: во-первых, изменения в самом Китае и в его позиционировании в мире, и, во-вторых, изменения в отношениях КНР с рядом стран, регионов, групп государств. Что касается российско-китайских отношений, то задача Круглого стола, на мой взгляд, состоит не в их развернутой оценке, а скорее — в осмыслении того, как изменения в Китае и в его международных отношениях могут повлиять на политику Пекина в отношении нашей страны.

Начнем с первого блока. Открывает наш Круглый стол А.В. Ломанов.

А.В. Ломанов

В октябре 2010 г. 5-й пленум ЦК КПК 17-го созыва принял решение о назначении члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпина на пост заместителя председателя Военного совета ЦК КПК. Таким образом, статус Си Цзиньпина в качестве будущего лидера партии и государства был окончательно закреплен. В рамках формирующегося в КНР механизма регулярной смены высших руководителей страны это означает, что член ПК ПБ ЦК КПК и заместитель председателя КНР Си Цзиньпин осенью 2012 г. на XVIII съезде КПК должен будет получить пост генерального секретаря ЦК КПК, а весной 2013 г. на сессии ВСНП ему предстоит занять должность председателя КНР.

Продвижение Си Цзиньпина к высшим руководящим постам повторяет путь, который десять лет назад прошел нынешний партийно-государственный лидер КНР Ху Цзиньтао. Прецедент был нарушен при назначении преемника на пост зампреда Военсовета ЦК КПК. Ху Цзиньтао получил эту должность в 1999 г. — за три года до назначения на пост генсека ЦК КПК в 2002 г. Однако собравшийся осенью 2009 г. пленум ЦК КПК в отношении Си Цзиньпина аналогичного решения не принял, что дало основания усомниться в прочности статуса преемника.

Несмотря на то, что повышение запоздало на год, возникшие споры экспертов о возможности появления кандидатуры другого преемника не имели под собой объективных оснований. Гипотетическая замена Си Цзиньпина на Ли Кэцзяна, которому предстоит занять пост премьер-министра Госсовета КНР, потребовала бы отмены ряда прежних кадровых

решений и фактического разрушения формирующейся схемы передачи власти. Подобный шаг мог бы повредить имиджу Китая как государства со стабильной и предсказуемой политикой, а также активизировать споры внутри политической элиты. Теперь этот вопрос закрыт и повода для сомнений больше нет.

Скорее всего, схема кадрового продвижения Си Цзиньпина станет в будущем основным прецедентом, и сокращение срока между получением постов зампреда Военсовета ЦК КПК и генсека ЦК КПК до двух лет станет правилом. Тогда следующий преемник получит пост заместителя в партийном Военсовете не в 2019 г., а в 2020 г., однако убедиться в этом станет возможным лишь через десятилетие. Коррекция схемы смены власти в Военсовете ЦК КПК может коснуться и сроков передачи поста его председателя. Цзян Цзэминь сохранял за собой этот пост до осени 2004 г., то есть в течение двух лет после ухода с поста генсека ЦК КПК. Многие эксперты увидели в этом стремление Цзян Цзэмина удерживать в руках оставшиеся полномочия и сохранить контроль над деятельностью преемника. Сокращение срока присутствия уходящего лидера на посту руководителя Военсовета ЦК КПК могло бы стать демонстрацией того, что в наши дни в Китае внутри правящей элиты достигнута более высокая степень слаженности и взаимопонимания, чем это было десятилетие назад.

На XVIII съезде КПК предстоит серьезное обновление ПК ПБ ЦК КПК, в котором из нынешнего состава останутся только будущие председатель КНР и премьер Госсовета — Си Цзиньпин и Ли Кэцян. Остальные семь членов этого органа покинут его в силу достижения предельного возраста, планка которого установлена на уровне 68 лет. Новые лица возглавят ВСНП и НПКСК, партийную Центральную комиссию по проверке дисциплины. Также должны появиться новые кураторы идеологической и юридической работы партии. Среди возможных претендентов на эти посты глава Отдела единого фронта ЦК КПК Лю Яньдун, глава Организационного отдела ЦК КПК Ли Юаньчао, глава Отдела пропаганды ЦК КПК Лю Юньшань, вице-премьеры Ван Цишань и Чжан Дэцзян. Более полное представление о тенденциях в высшем эшелоне политической элиты можно будет составить после того, как станет ясно, какое количество выдвиженцев Ху Цзиньтао войдет в обновленный состав Постоянного комитета Политбюро и насколько важные посты им удастся занять.

Одним из источников внешнеполитических взглядов Си Цзиньпина является его опыт руководства провинциями Фуцзянь и Чжэцзян с конца 1980-х до середины 2000-х гг. в период их бурного экономического роста. Будущему лидеру Китая доводилось общаться с иностранными инвесторами, предполагается, что он понимает выгоды экономической открытости внешнему миру. Со времени избрания в ПК ПБ в 2007 г. Си Цзиньпин активно участвует во внешних контактах, что дает ему возможность накопить опыт международного общения и расширить кругозор в преддверии занятия высших руководящих постов.

Большое внимание внутри Китая и за его пределами привлекли слова Си Цзиньпина, произнесенные во время визита в Мексику в феврале 2009 г. Он подверг критике «сытых бездельничающих иностранцев», которые «показывают на Китай пальцем»: «Во-первых, Китай не экспортирует революцию, во-вторых, не экспортирует голод и нищету, в-третьих, не тревожит вас, о чем тут еще можно говорить». Эти высказывания получили позитивный отклик среди националистически настроенной части пользователей китайского Интернета, многие были удивлены подчеркнутой прямоотой формулировок. Содержательно эти слова не выходят за рамки нынешней китайской политики, их можно истолковать как отказ от требований Запада, настаивающего на том, чтобы Китай взял на себя более весомое бремя ответственности за решение глобальных проблем.

Си Цзиньпин родился в 1953 г., его юность совпала с периодом резкого охлаждения отношений между СССР и Китаем, что отличает его от лидеров предыдущих поколений, сохранивших память о тесном сотрудничестве двух стран после образования КНР. С учетом этого обстоятельства его участие в российско-китайских контактах является су-

ществленным элементом подготовки к будущей роли лидера. В марте 2010 г. в Москве Си Цзиньпин вместе с премьером В.В. Путиным принял участие в церемонии открытия Года китайского языка в России, а в конце сентября в Шанхае он вместе с президентом Д.А. Медведевым осмотрел павильоны России и Китая на всемирной выставке ЭКСПО-2010.

В 2010 г. большой резонанс вызвали публикации и выступления премьера Вэнь Цзябао, давшие основания для предположений о том, что его подход к политическим реформам в Китае носит более решительный характер, чем у других руководителей. Первым сигналом стала его статья о Ху Яобане, которая была опубликована в «Жэньминь жибао» 15 апреля 2010 г. Вэнь Цзябао вспоминал о том, как в бытность заместителем руководителя канцелярии ЦК КПК готовил поездку генсека ЦК КПК Ху Яобана на юг Китая (провинции Гуйчжоу, Юньнань и Гуанси) и сопровождал его в пути. В статье приводится много конкретной информации и бытовых деталей, подчеркивающих неприхотливость Ху Яобана, его желание узнать реальное положение дел, стремление к общению с простыми людьми.

Вэнь Цзябао указал на скромность Ху Яобана, его заботу о людях, высокие моральные качества, бескорыстие, сопереживание трудностям народа. Необходимо напомнить, что в начале 1987 г. Ху Яобана обвинили в потворстве «буржуазной либерализации» и отправили в отставку. Тем не менее, Вэнь Цзябао подчеркнул свою верность опальному генсеку, отметив, что сохранил с ним тесные контакты после его отставки, и что стиль Ху Яобана оказал на него большое влияние. Статья дала основания предположить, что Вэнь Цзябао готовит почву для ускорения продвижения политических преобразований.

В августе 2010 г. Вэнь Цзябао посетил Шэньчжэнь для участия в торжествах по поводу 30-летия создания СЭЗ. Он произнес речь, в которой подчеркнул, что застой и поворот вспять в реформах приведут страну в тупик, и что без политических реформ экономические преобразования не принесут результата, и цели модернизации не будут реализованы. Хотя формулировки его речи во многом повторяли сказанное Дэн Сяопином во время поездки на юг Китая в 1992 г., благодаря акценту на важности политических реформ это выступление было воспринято как выражение особого мнения Вэнь Цзябао.

В начале октября 2010 г. Вэнь Цзябао развил свои взгляды на политические преобразования в КНР в интервью американскому телеканалу Си-эн-эн. В частности, тележурналист Фарид Закария спросил его о статье о Ху Яобане. Вэнь Цзябао пояснил, что хотел дать «честную оценку» этого исторического деятеля, который «внес свой вклад в реформы и открытость Китая». По поводу выступления в Шэньчжэне ведущий поинтересовался, был ли это призыв к политической реформе. Вэнь Цзябао ответил, что эту точку зрения уже давно предложил Дэн Сяопин, и те, «у кого есть чувство ответственности перед страной, должны глубже думать над этой темой и превратить ее в дела».

Когда речь зашла о свободе слова, Вэнь Цзябао заметил, что в Китае около 400 млн пользователей Интернета и около 800 млн пользователей мобильных телефонов: «Они могут выходить в Интернет чтобы выражать свои взгляды, в том числе критические». Премьер подчеркнул, что людям нужно дать не только свободу слова, но и создать условия для того, чтобы они могли критиковать работу правительства. В ответ на слова тележурналиста о том, что в китайском Интернете заблокирован доступ к ряду сайтов и людям трудно получать информацию, Вэнь Цзябао заметил: «Я и весь китайский народ верим, что Китай будет добиваться постоянного прогресса, народному требованию демократии и свободы сопротивляться невозможно (*бу кэ канцзюй*)». В его словах прозвучал тезис о том, что все политические партии, организации и индивиды должны подчиняться конституции и закону. Премьер также заметил: «Несмотря на различные мнения в обществе и существование различных преград, я неуклонно в пределах моих возможностей реализую свои идеалы, ускоряю поступь политической реформы».

Интервью Вэнь Цзябао американскому телеканалу не получило детального освещения в СМИ КНР. 27 октября 2010 г. в «Жэньминь жибао» появилась передовая статья «Следовать в правильном политическом направлении, активно и устойчиво продвигать реформу политической системы», которую ряд экспертов восприняли как критический ответ на выступления Вэнь Цзябао. В статье были подчеркнуты успехи в реформировании политической системы в КНР. Отмечалось, что исторические перемены в Китае показывают, что политическая система «соответствует национальной специфике и полна жизненных сил», а вывод о серьезном отставании политических реформ от экономических «противоречит объективным законам» и «не соответствует объективным фактам».

Споры о политической реформе развернулись на фоне награждения Нобелевской премией мира диссидента Лю Сяобо, что напомнило о существовании альтернативной программы радикального изменения политической системы Китая «снизу вверх». Лю Сяобо в своих публикациях в середине 2000-х гг. заявил о невозможности демократизации Китая «сверху» и о безнадежности упований на появление в партийном руководстве «просвещенного правителя» наподобие М.С. Горбачева или Цзян Цзинго. Реакция властей показала, что планы стихийной демократизации в духе «цветных революций» на постсоветском пространстве воспринимаются в КНР как реальная угроза.

Кадровое решение 5-го пленума ЦК КПК 17-го созыва стало сигналом о том, что грядущая смена власти пройдет организованно и четко. Серия выступлений Вэнь Цзябао продемонстрировала наличие разных политических акцентов среди нынешнего высшего руководства. Однако суждения о том, что за два года до смены власти в Китае произошел «раскол» правящего тандема Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао, представляются необоснованными. Скорее можно говорить о проявлении обещанной «внутрипартийной демократии», поскольку фундаментального противоречия в позициях высших руководителей нет и речь идет лишь о степени приоритетности политических преобразований. Вэнь Цзябао предлагает ускорить контролируемые перемены «сверху» под руководством партии, и его выступления помогают внушить надежду на то, что движителем перемен может стать реформаторское крыло внутри КПК. Оппонентами этой позиции являются не столько осторожные «консерваторы», сколько радикальные реформаторы наподобие Лю Сяобо, призывающие к созданию широкого народного движения за демонтаж однопартийной системы.

Смена высшего руководства Китая в 2002–2003 гг. сопровождалась переменами в политике и идеологии. После прихода к власти Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао заметно выросло внимание к проблемам народного благосостояния, приоритетом стало преодоление разрывов в уровнях доходов между регионами и социальными слоями, идеи социальной справедливости стали не менее важными, чем лозунги экономической эффективности. Смена акцентов в политике сопровождалась появлением лозунгов «близости власти к народу», стилистически близких идеалам равенства и справедливости, характерным для Китая 1950–60-х гг.

Грядущая смена власти пока не предвещает столь же быстрых и заметных изменений. Вероятнее всего, новое руководство во главе с Си Цзиньпином и Ли Кэцяном унаследует нынешнюю политику, построенную на поддержании темпов экономического роста с одновременным улучшением его качества, увеличении внимания к социальной справедливости и повышению доходов населения, осторожности в политических преобразованиях и консерватизме в сфере идеологии.

Я.М. Бергер

Очередное пятилетие имеет особое значение для реализации китайской стратегии восхождения к статусу лидирующей глобальной державы. Оно открывает собой ключевой десятилетний этап на пути к всестороннему построению общества *сяокан*, назначенному на 2020 г., и к 100-летию основания КПК в 2021 г. В связи с этим не-

обходимые изменения экономической стратегии, которые должны произойти в 12-й пятилетке, будут самым тесным образом связаны с существенными переменами в социальной и политической сферах, а все они неизбежно скажутся на внешнеполитическом поведении Китая.

Прежде всего, нужно остановиться на аспекте собственно *экономическом*, или экономическом по преимуществу. Здесь наибольший интерес вызывает вопрос о темпах долговременного экономического развития и о судьбах той модели, которая обеспечивала стремительное наращивание ВВП, в опоре на дешевую рабочую силу, высокие затраты капитала и природных ресурсов.

Как известно, необходимость отказа от этой модели и неизбежность постепенного перехода на менее ресурсоемкий — на инновационный путь развития прокламировались еще в предшествующей пятилетке. Однако выполнить эту задачу в сколько-нибудь значительной мере не удалось: отчасти из-за мирового финансового кризиса, для преодоления последствий которого понадобилось не только не уменьшать, но, напротив, еще более увеличивать зависимость экономического роста от инвестиций, одновременно всеми силами сохраняя занятость. Но в неменьшей степени освоение новой модели сдерживалось и сдерживается инерцией модели действующей.

Здесь необходимо особо упомянуть систему мотивации последней и, конкретно, те стимулы, которые побуждают чиновников, особенно местных, ориентироваться на ускоренное наращивание объема экономики. Дело в том, что именно высокие показатели прироста валового регионального продукта обеспечивает им и личный достаток, и хорошие шансы на продвижение по службе.

В коммюнике о 5-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва, рассмотревшем предложения по 12-й пятилетке, говорится, что руководящие кадровые работники должны «установить правильный взгляд на достижения, добиваться реальных успехов, удостоверяемых практикой, народом, историей». Хотя и несколько расплывчато, но речь, по-видимому, идет о необходимости смены мотивации, о том, что следует включать в нее иные ориентиры, а не только показатели по валу, что надо обращать внимание не только на количественные, но в гораздо большей мере на качественные параметры роста.

Следует признать, что хотя разговор ведется достаточно давно, судя по результатам, положение меняется мало. Гонка за сверхвысокими валовыми показателями в ущерб качеству экономической структуры, жизни населения, окружающей среды продолжается, и не без воздействия настроений, господствующих, в том числе, на самом верху.

Установка на ускорение темпов роста фактически содержалась в призывах удвоить в 9-й пятилетке ВВП на душу населения по сравнению с 1980 г., в 10-й пятилетке — создать основу для удвоения этого показателя по сравнению с 2000 г. В 11-й пятилетке годовой прирост ВВП формально, с позиций центрального правительства, предполагалось лимитировать на уровне 8%. Фактически же на местах принимались значительно более высокие установки. В результате даже в кризисном 2009 г. рост упал лишь до 9%. Все прочие годы этого пятилетия он был двузначным. В итоге задача по учетверению ВВП к 2020 г. по сравнению с уровнем 2000 г., фактически оказывается выполненной уже в 2010 г., вопреки кризису. Но материальный уровень и качество жизни населения совершенствуются не столь быстро, хотя в самые последние годы исправлению этой ситуации уделяли значительно больше внимания.

Смена модели экономического роста, и прежде возглавлявшая список приоритетов, остается в числе таковых и в грядущей пятилетке. Но, похоже, за нее теперь возьмутся всерьез. Кратное увеличение ВВП будет дополнено кратным увеличением доходов населения. Достижения чиновников на местах станут в большей мере определяться не темпами экономического роста, а показателями, характеризующими загрязнение окружающей среды, общественный порядок, производственные аварии.

Таким образом, все большее значение приобретает вопрос о *социальной* ориентированности экономической модели. Сюда же относится решение тех экономических и социальных проблем, которые с ней связаны. В их числе — увеличивающиеся разрывы между богатыми и бедными, между городом и деревней, между регионами.

До последнего времени на фоне быстрого роста ВВП сокращалась доля суммарных доходов населения в распределении национального дохода. В 1996 г. она составляла 69,3%, а в 2007 г. — 57,5%. В 2010 г., по данным заместителя председателя экономического комитета ВК НПКСК Чжэн Синьли, эта доля опустилась даже до 43%. Доля национального дохода, идущего на потребление, в Китае в полтора раза ниже среднемирового уровня. Это обстоятельство существенно затрудняет развитие внутреннего потребительского спроса, переориентацию сбыта с экспортных рынков на рынок отечественный.

Особое недовольство вызывает все большая концентрация доходов и богатства в руках сравнительно немногочисленных социальных групп. Удельный вес оплаты по труду в первичном распределении доходов снизился с 53,4% в 1990 г. до 39,7% в 2007 г. Исследование, проведенное Всекитайской федерацией профсоюзов в первой половине 2010 г., показало, что у 23,4% рабочих и служащих номинальная заработная плата за пятилетие вообще не повышалась. С учетом инфляции реальная покупательная способность у работников не только не увеличивалась, но, напротив, сокращалась.

Недовольство и тревога охватывают не только беднейшие слои населения, но деловую и политическую элиту. Немало предпринимателей в Китае озабочено судьбой своего бизнеса и своей личной судьбой. Некоторые покидают страну и обосновываются за рубежом. Чаще всего это те, чье богатство нажито не вполне праведным путем. Но усилился и отток за границу просто зажиточных людей, студентов.

Перемены в системе распределения национального дохода являются необходимой составной частью перехода к новой модели экономического роста, которая, в свою очередь, неотделима от таких процессов, как урбанизация, переход работников из аграрной сферы не столько в промышленное производство, сколько в сферу услуг. Все это требует принципиально иной квалификации работников и, стало быть, больших вложений в человеческий капитал.

Соответственно, переход от использования дешевого труда в качестве главного стимула экономического роста к новым импульсам не может быть легким. Заместитель председателя Центра исследований развития Лю Шицзинь вообще считает, что перспектива адекватного повышения общественной производительности труда далеко неоднозначна¹. Однако иного пути нет. Эпоха сравнительных преимуществ в виде простого, низкооплачиваемого труда и иных дешевых факторов производства невозвратно уходит в прошлое, а их удорожание неотвратно повышает себестоимость и угрозу инфляции. Следовательно, национальной экономике Китая придется конкурировать в мировом пространстве на иных, менее благоприятных, чем прежде, основаниях. В итоге темпы экономического роста в КНР к концу пятилетки, по всей вероятности, снизятся после трех десятилетий ускоренного роста — как это произошло в Японии, Южной Корее, Германии, — возможно, до 7–8%.

Обновление системы распределения должно сопровождаться финансовой реформой. Оно потребует преобразования административных монополий, откроет простор для дальнейшего развития национального капитала, сдвинет с мертвой точки сокращение пропасти между городом и деревней. Государство может задействовать многие остающиеся пока втуне инструменты фискальной политики, включая не только прямые, но, в первую очередь, косвенные налоги, чтобы сократить отчуждение группы миллионеров от массы бедняков и помочь формированию среднего класса.

Оптимизация системы распределения непосредственно выходит на столь долго откладываемую реформу *политической системы*. Самым непосредственным образом требуется переформатирование функций правительства. Из института, ведающего пре-

имущественно распределением ресурсов, оно, как настаивает Чи Фулинь, директор Института исследований реформ и развития Китая (Хайнань), должно стать институтом, поставляющим обществу публичные услуги². А в более широком плане понадобится такая реформа, которая могла бы придать всей системе власти в Китае способность противостоять коррупции, справедливо рассматриваемой в качестве главной угрозы существованию нынешнего строя. Это значит, что политическая реформа должна охватить все власти государства: не только исполнительную, но законодательную, судебную и, прежде всего, партийную, обеспечивая вдобавок гласность решений и свободу коммуникации.

Взвешивая в комплексе внутренние и внешние факторы, определяющие основную направленность внешней политики Китая в предстоящие 5–10 лет, логично прийти к выводу, что она будет в основном выполнять те же функции, что и прежде, но с поправками на изменения в экономической стратегии, соотношении сил на международной арене и во внутриполитической обстановке.

Это означает, что внешнеполитическая деятельность Пекина призвана обеспечивать, прежде всего, как можно более плавный и безболезненный переход Китая от прежней модели экономического развития к новой. Поскольку новая модель в очень большой степени связана с новыми технологиями, освоением источников возобновляемой энергии, с прорывами в науке и технике, постольку внешняя политика должна обеспечивать сотрудничество Китая с мировыми лидерами в этих областях. Но поскольку Китай еще долгое время будет опираться на действующие источники экономического роста (иностранные инвестиции, экспорт продукции, импорт сырья и традиционных энергоносителей), то сохраняются и прежние задачи дипломатической поддержки старой модели.

Во-вторых, Пекин рассматривает предстоящий 5–10-летний этап развития как благоприятный для всестороннего усиления своих позиций в мире: в глобальных и региональных финансах, экономических связях, геополитике. И внешнеполитический курс призван этому всячески способствовать. Вновь подтверждая действенность завета Дэн Сяопина: не раскрывая целиком своих потенциалов, «кое-что совершать», Пекин шаг за шагом расширяет пределы этого «кое-чего»: и путем наращивания инвестиций одновременно с усилением политического влияния на разных континентах, и путем создания обширных зон свободной торговли, и путем укрепления позиций в разных глобальных и региональных органах и объединениях.

И наконец, просматривается укрепление еще одной функции внешней политики — идеологической и внутриполитической. Намечающиеся экономические, социальные и политические преобразования служат главным средством для обеспечения стабильности общества, которая в последние годы сотрясается существенным нарастанием негативных и протестных настроений. Несмотря на меры, принимаемые в экономической и социальной областях, радикальное улучшение ситуации не может наступить скоро, ибо конфликты пустили глубокие корни, тяжелы и запущенны. Кроме того, процесс смены экономической модели может, в свою очередь, добавить новые ингредиенты социальной неустойчивости. В этих условиях определенную стабилизирующую для китайского общества роль способна сыграть внешняя политика. Точнее, те ее компоненты, которые могут вызывать к необходимости национального сплочения.

В этом отношении важным девизом внешнеполитического курса КНР может служить наращивание усилий по обеспечению ее территориальной целостности. Сюда могут входить разносторонние усилия по воссоединению с Тайванем и отстаиванию суверенитета над спорными территориями и акваториями в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Поступательное наращивание совокупной национальной мощи страны делает такой курс теоретически и практически возможным. С другой стороны, недостаточность этой мощи — в сравнении с США, главным внешнеполитическим соперником Китая, и наличие серьезной внутренней нестабильности накладывают на него существенные ограничения.

В целом можно ожидать, что внешнеполитический курс Пекина в предстоящие пять-десять лет скорее всего будет носить не жестко агрессивный, но умеренно наступательный характер. Тем не менее, не исключено дальнейшее противоборство сторонников различных ориентаций.

В.Я. Портяков.

Вначале об изменении места и роли Китая в мировой экономике.

В 2005 г. в статье «О перспективах развития Китая», опубликованной в журнале «Проблемы Дальнего Востока», я рассматривал, среди прочих, сценарий резкого возвышения Китая. Напомню, он предполагал выход КНР на второе место в мире вслед за США по абсолютному размеру ВВП, пересчитанному из юаней в доллары по официальному курсу, и увеличение доли страны в мировой торговле до 9–10%. Данный сценарий пять лет назад был охарактеризован как «не слишком вероятный», однако в реальной жизни состоялся именно он.

В 2010 г. номинальный ВВП Китая, в пересчете из юаней в доллары по текущему курсу, по оценке МВФ, достигнет 5,745 трлн долл., тогда как ВВП Японии составит 5,39 трлн долл. Таким образом, КНР закрепились на позиции второй вслед за США экономики мира по годовому ВВП. Отмечу, что в 2002 г., в конце которого Ху Цзиньтао стал генсеком, ВВП Китая составил 1453,8 млрд долл. Доля страны в мировом валовом продукте выросла с 4,37% в 2002 г. до 9,27% в 2010 г. Доля Китая в мировом ВВП при расчетах по паритету покупательной способности национальных валют выросла за этот период с 8,04% до 13,26%. А в мировой торговле товарами доля КНР в 2009 г. составила порядка 9%, в том числе 9,9% в мировом экспорте и 8,1% в мировом импорте. Для сравнения: в 2003 г. доля КНР в мировом экспорте товаров составила 5,9%, а в импорте — 5,3%.

Все это похоже на «большой скачок», только удавшийся. Данное впечатление еще больше усиливает рост производства многих видов производимой страной промышленной продукции в физическом выражении. Так, производство стального проката со 192,5 млн т в 2002 г. выросло в 2009 г. до 696,3 млн т., персональных компьютеров — с 14,6 млн штук до 182 млн штук. Рост выработки электроэнергии скромнее, но тоже впечатляет: 1654 млрд кВт-час в 2002 г. и 3714 млрд кВт-час в 2009 г.

За годы правления Ху Цзиньтао Китай стал не просто мировой фабрикой, а мировой фабрикой циклопических размеров. В результате на «китайскую иглу» села значительная часть мира, в том числе развитого.

Это предопределяет двоякое отношение к Китаю: с ним заигрывают, перед ним порою даже безбоят, но одновременно его и побаиваются, и хотят поставить в более жесткие рамки.

Вместе с тем, Китай лучше других осознает сохраняющиеся у него слабости. Главная из них — его успех создан на чужой технологической базе. Задача трансформации страны из мировой фабрики в одного из мировых инновационных лидеров декларирована, но пока — в 2008 г. — на КНР пришлось только 0,3% мирового оборота отчислений за использование прав интеллектуальной собственности (570 млн долл.), тогда как на США — половина (91,6 млрд долл.) и на Японию — 14% (25,7 млрд долл.)³.

Отсюда следует, что если Китай будет осуществлять внешнеполитическую проекцию своей экономической мощи, то достаточно осторожно. Она не подкреплена другими факторами силы и уже вызывает нарекания, особенно в связи с обусловленной ею «ресурсной жадностью» Пекина. К тому же, в мировом сообществе растет желание возложить на КНР дополнительное бремя ответственности за состояние мирового хозяйства и другие глобальные проблемы (противодействие изменениям климата и т.п.).

Вместе с тем, Китай демонстрирует готовность чередовать преобладающую в целом оборонительную манеру поведения с периодическими наступательными действиями. Помимо ставшего классическим эпизода с кратковременным прекращением экспорта ред-

коземельных металлов в Японию и ряд других стран следует отметить ненаблюдавшееся ранее самовосхваление политической системы страны в серии статей в журнале «Цюши» с использованием «убойного» аргумента: КНР вот уже 30 лет развивается быстрее, чем западные демократии, следовательно, ее политическая система более эффективна.

Повысившуюся готовность Пекина к наступательной тактике при защите своих интересов надо учитывать и России.

Вместе с тем, перспективы дальнейшего укрепления позиций КНР в мировой экономике достаточно неопределенны. Думаю, что повторения скачка 2003–2010 гг. не будет. После восстановления докризисного уровня наращивание экспорта Китая будет серьезно сдерживаться плохой конъюнктурой в большинстве развитых стран — а в Пекине всерьез опасаются возникновения долгосрочной «японизации» экономик США и Европы, т.е. их развития в следующем десятилетии крайне низкими темпами. По объективным причинам в следующем десятилетии должны несколько замедлиться и общие среднегодовые темпы прироста ВВП КНР.

Положение Китая в мировой политике в значительной мере зависит от того, как он оценивает расстановку сил в мире, идущие здесь подвижки.

В 2009 — начале 2010 гг., т.е. во время и сразу после мирового экономического кризиса стала очевидной разнонаправленная динамика развития различных стран и регионов. В Китае активно заговорили о наиболее крупных подвижках в мировой архитектонике после окончания «холодной войны» и в первую очередь об ослаблении США, которым даже предрекалась невозможность возвращения на позицию мирового гегемона. Одновременно констатировался фактический выход Китая на позиции державы номер два. Примечательна в этом отношении статья ректора Шанхайской академии международных отношений Ян Цземьяня (брата министра иностранных дел Ян Цзечи) в журнале «Мировая экономика и политика» (2010, № 3). По итогам не только мирового экономического кризиса, но всего первого десятилетия XXI в., политический отчет которого начался с терактов в США 11 сентября 2001 г., Ян Цземьянь выделил четыре категории мировых игроков: к числу оказавшихся в выигрыше, усиливших свое влияние отнесены Китай, Индия, Бразилия и ЮАР. В «оборонительной позиции» оказались США, МВФ и Всемирный банк, стремящиеся удержать свое влияние. Заметно снизилось влияние Европы, Японии и отчасти России. Наконец, на наиболее слабых позициях в международной системе ныне оказались многие развивающиеся страны и их международные организации.

По мнению Ян Цземьяня, в продвижении к статусу мировой державы Китай нуждается в политической и энергетической опоре на «нововозрождающиеся державы» (буквальный перевод термина «синьсин даго»). Встречаются также определения «новоразвивающиеся страны», «формирующиеся рынки». В любом случае речь идет о странах БРИК — Бразилии, России, Индии и Китае, к которым иногда подключают и ЮАР). Такая опора помогла бы Китаю ослабить его нынешнюю привязку к западным государствам.

Ян Цземьянь также выступил за скоординированное противодействие «нововозрождающихся стран» давлению и попыткам внести раскол в их ряды со стороны Запада.

В данной связи заслуживает особого внимания отнесение Китая не к развивающимся странам, а к особой категории «нововозрождающихся держав».

Похоже, однако, что эта позиция не получила безоговорочной поддержки в руководстве страны. Видимо, свою роль сыграли и попытки Запада нагрузить Китай дополнительным бременем ответственности, и явно усилившееся давление Запада, прежде всего США, обхаживание Индии, попытка интернационализировать споры о принадлежности части островов Южно-Китайского моря, давление на юань и т.д. В этой ситуации Пекин стал несколько «отыгрывать назад». Явно активизировалось европейское направление внешней политики КНР (вспомним визиты Ху Цзиньтао во Францию и Португалию, 13-й саммит ЕС — Китай в Брюсселе и визиты в КНР А. Меркель и Д. Камерона).

В журнале «Цюши» (2010, № 18) появилась инструктивная по своей сути статья о сохраняющейся принадлежности Китая с его все еще скромными среднестатистическими показателями к кругу развивающихся стран.

Несколько «отыграл назад» и Ян Цземань: в его второй статье, опубликованной в журнале «Гоцзи вэньти яньцзю» (2010, № 5), издаваемом Китайским институтом международных проблем при МИД КНР, речь пошла уже о налаживании всестороннего сотрудничества между нововозрождающимися державами и США как классическим представителем «обороняющихся мировых игроков».

В общем, первый «посткризисный задор» в значительной мере остыл, хотя полного отката назад, конечно, не произошло. Новые одежды, так сказать, примерены, разведка проведена, определенные дивиденды получены.

П.Б. Каменнов

Военная политика Китая направлена на обеспечение условий для реализации национальной стратегии развития, целью которой является достижение им к середине XXI в., т.е. 100-летию образования КНР статуса сильной, модернизированной, объединенной державы, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе и равной по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи другим державам мира. Реализацию национальной стратегии в Китае связывают с усилением комплексной государственной мощи, которая рассматривается в качестве общей способности государства путем мобилизации всех ресурсов осуществлять данную стратегию.

При оценке степени внешней военной угрозы в Китае исходят из того, что роли стран и соотношение сил в мировой политике не остаются постоянными, поэтому следует быть готовым к любому изменению международной обстановки, в том числе — в неблагоприятном для КНР направлении.

Международная обстановка в сфере военной безопасности, согласно китайским взглядам, характеризуется сложностью и противоречивостью мировых процессов. Наряду с тем, что доминирующими тенденциями в отношениях между странами продолжают оставаться мир и развитие, усиливаются факторы неопределенности и нестабильности. Налицо тенденция нарастания традиционных и нетрадиционных угроз, в число которых в последнее время, наряду с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, вошли проблемы безопасности в сфере энергетики, ресурсов, финансов, информации, международных транспортных коммуникаций.

Согласно Белой книге по вопросам национальной обороны Китая (2008 г.), он стоит перед лицом многообразных угроз и вызовов национальной безопасности. Угрозу суверенитету и национальной безопасности страны представляют сепаратистские силы «За независимость Тайваня», «За независимость Восточного Туркестана», «За независимость Тибета»⁴. К этому следует добавить проявления социальной нестабильности в самом Китае, вызванные негативными последствиями рыночных преобразований, такими как имущественная дифференциация, сокращение — в результате индустриализации — посевных площадей, обострение экологических проблем и др.

Стратегия Китая в сфере военной безопасности заключается в осуществлении превентивных мер политического, дипломатического, экономического и военного характера, направленных на создание вокруг него благоприятных условий и уменьшение факторов нестабильности. Одновременно, следуя мировой тенденции в военной области и опираясь на растущую экономическую мощь, Китай осуществляет курс на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала на базе науки и передовых технологий и приведение боевой учебы войск и сил флота в соответствие с условиями современной высокотехнологичной войны.

Пекин придает большое значение развитию сотрудничества, в том числе в сфере военной безопасности, со странами АТР, где стремится занять лидирующее положение.

В 2004 г. Китай подписал «Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии», в котором подтвержден принцип решения спорных вопросов в отношениях между КНР и АСЕАН мирными средствами.⁵ В 2005 г. ШОС, АСЕАН и СНГ подписали меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области борьбы с терроризмом. Вслед за этим, в мае 2006 г. по предложению Пекина в Китае состоялся региональный форум АСЕАН по проблемам политики в сфере безопасности, на котором было достигнуто соглашение о взаимном обмене между КНР и АСЕАН наблюдателями на военных учениях. В августе того же года КНР и АСЕАН договорились о сотрудничестве в борьбе с морским пиратством. В целом, в результате активной внешней политики по отношению к странам АСЕАН Пекину удалось в значительной мере ослабить в них влияние мифа о «китайской угрозе» и добиться заметных успехов в создании в АТР атмосферы многостороннего сотрудничества, основанного на межгосударственном доверии⁶.

Ситуация в отношениях с соседними государствами оценивается в КНР как благоприятная. В 2008 г. завершено юридическое оформление российско-китайской государственной границы на всем ее протяжении. С подписанием между Россией и Китаем ряда документов, а именно — Соглашения о границе на ее Восточной части (1991 г.), Соглашения о границе на ее Западной части (1994 г.), Дополнительного соглашения о границе на ее Восточной части (2004 г.) и Дополнительного протокола-описания линии российско-китайской границы на ее Восточной части (2008 г.), — государственная граница между двумя странами определена договорными документами на всем ее протяжении. Последним соглашением (2004 г.) и протоколом-описанием к нему определена линия границы в районе острова Большой в верховьях реки Аргунь (Читинская область) и островов Тарабаров и Большой Уссурийский, расположенных при слиянии рек Амур и Уссури вблизи Хабаровска⁷.

В отношении Китая с Индией — несмотря на наличие разногласий по вопросу спорных территорий общей площадью 130 тыс. кв. км в районе Ладакха на севере Индии (штат Джамму и Кашмир) и по так называемой «линии МакМагона» на северо-востоке страны в штате Аруначал-Прадеш — преобладает тенденция к развитию стратегического партнерства. В соответствии с «Совместным обзором КНР и Индией перспектив в XXI веке» (2008 г.), стороны приняли обязательство «...путем поддержания устойчивых контактов в оборонной сфере непрерывно содействовать строительству мер доверия» и заявили о своей твердой приверженности «...курсу на разрешение чувствительных китайско-индийских разногласий, включая вопрос о границе, путем мирных переговоров параллельно с обеспечением того, чтобы активное развитие двусторонних связей не подпадало под влияние этих разногласий».

Отношения Китая с южным соседом Вьетнамом ныне строятся на основе формулы 16 «золотых» иероглифов: «Добрососедство и дружба, всестороннее сотрудничество, долговременная стабильность, ориентация на будущее», принятой в 2000 г. После длительных и весьма сложных переговоров подписаны важные соглашения о сухопутной границе и о делимитации акватории Тонкинского залива.⁸

Сложными продолжают оставаться отношения КНР с Японией. Пекин выступает против постоянного членства Японии в Совете Безопасности ООН, совместного с США участия ее в развертывании системы противоракетной обороны на театре военных действий (ПРО ТВД), видя в этом угрозу своей политике «военного сдерживания» независимости Тайваня. В то же время, в связи с активизацией в последние годы китайско-японских торгово-экономических связей стороны принимают меры к улучшению отношений в политической сфере.

Стремление Китая строить отношения стратегического партнерства с США находится под влиянием двух линий в американской политике относительно того, какими должны быть отношения США с КНР в долгосрочном плане. Одна из них нацелена на «сдерживание» Китая, в том числе его растущей военной мощи. Вторая исходит из необ-

ходимости курса на вовлечение КНР в решение насущных мировых проблем, среди которых наиболее важной для США является участие Китая в обеспечении безопасности в Северо-Восточной Азии при сохранении доминирующего и контролирующего положения США⁹. Нормализация отношений между двумя странами по военной линии в последние годы становится проблематичной в связи со стремлением США усилить контроль над модернизацией вооруженных сил Тайваня, который Пекин рассматривает в качестве неотъемлемой составной части КНР. В настоящее время отношения пока прерваны из-за принятого в январе 2010 г. решения США о поставке Тайваню крупных партий вооружений на общую сумму 6,4 млрд долл.¹⁰

В Китае полагают, что наибольшую угрозу национальной безопасности, суверенитету и территориальной целостности КНР представляет деятельность сепаратистских сил, выступающих за независимость Тайваня. В этой связи «Законом КНР о противодействии расколу государства» (2005 г.)¹¹ определены условия, при которых Китай намерен применить «немирные и другие необходимые меры для защиты своего суверенитета и территориальной целостности» (статья 8). Решение тайваньской проблемы на условиях КНР по принципу «одна страна — две системы» продолжает рассматриваться в Пекине как важнейший шаг в направлении завершения «воссоединения нации» после возвращения под юрисдикцию КНР Гонконга и Макао. В интересах ее решения Пекин де-юре допускает применение военной силы. Вместе с тем, бурно развивающиеся обмены между двумя берегами в политической, экономической и в гуманитарной областях ясно указывают на предпочтительность для КНР решения проблемы мирными средствами.

Преобладающей тенденцией в области модернизации обороны Китая является совершенствование качественных параметров оборонного потенциала с акцентом на переоснащение стратегических ядерных сил, ВВС и ВМС НОАК, что объясняется стремлением повысить потенциал ядерного сдерживания, а также прикрыть от ударов с воздуха и с морских направлений наиболее развитые в экономическом отношении восточные и приморские районы страны. Наряду с этим признается необходимым сохранить стратегию «народной войны», которая модернизируется применительно к требованиям сегодняшнего дня.

С 2006 г. реализуется программа модернизации национальной обороны и вооруженных сил, включающая три этапа: до 2010 г. — создание фундаментальных основ преобразований, до 2020 г. — достижение общего прогресса по основным направлениям модернизации, до 2050 г. — достижение в основном стратегической цели создания информатизированных вооруженных сил, способных успешно действовать в войнах с применением информационных технологий.¹²

В последние годы предпринимаются меры *по ускорению модернизации НОАК* с акцентом на информатизацию и компьютеризацию войск и сил флота, усиление боевых возможностей за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Конечная цель при этом заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне локального масштаба, а также — при проведении антитеррористических операций.

В процессе модернизации за последние два десятилетия численность НОАК сократилась с 3 млн до 2,2 млн чел., существенно сократился парк вооружений за счет вывода из боевого состава устаревших образцов. В *стратегических ядерных силах* количество носителей ядерного оружия сократилось с 200 до 117 единиц. В то же время количество МБР наземного базирования увеличилось с 8 до 46 единиц за счет развертывания грунтомотельных ракетных комплексов «Дунфэн-31» с дальностью стрельбы 8000 км, обладающих повышенной боеготовностью и живучестью. Получил развитие морской компонент за счет ввода в строй двух стратегических атомных ракетных подводных ло-

док второго поколения проекта 094, оснащенных ракетами “Цзюйлан—2” (JL—2) /в скобках указано обозначение по классификации НАТО/ с дальностью 8000 км¹³.

В сухопутных войсках численность личного состава сократилась с 2,3 млн человек до 1,6 млн человек. Однако, боевые возможности и мобильность сухопутных войск существенно возросли за счет повышения уровня механизации. В военно-воздушных силах парк боевой авиации сократился более чем в три раза — с 5260 до 1653 единиц. Одновременно осуществлено обновление самолетного парка, а также сил и средств ПВО за счет техники, закупленной в России, а также собственного, в том числе, лицензионного производства. Расширяется круг задач военно-воздушных сил. Если в прошлом они в основном сводились к защите воздушных границ Китая, то в настоящее время создаются ВВС, обладающие наступательным потенциалом и способные к участию в совместных тактических операциях, включая воздушно-десантные.

В военно-морских силах количество боевых кораблей основных классов увеличилось со 103 до 143 единиц за счет ввода в строй дизель-электрических подводных лодок проектов «877 ЭКМ» и «636» и эскадренных миноносцев типа “Современный”, закупленных в России, а также отечественных кораблей с улучшенными тактико-техническими характеристиками. Военно-морские силы перешли от прежней стратегии “береговой обороны” к стратегии “обороны в прибрежных водах”. В китайской трактовке “прибрежные воды” включают морское пространство на удалении 150–600 морских миль от берега, в том числе Желтое, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря. В рамках программы модернизации ВМС Китай на протяжении последних нескольких лет ведет разработку авианосца; всего намечается построить 4–6 авианосцев, которые могут вступить в строй в 2015–2020 гг.¹⁴

Наиболее интенсивно развиваются *мобильные силы НОАК*, обладающие повышенной маневренностью и огневой мощью и предназначенные для действий в локальных войнах по периметру государственной границы, а также для оказания поддержки полицейским формированиям в обеспечении внутренней безопасности и общественно-го порядка.

ВМС выполняют стратегически важную задачу по расширению присутствия НОАК в Индийском океане, обеспечению безопасности путей транспортировки нефти морским путем через Малаккский и Сингапурский проливы, а также — по контролю Китая обстановки в регионе ЮВА на случай возможного вооруженного конфликта вокруг Тайваня с вмешательством США или обострения территориального спора о принадлежности Парасельских островов и архипелага Спратли. Принимаются меры по расширению и модернизации системы базирования китайских ВМС в операционной зоне Южного флота. Одной из них является строительство крупной военно-морской базы для атомных подводных лодок и надводных боевых кораблей в районе Санья (о. Хайнань).¹⁵

Особое внимание к данному региону объясняется возрастающей зависимостью экономики Китая от импорта нефти, до 80% которого поступает в КНР морским путем через Сингапурский и Малаккский проливы. Если в 2009 г. импорт нефти составил 199 млн тонн,¹⁶ то в 2020 г. этот показатель может достичь 250–300 млн тонн. Согласно прогнозам китайских аналитиков, к 2020 г. КНР станет крупнейшим в мире потребителем нефти и третьим в мире импортером этого вида сырья.¹⁷

На современном этапе военная политика Китая имеет оборонительный характер¹⁸. Вместе с тем, заслуживает внимания появление там на неофициальном уровне концепции «стратегических границ и жизненного пространства», согласно которой рост населения и ограниченность ресурсов вызывают потребность в расширении «естественной сферы существования» страны, в том числе с применением вооруженных сил. В частности, эти идеи изложены в вышедшем в КНР в марте 2009 г. сборнике статей «Чжунго бу гаосин» («Китай недоволен»)¹⁹, выражающем неофициальную точку зрения, существующую среди части военных. Не исключено, что упомянутая концепция принадлежит си-

лам, заинтересованным в подрыве атмосферы межгосударственного доверия, сложившейся в отношениях между Россией и Китаем в конце XX — начале XXI вв.

В обозримой перспективе оборонное строительство КНР будет опираться на достижения экономики, сохраняющей высокие и устойчивые темпы развития, которые, несмотря на негативное влияние мирового финансового кризиса, могут ежегодно составлять 8–9%. В сочетании с усилиями, направленными на подъем науки и технологий, включая реализацию намеченной программы преобразования Китая к 2020 г. *в государство инновационного типа*, это создает благоприятные предпосылки для модернизации обороны.

Следуя мировой тенденции и опираясь на растущую экономическую мощь, Китай из года в год *увеличивает военные расходы*. В 2009 г. официальные военные расходы Китая составили 70 млрд долл.,²⁰ что на 14,9% выше по сравнению с 2008 г. Мировой финансовый кризис привел к некоторому замедлению темпов роста бюджетных военных ассигнований: на 2010 г. они предусмотрены в сумме 78 млрд долл. (годовое увеличение — 7,5%), что означает некоторое снижение темпов военных ассигнований по сравнению с темпами экономического роста: 7,5%²¹ против 9–9,5% соответственно. Отметим, что по мнению большинства аналитиков, реальные военные расходы Китая в последние годы в среднем на 40% превышают официальные. Для сравнения, в 2009 г. военные расходы США составили 664 млрд долл.,²² Японии — 53 млрд долл., Индии — 29 млрд долл. (годовое увеличение — 34%), Южной Кореи — 29 млрд долл. (на 8,8%), России — 42 млрд долл. (на 15%)²³. По объему реальных военных расходов Китай вышел на второе место в мире после США.

Как и в предшествующие годы, уделяется внимание развитию китайских вооруженных сил в качестве *инструмента опоры власти и поддержания внутривластной стабильности*. Согласно Закону КНР о государственной обороне (1997 г.), для поддержания общественного порядка предусматривается использование не только полицейских формирований, но и НОАК и народного ополчения (ст.22). Нынешняя установка “последовательно обеспечивать абсолютное руководство партии над армией” по существу означает незыблемость известного принципа “партия командует винтовкой”. Его реализация обеспечивается, в частности, за счет избрания непропорционально большого количества военных в высший руководящий партийный орган — ЦК КПК. Так, на состоявшемся в октябре 2007 г. XVII съезде КПК членами ЦК были избраны 41 военный высшего и среднего ранга, которые составили 20% общего количества его членов (204).²⁴

В 90-е годы XX в. получила бурное развитие *военная дипломатия* КНР, которая в современном Китае рассматривается как деятельность стратегического уровня²⁵. Она характеризуется ныне высокой активностью и стала важным компонентом реальной государственной политики.

Между военными ведомствами КНР и Российской Федерации, а также КНР и США установлены и действуют прямые телефонные линии связи. Достигнут прогресс в развитии военных связей между КНР и Японией²⁶. Набирает силу процесс активного участия НОАК в совместных военных учениях с армиями других стран, расширяется практика обмена наблюдателями за военными учениями.

Российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество ныне осуществляется в контексте политического сближения и усиления стратегического взаимодействия двух стран в международных и региональных делах, что, в частности, нашло отражение в Совместной декларации РФ и КНР по основным международным вопросам, подписанной Председателем КНР Ху Цзиньтао и Президентом РФ Д.А.Медведевым в мае 2008 г. в Пекине. В начале века сотрудничество получило качественно новое развитие, распространившись на оперативную и боевую подготовку штабов и войск с отработкой вопросов взаимодействия при проведении антитеррористических операций.

В обозримой перспективе оборонное строительство КНР будет опираться на достижения экономики, сохраняющей высокие и устойчивые темпы развития, которые, несмотря на негативное влияние мирового финансового кризиса, могут составить 8–9% в год. В сочетании с усилиями, направленными на подъем науки и технологий, включая реализацию намеченной программы преобразования Китая к 2020 г. *в государство инновационного типа*, это создает благоприятные предпосылки для модернизации обороны.

К 2020 г. китайская армия, оставаясь наиболее многочисленной, в качественном отношении может стать сильнейшей в Азии, а к 2050 г., после завершения модернизации достичь передового уровня вооруженных сил большинства развитых стран.

Достижение Китаем статуса мировой военной державы, сопоставимой с США, прочно удерживающими мировое лидерство в военно-технической области, является проблематичным. В ближайшей перспективе армия будет оставаться важным звеном политической системы Китая, находиться под контролем КПК и, наряду с внешними функциями, выполнять роль инструмента опоры власти и поддержания внутривнутриполитической стабильности.

А.В. Семин

Согласно данным о наращивании качества вооруженных сил, есть сведения, что Китай использует новейшие боевые средства, такие как кибероружие, борьбу со средствами связи и т.п. Имеет ли это место?

П.Б. Каменнов

Есть оценки экспертов, полученные не совсем понятными путями. Видимо исходя из общей ситуации, которая сейчас складывается в сфере информатики, в сфере электронных войн, делается вывод, что этим занимается и Китай. Известно, что он уделяет большое внимание информационной войне. Однако конкретных, надежных сведений, на которые можно было бы опереться, мне не попадалось.

О.Н. Борох

Хотя в Китае существуют различные взгляды на место страны в мире и систему приоритетов в решении внутренних проблем, китайские власти стремятся четко заявить о том, какие подходы являются полностью неприемлемыми. Официальная пропаганда все настойчивее подчеркивает недопустимость отказа от руководящей роли марксизма и от существующей в Китае политической системы, предупреждает об опасности заимствования западных политических институтов.

Обращение к содержанию недавних пропагандистских кампаний показывает, что полемика имеет два измерения — внутреннее и внешнее. Критика направлена против попыток поставить под сомнение правильность политики реформ. Вместе с тем она нацелена на проникающие извне идейные течения, способные подорвать устойчивость политической власти и пошатнуть позиции официальной идеологии.

В начале 2009 г. в Китае была развернута кампания по изучению ответов на «шесть важных вопросов» развития страны. В центре внимания оказались разные подходы, один из которых соответствует китайским условиям, а другой, напротив, угрожает нестабильностью и утратой имеющихся достижений. Противопоставления осуществляются по линиям: марксизм — плюрализм идей; китайский социализм — демократический социализм либо капитализм; ведущая роль общественной собственности — приватизация либо тотальное господство общественной собственности; система собраний народных представителей — разделение трех ветвей власти; система многопартийного сотрудничества — западная многопартийность; продолжение реформ — отступление назад. В 2010 г. эта кампания обрела новую форму «проведения четырех границ» (марксизм — антимарксизм; экономический строй с главенством общественной собственностью —

сти — приватизация либо возвращение к полностью общественной собственности; социалистическая демократия с китайской спецификой — демократия западного образца; социалистическая культура — прогнившие феодальная и капиталистическая культура).

При переходе от «шести вопросов» к «четырем границам» практически в прежнем виде сохранились темы главенства марксизма в идеологии и общественной собственности в экономике, тогда как политические проблемы были сведены в один раздел. Исчезновение темы недопустимости отказа от реформ можно объяснить тем, что число сторонников этой точки зрения сократилось на фоне успешного преодоления Китаем воздействия мирового финансового кризиса. Вместе с тем, появилась новая проблема «проведения границ» в области культуры.

Упоминания о подвергаемых критике «ошибочных» идейно-политических позициях дают возможность составить представление о дискуссиях внутри Китая. Обычно китайские пропагандисты выделяют три угрожающих стабильности течения — неолиберализм, демократический социализм и «исторический нигилизм». В некоторых случаях к ним добавляют тезис о «всеобщей ценности» западных демократических институтов и прав человека. Предполагается, что все эти идеи благодаря открытости проникают в Китай извне.

Неолиберализм характеризуется как идеология крайней либерализации в политике и приватизации в экономике, она нацелена на копирование в Китае западной модели, что угрожает стране политическим хаосом и экономическим спадом. Как и неолиберализм, демократический социализм призывает к введению в Китае идейного плюрализма, разделения ветвей власти и многопартийности, однако его истоком являются не западные консервативные круги, а европейские социалисты. Китайские пропагандисты подчеркивают, что попытка «сменить знамя», превратив КПК в социал-демократическую партию, приведет к нестабильности и, в итоге, гибели партии и государства, как это произошло во второй половине 1980-х гг. в СССР и Восточной Европе.

Течение «исторического нигилизма» отрицает необходимость китайской революции, ставит под сомнение обоснованность выбора социалистического пути и подчеркивает допущенные в прошлом ошибки руководителей КПК. Частью этого процесса в китайском контексте выступают попытки пересмотра трактовки событий XIX — начала XX вв. (например, подчеркивание прогрессивного характера преобразовательной политики цинской династии, осуждение антизападных выступлений, усугубивших зависимость Китая от иностранных держав и т.д.). Истоки этого течения китайские пропагандисты пытаются отыскать в СССР, где, по их мнению, «очернение истории» ослабило позиции КПСС и привело к распаду страны.

Подвергаемые критике взгляды вполне узнаваемы в контексте дискуссий современных китайских интеллектуалов. И хотя их имена не были названы, речь идет о конкретных публикациях и выступлениях, получивших широкий резонанс. Наибольшее внимание уделяется осуждению взглядов сторонников политических преобразований по западному образцу (либеральному либо социал-демократическому). Показательно, что к носителям «враждебной идеологии» не были причислены представители «новых левых», выступавшие на рубеже 1990–2000-х гг. с критикой социальной несправедливости китайских реформ.

На уровне государственной политики ответом на движение за «переосмысление реформ» стало повышенное внимание к проблемам народного благосостояния и социального обеспечения. Вместе с тем, позиция «новых левых» все же была подвергнута косвенной критике в рамках обоснования недопустимости отказа от дальнейших преобразований и возвращения к прежней системе всеобщей государственной собственности.

В кампании «проведения четырех границ» появились новые акценты, связанные с мировым финансовым кризисом и успехами Китая в преодолении его негативного воздействия. Доказывая необходимость сохранения руководящей роли марксизма, китай-

ские пропагандисты подчеркивают, что марксистское учение вновь продемонстрировало способность объяснять законы капиталистической экономики. Это обусловило рост интереса к нему (прежде всего к «Капиталу» К. Маркса) на Западе. Важным аргументом в споре об оптимальном соотношении различных видов собственности в экономике КНР стало то, что государственные предприятия вышли на первый план при противодействии влиянию финансового кризиса. Позитивный опыт активных действий китайских властей по борьбе с кризисом показал обоснованность политики, в которой роль государственного регулирования изначально стояла выше рыночных механизмов. В условиях кризиса китайская политическая система также продемонстрировала свое преимущество, обеспечив гибкость и быстроту реагирования на возникающие проблемы в отличие от западной многопартийной системы, эффективность которой зачастую снижают расхождения в позициях трех ветвей власти и соперничество политических сил.

В области культуры «границы» проходят как внутри наследия китайской традиции, так и по линии Китай — Запад. Среди позитивных черт древней культуры пропагандисты указывают на внимание к ценности человека, стойкости и самосовершенствованию индивида, поддержанию гармоничных отношений в обществе и его сплоченности, стремлению к добрососедству и сохранению собственной независимости в отношениях с внешним миром. Однако в ней есть и «феодалная шелуха», которой не должно быть места в современном Китае — это бюрократизм и концентрация власти, подчинение главе семьи, замкнутость и самодовольство.

Китай должен быть открытым для межкультурных контактов, но у современного Запада нельзя заимствовать поклонение деньгам, гедонизм и крайний индивидуализм, распространение которого разрушает гармоничные отношения между людьми. Отмечается, что кризис вызвал переосмысление западной модели в мире. Это открывает перед Китаем новые возможности для «вывода» своей культуры «вовне». Однако поскольку основные мировые СМИ находятся под контролем Запада, у Китая недостаточно ресурсов для решения этой задачи. В сложившейся ситуации необходимо продолжать работу по наращиванию «мягкой силы» китайской культуры как важного фактора в международной конкуренции.

Идейно-пропагандистские кампании 2009–2010 гг. были развернуты на фоне опасений по поводу роста внутривластной нестабильности в КНР в условиях мирового кризиса. Хотя Китай успешно справился с его воздействием, эти кампании были продолжены с целью не допустить возникновения нежелательных политических дискуссий и укрепить стабильность в идеологической сфере в преддверии смены высшего руководства в 2012–2013 гг. Можно предположить, что тема неприемлемости введения в Китае демократии западного образца в обозримой перспективе останется в центре внимания китайских пропагандистов.

Китайские власти стремятся сохранить за собой решающее слово в вопросах идеологии, политического устройства и экономических реформ. До XVIII съезда КПК возможно появление новых концепций и лозунгов, которые могут обрести официальный статус. В частности, нужно обратить внимание на упоминание об «инклюзивном росте» (*баожунсин цзэнчжан*, англ. — inclusive growth) в выступлении Ху Цзиньтао в сентябре 2010 г. в преддверии 5-го пленума ЦК 17-го созыва. Эту формулировку для решения возникших в Китае проблем предложил в 2007 г. Азиатский Банк Развития. Ху Цзиньтао пояснил, что «коренная цель инклюзивного роста состоит в том, чтобы плоды экономической глобализации и экономического развития приносили равную выгоду всем странам и регионам, всем группам людей; чтобы в ходе поступательного развития добиться скоординированного развития экономики и общества». Китайский лидер отметил, что «Китай является активным инициатором и исполнителем теории инклюзивного роста».

Китайские эксперты подчеркивают, что новый лозунг указывает на приоритет политики «обогащения народа» по отношению к «усилению государства». Он призывает

к сопряжению экономического роста с реализацией интересов большинства людей, которые должны иметь более широкие возможности и получить свои выгоды от результатов реформ. Этот призыв к поддержанию баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью связан с появившимися ранее концепциями «научного взгляда на развитие» и «гармоничного общества». Китайские авторы также отмечают, что «инклюзивный рост» может стать лозунгом 12-й пятилетки. Вместе с тем, критики указывают, что китайский термин «баожун» недостаточно четок. Помимо идеи всеохватывающей «инклюзивности» он может означать также «сниходительное отношение, прощение, извинение». И в этом значении «баожунсин цзэнчжан» можно истолковать как попытку властей убедить людей примириться с социальным расслоением и прочими негативными последствиями реформ.

А.Н. Карнеев

Мне кажется, что мы переживаем довольно интересный и во многих отношениях переходный период. Основными темами, в наибольшей степени привлекающими внимание экспертов-международников, в последнее время стали:

- продолжающийся быстрый рост экономической мощи Китая, а также других развивающихся экономик;
- относительное ослабление Запада и США, в частности, рельефно высеченное (но не вызванное) мировым кризисом;
- постепенное, но все более заметное смещение центра мирового развития в регион АТР;
- структурные диспропорции в мировой экономике, ставшие следствием экономической глобализации, призраки валютных войн, протекционизма и других попятных движений на пути к либерализации мировой экономики;
- нарастание элементов разбалансировки в мирополитической и мирохозяйственной системе;
- большое количество региональных вызовов — таких как корейская и иранская ядерные проблемы, ближневосточное урегулирование, угрозы безопасности в регионе Афганистан-Пакистан, а также в т.н. «Большой Центральной Азии»;
- угрозы терроризма, трансграничной и организованной преступности, нетрадиционные вызовы безопасности.

Историки, вероятно, будут впоследствии рассматривать 2008–2010 годы как некий рубеж, с которого началась новая эпоха в истории *глобализации*. Среди множества других важных изменений, ставших заметными благодаря переживаемому сейчас мировому экономическому кризису, они будут обсуждать то, как стремительно произошла в мировом восприятии адаптация к возвышению Китая в качестве державы, глобальная роль которой серьезно трансформирует архитектуру мировой политики, покоившейся на казавшейся до сих пор незыблемой гегемонии Америки.

С самого начала мирового кризиса Китай привлек к себе главное внимание и играет теперь важную роль, например, среди тем предвыборных кампаний в США. Это не удивительно, ибо в 2010 г. Китай стал второй экономикой мира. Он остается самой быстро растущей экономикой, самым крупным мировым экспортером и второй по величине державой-импортером. В США вызывает серьезное беспокойство то, что Китай владеет 20% американских казначейских обязательств.

Специалисты дебатуют о том, насколько кризис способствовал становлению новой роли КНР в мировой экономике, обсуждают перспективы использования Китаем своего валютного запаса и т.д. Мировой кризис, особенно трудности американского банковского и финансового сектора, серьезно подорвал авторитет США как глобального лидера и проецируемой Америкой вовне модели социально-экономического развития. Международная печать широко освещает полемику ученых и специалистов об «упадке»

неолиберальной модели капитализма и растущей привлекательности «китайской модели» развития, значимости «индийской» и других азиатских моделей как альтернативных форм модернизации.

Тактика нынешней американской администрации, сосредоточившейся на более прагматичном (и даже в каком-то смысле эгоистичном) отстаивании национальных интересов, иногда вразрез с провозглашаемыми принципами продвижения либерализации, борьбы с протекционизмом и проч., также усиливает понимание и привлекательность в мире китайской модели. Но еще более важным, чем дискуссии по поводу моделей, является то обстоятельство, что и ментально, и институционально мир достигнут врасплох стремительностью перемен. В Китае, например, этот момент высвечивает дискуссия по поводу того, сохранять ли в качестве руководящего принципа идею Дэн Сяопина о том, чтобы «скрывать свои возможности». Перефразируя известную фразу классика, можно сказать: «многополярность, о которой так долго говорили в Китае и России, наконец, практически свершилась. Но похоже, не все к ней оказались готовы».

В последнее время особое внимание международных экспертов приковывает к себе проблема глобального экономического дисбаланса. Вопрос о том, действительно ли существует такой дисбаланс и как можно его преодолеть, стал крупнейшей темой международной дискуссии. Многие комментаторы сосредоточились на факте двойного дефицита (внешней торговли и бюджета) США, увязывая его с проблемой заниженного курса китайского юаня. С очередной порцией рассуждений на эту тему выступил председатель федер резерва США Бен Бернанке.

Россия и Китай. Хотя в 2010 г. их торгово-экономические связи продолжали испытывать на себе последствия мирового финансового кризиса, в целом нашим странам удалось совместными усилиями решить задачи периода восстановительного роста, вывести товарооборот почти на докризисный уровень, продвинуть инвестиционное сотрудничество.

Одним из аспектов этой проблемы является вопрос о нынешнем характере российско-китайских отношений и о воздействии процесса нарастания совокупной мощи КНР на характер этих отношений. Для экспертного сообщества вопрос, видимо, должен быть сформулирован так: «Каким образом воспользоваться фактором подъема Китая в целях дальнейшего расширения и углубления российско-китайского сотрудничества и взаимодействия; каким образом предотвратить возможную негативную реакцию на этот подъем, например нагнетание определенными политическими силами страхов перед ростом Китая и т.д.»

Форматы РИК и БРИК. Эти неформальные механизмы взаимодействия стали развиваться одновременно с тенденцией повышения роли развивающихся экономик не только в мирохозяйственной системе, но и в международных дискуссиях о современном миропорядке. На прошедшем в Ухане форуме министров иностранных дел РИК были констатированы позитивные тенденции в формировании институциональной структуры сотрудничества. Министры рассмотрели вопросы дальнейшего практического развития взаимодействия в формате РИК, задачу укрепления его рабочих механизмов и структур. Договорились продолжать существующие направления совместной работы на уровне правительственных экспертов в таких областях, как предотвращение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, развитие здравоохранения и сельского хозяйства. Глава МИД РФ С. Лавров заявил по итогам встречи, что страны условились начать экспертные консультации по сотрудничеству в сфере энергобезопасности и инноваций. Имеется предложение наладить связи между инновационными центрами, которые уже существуют в Китае и Индии и создаются в России.

В 2011 г. запланировано проведение очередного, третьего по счету бизнес-форума. Продолжатся встречи ученых трех стран. Речь идет также о налаживании гуманитарного и культурного сотрудничества между Россией, Индией и Китаем.

G-20. Этот формат в условиях мирового кризиса стал играть совершенно новую роль. С точки зрения региональных проблем важно отметить, что половина государств «двадцатки» относится к АТР. Последний саммит в Сеуле был важной вехой. Принятие Сеульского плана закладывает основу для обеспечения стабильности и устойчивости мирового развития на ближайшие 3–5 лет. Задача состоит, в частности, в том, чтобы обеспечить так называемую сбалансированность счетов текущих операций на основе согласованных показателей и подходов. Ещё одно важное решение, по которому долго шли споры, было наконец принято: реформирование системы квот и голосов в МВФ.

Доля развивающихся стран и стран с формирующимися рынками была заметно увеличена, что адекватней отражает их вес и роль в мировой экономике. Согласно этому перераспределению, страны БРИК, включая Российскую Федерацию, вошли в десятку стран с наибольшими квотами.

«Перезагрузка». Новые отношения России с США на протяжении последних двух лет усложняют общую картину российско-китайских отношений на фоне других дипломатических перипетий для КНР. Новая доктрина НАТО, принятая в Лиссабоне на саммите Североатлантического альянса, констатировала стратегическую роль сотрудничества с Россией. Впервые НАТО зафиксировала в своем базовом документе, что «не является угрозой для России». В начале «нулевого» десятилетия уже был период «оттепели» между Россией и Западом на волне сотрудничества после 11 сентября. Сейчас самым значимым фактором развивающегося взаимодействия России с НАТО является ситуация в Афганистане. В начальный период нулевого десятилетия многими китайскими аналитиками высказывалась настороженность к потеплению отношений России и Запада. С другой стороны, всем понятно, что любое будущее сотрудничество России с США и НАТО по Афганистану и по другим проблемам будет ограничиваться рядом структурных факторов. Нельзя также сбрасывать со счета вероятность перемен во внешнеполитической линии Вашингтона в случае победы республиканцев в 2012 г.

Роль ШОС. В прошлом ее часто пытались поставить под сомнение, указывая на объективные трудности в налаживании серьезного многостороннего взаимодействия, или на малозаметность ШОС в ряде драматических событий в регионе (таких как свержение режима талибов и продолжающаяся уже много лет борьба с ними со стороны НАТО в Афганистане, недавние события в Киргизии и т.д.). Но это неправильно. ШОС уже прошла большой путь превращения в авторитетную международную организацию, потенциал которой очень велик, стала важной площадкой выработки согласованных позиций по Афганистану, где нельзя исключать обострения ситуации после завершения военной миссии НАТО. В целом ШОС накопила большой опыт сотрудничества в сфере безопасности, борьбы против разного рода угроз, согласования позиций соответствующих стран по ряду ключевых международных проблем, развивает сотрудничество в сфере экономики, инвестиций, транспорта, финансов, таможенного дела, внедрения инновационных и энергосберегающих технологий, туризма, медицины и культуры. Запущен проект сетевого Университета ШОС. Конечно, в области экономики соответствующую работу необходимо усиливать.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о ряде новых ориентиров экономической стратегии Китая. Как уже говорилось в предыдущих выступлениях, в наметках 12-го пятилетнего плана предусмотрены следующие важные моменты: 1) коррекция модели экономического роста, предполагающая повышение удельного веса потребления в ежегодном ВВП; 2) дальнейшее изменение структуры народного хозяйства, повышение

3 Проблемы Дальнего Востока № 1

тие западных районов страны и отстающих внутренних районов; 3) повышение энергетической эффективности, снижение уровня выбросов и других факторов загрязнения окружающей среды; 4) ускоренное развитие деревни, стимулирование процесса урбанизации; 5) приоритетное развитие ряда так называемых «стратегических отраслей».

Предполагается отказ от погони за количественными показателями роста. Многие китайские аналитики прогнозируют плавное снижение ежегодных темпов роста до 7–8%, а возможно, и ниже. При этом отмечают, что даже ежегодный рост в 5,6% достаточен для обеспечения решения задачи учетверения подушевого ВВП к 2020 г. На самом же деле он, скорее всего, будет гораздо выше.

Что касается энергосбережения и снижения выбросов, то ожидается, что китайским правительством будет принято решение о снижении на 20% энергопотребления на единицу ВВП. Одновременно возможно принятие неких конкретных обязательств по снижению норм выбросов углекислого газа.

Прогнозируются существенные меры по повышению уровня доходов населения и совершенствования распределительного механизма. Будут продолжены усилия по контролю за чрезмерно перегретым рынком недвижимости и расширению строительства доступного жилья, созданию полноценной системы медицинского и пенсионного обслуживания.

Наконец, названы семь важных сфер промышленности, имеющие стратегическое значение для трансформации структуры экономики. Это, в частности, энергосбережение и охрана окружающей среды, новые информационные технологии, биотехнологии, производство высокотехнологического оборудования, новая энергетика, новые материалы, автомобилестроение на новых источниках энергии (электромобили и проч.).

А.Д. Воскресенский

При всем внешнем благополучии Китая стабильность страны на краткосрочную перспективу определяют, прежде всего, финансово-экономическая ситуация, а потом уже другие проблемы, какими бы сложными они ни были: демографические, политические, экологические и другие. В этих ситуациях Китаю очень важна Россия, но не только с точки зрения поставки ресурсов, технологий, включая военные, а с точки зрения неформальной политической и дипломатической поддержки. Россия — единственная крупная страна, на которую разные сегменты китайской политической элиты традиционно все еще могут положиться больше, чем на политическую элиту других стран, так как между российской и китайской элитами существует высокий уровень взаимопонимания, взаимной рефлексии, тесные исторические связи. В такой ситуации российской политической элите следует закреплять это положение, сохранять и укреплять необходимость для Китая иметь тесные дружественные отношения с Россией.

В этой связи необходимо понимать, как Китай финансирует свою модернизацию, насколько стабильно это финансирование и может ли он превратиться во второй мировой технологический центр. С 1998 по 2005 гг. производство промышленной продукции в США росло ежегодно на 5%. За этот период вырос внутренний спрос на 35%, а импорт — на 80%. То есть США не смогли удовлетворять растущий спрос на промышленную продукцию за счет своего производства и были вынуждены ее импортировать. К этому моменту реформы в Китае дали результаты, которые позволили ему предоставить США такую возможность, прежде всего, в сегменте низкотехнологичной трудозатратной продукции с невысокой стоимостью, в сравнении с американской продукцией. Средства, полученные от экспорта китайской промышленной продукции, в первую очередь в США, а потом и в другие страны Запада, были вложены в совершенствование промышленной базы для ее производства, а львиная ее доля снова направлялась на экспорт, прежде всего в США. Постепенно Китай сумел повысить технологический уровень своего экспорта в США и в другие страны мира, которые стали покупать китайскую продукцию, ранее утвердившуюся на рынках страны-гегемона мировой политико-экономической системы отношений. Далее ряд американских, европейских и японских предприятий были перенесены на территорию Китая, чтобы снизить производственные издержки. Производя иностранные товары по лицензии, китайские предприятия параллельно наладили и собственное производство товаров на основе устаревающих и уже не лицензируемых или заимствован-

ных (легально и нелегально) технологий. К слову, только экономике США это стоило потери примерно 750 тыс. рабочих мест.

В ближайшее время перед Китаем остро встанет проблема добывания всеми возможными средствами технологий для своего дальнейшего развития. При уменьшающемся желании других стран делиться передовыми технологиями со второй экономикой мира, захватившей 10% мирового экспортного рынка, Китаю придется затрачивать все больше ресурсов на приобретение, разработку и применение нужных ему технологий. Другими словами, если страны Запада уже сегодня имеют или разрабатывают технологии, которые составят основу нового технологического уклада (технологии продления жизни, искусственного интеллекта, биотехнологии, новые информационные технологии и др.), то Китай пока осваивает технологии в рамках существующего технологического уклада, покупая, заимствуя, развивая и совершенствуя те, что необходимы ему для развития. Одна из самых ярких иллюстраций этому — создание в 2010 г. в КНР самого быстрого действующего (по сообщениям мировых СМИ) суперкомпьютера, собранного на основе импортируемых из США процессоров, сконфигурированных по схеме китайских инженеров-электронщиков.

В этой связи возникает вопрос: какова добавленная Китаем стоимость (т.е. стоимость локализованных компонентов) в той высокотехнологичной иностранной лицензионной продукции, которую он производит? Существуют разные оценки. В целом добавленная Китаем стоимость составляет примерно 15%. Отсюда — важность вопроса о занижении или завышении курса юаня. Если занижать юань, то Китай повышает добавленную стоимость продукции до 33%. Соответственно, увеличивается финансовый ресурс Китая, который можно направить на совершенствование технологической базы, модернизацию, включая военную и т.д. Однако, начиная с 2001 г., несмотря на манипуляции обменным курсом, Китаю не удается повысить добавленную стоимость продукции, произведенной по лицензии на его территории. В тоже время повышение стоимости юаня на 20% снижает эту долю до 3% и сокращает дефицит США во внешней торговле с Китаем до 0,1% профицита Китая. В этом смысл полемики между США и КНР по поводу манипуляций обменным курсом юаня.

Для снижения американского внешнеполитического давления Китай может сокращать экспорт, манипулировать импортом или перераспределять экспорт своей продукции между разными странами. На протяжении последних 2–3 лет он использовал все эти способы. Постепенно во внешней торговле со странами Запада Китай переориентировался с США на ЕС и диверсифицировал свой внешнеторговый оборот. Увеличивающаяся часть китайского экспорта шла в Гонконг, Корею, Тайвань, страны АСЕАН. При этом через Гонконг, АСЕАН и другие страны происходило реинвестирование капитала внутрь Китая.

Статистика последних лет показывает, что 50% внешнеторгового оборота КНР приходилось в разные годы на долю ЕС, Японии и США, при этом доля внешней торговли составляла до 70% (по другим данным: от 40% до 70%). В 2007–2008 гг. доля ЕС во внешней торговле КНР увеличилась с 18 до 25%, а к 2009 г. она начала «плавать» в диапазоне между 27 и 35%, доля США при этом упала с 25 до 10%. Чтобы продолжать получать валюту от внешней торговли в том же количестве, что и раньше, Китай должен теперь перераспределять свой экспорт в другие страны и регионы (в Африку, Латинскую Америку, Россию, Центральную Азию и т.д.). При этом ему необходимо по-прежнему со*

сы в американские казначейские обязательства, доллары и евро, чтобы поддерживать стабильность курса юаня. Китай не может не иметь больших резервов мировой валюты, иначе у него будет слабый, или необеспеченный юань, с которым при неизменных внешнеполитических и внутривалютных условиях нельзя проводить дальнейшую модернизацию страны. До последнего времени Китай не только продолжал политику мягкого

усиления юаня, но и наращивал валютные резервы для того, чтобы ЦБ КНР реинвестировал эти деньги внутри страны, выпуская на этот объем *жэньминьби* (юань) для финансирования модернизации. Парадоксально, но факт — предрекаемое рядом аналитиков дальнейшее ослабление доллара приведет не к усилению азиатской и китайской роли в мировой экономике, а к девальвации валютных резервов азиатских стран и Китая, что поставит под вопрос азиатскую и китайскую модели развития и модернизации, т.е. поведет прежде всего азиатским странам и КНР.

Сам по себе рост Китая феномена в истории мировой экономики не представляет, так как в разные исторические периоды были страны, экономика которых росла на протяжении примерно такого же срока с такой же скоростью. Главное «ноу-хау» архитектора китайских реформ Дэн Сяопина было достаточно простым, но очень эффективным: у него хватило политической воли и авторитета на практике, а не на словах добиться дозированного и постепенного, но более или менее равномерного и непрерывно нарастающего масштабного одновременного проведения политики открытости (*кайфан*) и внутренних реформ (*гайзе*).

Но если Китай растет больше 10 лет с такой скоростью, какую официальные китайские экономисты заявляют в официальной статистике, то китайская экономика непременно должна быть дефицитной. В то же время официальный дефицит Китая составляет примерно 2,8% ВВП. Отсюда следует, что юань в целом все же скорее недооценен, чем переоценен. В этом главное противоречие и главная уязвимая сторона нынешнего экономического положения Китая, которая может повлечь существенные и трудно предсказуемые политические последствия.

Есть разные методики оценки того, насколько реально недооценен юань. При дефиците 2,8% ВВП он должен быть недооценен примерно от 50 до 60% по отношению к доллару. При дефиците 1,5% — на 45%. В соответствии с расчетами по комплексной методике «behavioral equilibrium exchange rate», юань недооценен примерно на 5–13%. А если рассматривать стоимость юаня с точки зрения баланса внешней торговли, он переоценен примерно на 28%. Это значит, что если приводить в соответствие внутренние цены Китая с внешними ценами мирового рынка, то нужно девальвировать юань примерно на 20–30%. Результатом его девальвации в нынешних условиях даже на 10% будет дефляция. Поскольку в Китае низкий уровень инфляции, увеличится количество «плохих» кредитов, станет происходить дополнительное перераспределение доходов в экспортные отрасли экономики. Однако при всех отрицательных последствиях этой политики Китай сможет осуществлять экономическую экспансию, если, конечно, на это согласятся его торгово-экономические партнеры. Если девальвировать юань больше, чем на 10%, то возникнут последствия, которые были у СССР: начнет исчезать богатство страны, обесценятся активы, сократится потребление, сократятся инвестиции, произойдет резкое падение внешнего торгового оборота и переход на бартер, в результате чего практически невозможно будет избежать политических последствий.

В этой сложной политико-экономической ситуации китайское руководство пытается реструктурировать банки, переключаться на внутреннее потребление, уменьшать неравенство. Китайские экономисты могут попытаться немного девальвировать юань, чтобы оживить экономику, но сделать это в реальности очень сложно не только из-за внешних факторов (прежде всего, политического давления со стороны США), но и из-за внутренних обстоятельств: после вступления в ВТО китайские крестьяне продают внутри страны продовольствие по ценам внешнего рынка. Эти цены привязаны к доллару, и, если девальвировать юань, то в условиях поставок по соглашениям с ВТО сельскохозяйственной продукции из других стран Китай получит неконкурентоспособное сельское хозяйство, снижение уровня жизни крестьян и волнения сельского населения, которое составляет примерно 57% населения страны — иными словами, политическую дестабилизацию. Хотя ревальвация юаня невыгодна для экспортоориентированных отраслей, од-

нако в краткосрочной перспективе она решает, по крайней мере, одну важную политическую задачу: снижает на время вероятность нарастания недовольства крестьян.

С 1982 по 2002 г. профицит внешней торговли КНР составлял от 1 до 1,5% ВВП, и в этом не было ничего необычного по сравнению с другими странами. Однако после 2002 г. внешнеторговый профицит Китая стал расти быстрыми темпами. В 2003 г. он составил 2,8%, в 2004 г. — 3,6%, в 2005 г. — 7,2%, в 2007–11% ВВП. Такой профицит внешней торговли в течение достаточно долгого времени — уникальное явление для крупной национальной экономики. Это предоставляет финансовые возможности решать задачи нового уровня: наращивать строительство инфраструктуры, повышать благосостояние народа, и/или увеличить финансирование военных расходов.

Две трети профицита своей внешней торговли с США Китай на протяжении пяти-семи лет перенаправлял обратно в американскую экономику, покупая казначейские обязательства США, так как надо было обеспечивать стабильность юаня. Оставшаяся треть валютного профицита внешней торговли шла внутрь страны: на эти деньги Китай финансировал модернизацию, обновляя, прежде всего, инфраструктуру. Парадоксально, но в этой ситуации потребление населения падало. К 2008–2009 гг. оно снизилось до 49% ВВП. При этом в предыдущие годы (до 2002 г.) на потребление в Китае шло до 60% ВВП. Одновременно накопление увеличилось до 46% ВВП. Этому есть объяснение: китайцы перестали тратить потому, что юань был переоценен, в этой ситуации население пыталось подкопить деньги, поскольку в государстве в целом одновременно происходило реальное ослабление политики социальной защиты. При таком развитии экономической ситуации будущее для населения становится все менее определенным, поскольку невозможно спрогнозировать, как будет изменяться личная экономическая ситуация каждого человека в течение достаточно долгосрочного периода. Как следствие — траты на путешествия, рестораны, товары повышенного спроса и в самое последнее время — на автомобили и недвижимость. Резко возросший спрос на недвижимость может, по мнению ряда экспертов, стать индикатором перегрева экономики и будущего кризиса, связанного со сдутием «пузыря» цен. Последние полгода китайские экономисты административными мерами способствуют снижению спроса на недвижимость.

В то же время китайская статистика зафиксировала рост сбережений. Семейные сбережения остаются примерно на прежнем уровне и составляют от 6 до 16% ВВП в зависимости от методики подсчета. С 2000 г. стали резко расти корпоративные сбережения: в 2000 г. они составляли 15%, а в 2007 — уже 26%. Корпоративные сбережения в условиях современного Китая — это доходы китайских государственных компаний (которые за предыдущее десятилетие не стали более доходными, а управляющее звено в них не стало кардинально эффективнее). Значит, вырос процент прибыли от доли ВВП, которую эти компании стали получать. Наиболее доходные компании — государственные или акционированные (но с преобладающим государственным участием) — занимаются сталелитейным и алюминиевым производством, производством цемента, машиностроением, химической промышленностью, находятся в разных отраслях нефтяной промышленности, черной металлургии, угольной промышленности, энергетики. Ростом этих секторов промышленности и, соответственно, прибылей в них и объясняется индустриальный рост Китая на протяжении последнего десятилетия.

Эти компании стали производить больше продукции, половина из которой потребляется внутри страны. Другие 50% продукции идут на экспорт, но этот экспорт не «чистый», а «с отъемом» внутрикитайской доли у иностранных компаний (включая российские), выдавливаемых с китайского рынка, которым было крайне сложно найти другие рынки сбыта в условиях мирового кризиса и последовавшей за ним мировой рецессии.

Для преодоления кризиса и оживления экономики китайцы влили государственные деньги в инфраструктуру, строительство и недвижимость. Эти меры дали хороший результат. Но в этих сферах доминируют государственные или полугосударственные

компании. Кроме того, в 2009 г. в КНР была проведена реформа, в соответствии с которой был сокращен налог на компании, которые покупают оборудование. С помощью такой меры китайские экономисты высвободили для отечественных компаний примерно 120 млрд юаней, которые были направлены на технологическое перевооружение производства. Но для данной цели одних этих денег недостаточно. Поэтому параллельно китайские власти стали стимулировать выдачу кредитов на строительство и обновление инфраструктуры. На эти кредиты китайские государственные банки стали выдавать деньги государственным корпорациям. Объем выданных кредитов составляет примерно 1,3 трлн долл. США или 8,9 трлн юаней. Одновременно китайцы трижды за последние 5–6 лет «мягко» девальвировали юань — примерно на 2% каждый раз, уступая не столько внешнему давлению, сколько внутренней экономической и политической целесообразности.

В сложившейся ситуации внешнего и внутреннего давления на юань можно укреплять национальную валюту, но в то же время нельзя укреплять ее сильно, так как это повлечет неконкурентоспособность китайских товаров на внешних рынках, падение ходов от экспорта, что чревато внутривалютными волнениями той части населения, которая занята в экспортоориентированных отраслях. Для оживления экономики национальную валюту можно было бы немного девальвировать, но это вызвало бы очередной взрыв негодования в США и других странах мира, где и так давно говорят о нечестной манипуляции юанем и о необходимости устанавливать протекционистские пошлины, направленные против китайской продукции. Одновременно это нанесло бы удар по крестьянству.

Результат вышеизложенного: два вида политики, которую проводят в последнее время китайские власти. С одной стороны: урбанизация, привлечение внутренних инвестиций, повышение минимального прожиточного минимума населения, повышение пенсий, поддержка бедных, увеличение минимальной ставки оплаты труда, пособий по безработице, дотации сельскому хозяйству. Эти меры пытается осуществить одна группа китайских политиков. Одновременно на фоне усиления госкорпораций формулируется и другой курс: растут требования увеличения импорта энергоресурсов, усиления мер защиты от внешнего врага, особенно США, ужесточения внешнеполитической линии, усиления госкорпораций, уменьшения расслоения населения. Эти новые внутривалютные тенденции способствуют возрастанию влияния другой группы политиков. Но на эти новые внутривалютные тенденции не могут не реагировать представители первой группы. Они также становятся восприимчивы к предложениям об ужесточении внешнеполитической линии. Ситуация внутри КПК в последнее время свидетельствует, что в силу ряда причин китайское руководство считает монетаристские способы урегулирования существующих проблем малоперспективными, так как решение их, в первую очередь, экономическим путем неизбежно потребует поиска нелегкого компромисса с Западом и осуществления политической модернизации. Поэтому оно уповает на дальнейшее усиление роли госкорпораций и ужесточение внешнеполитической линии. В этом смысле для Китая «эпоха Дэн Сяопина» закончилась, и начался поиск новой, пост-дэновской модели развития самого Китая и его отношений с внешним миром.

В.Я. Портяков

Хотел бы поставить такой вопрос. В то время, как в мире усиливается экономическая роль таких стран, как Китай, Бразилия, Индия, ЮАР, в нашем телеэфире это как раз те страны, откуда постоянно поступают в основном негативные новости (взрывы, катастрофы, преступность и т.п.). Не означает ли это, что налицо принципиальное ухудшение качества мирового роста? Правомочно ли такое утверждение? Или мировой экономический рост — понятие нейтральное? Неважно, как он обеспечивается, лишь бы был. Не секрет, что многое из того, что производят в Китае даже по западным моделям — продукция более низкого качества, чем в первоначальном оригинальном виде. С помощью различных технологий развивающиеся страны получили дополнительный ресурс

роста, возможность перескакивать через казавшиеся ранее обязательными технологические ступени. Это не дает прибавки в знаниях, владении информацией и ее использовании. Здесь есть над чем подумать.

Переходим ко второму блоку вопросов, связанных с рассмотрением отношений КНР с различными группами стран и отдельными регионами.

Ю.А. Дубинин

Заявленная проблематика настоящего круглого стола — «Меняющийся Китай в меняющемся мире» — неизбежно заставляет задуматься над рядом вопросов.

В каком направлении и под воздействием каких факторов происходят глобальные изменения в современном мире?

Как происходящие перемены воздействуют на формирование новой глобальной и региональной среды?

Каковы ведущие тенденции современного мирового развития?

Какое место отводится во всем этом современному Китаю?

Станет ли новый окрепший Китай державой, стремящейся ревизовать существующий миропорядок, или державой, ратующей за status quo, и какое влияние он будет оказывать на глобальную и региональную среды в случае первого либо второго сценария?

Распад биполярного мира привел к тектоническим изменениям во всей системе международных отношений, которая вплоть до настоящего времени еще не обрела какую-либо новую, устоявшуюся структуру. Хотя сущностные характеристики периода, наступившего после биполярности, пока размыты, тем не менее совершенно очевидно, что результатом этих перемен стала глубокая трансформация глобальной архитектоники.

В чем она выражается:

1) С распадом Советского Союза и ликвидацией социалистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы, а также с исчезновением геополитического и идеологического противостояния между системами социализма и капитализм исчез так называемый «второй мир». Социалистическая идеология как системоформирующая сохранилась лишь в отдельных анклавах (КНР, КНДР, СРВ и Республика Куба), достаточно независимых друг от друга и более не координирующих свои действия.

2) Кардинально изменился «третий мир», который начал стремительно расслаиваться с выделением сравнительно небольшой группы быстро развивавшихся государств, которые устремились вдогонку за развитыми странами, и остальной массы — стагнирующей и погрязшей в долгах («несостоявшиеся государства» — failed states). Политически «третий мир» перестал быть таковым, поскольку исчезла существовавшая десятилетиями парадигма балансирования мира развивающихся стран между «первым» и «вторым» мирами.

3) Наконец «первый мир» — мир индустриально развитых государств праздновал неожиданную победу в «холодной войне» и принялся лихорадочно подыскивать подходящие проекты будущего глобального мироустройства.

Новая глобальная расстановка сил, сопровождавшаяся к тому же эйфорией от успешной попытки освобождения Кувейта и разгрома армий Саддама Хусейна коалицией государств, действовавших по мандату Совета Безопасности ООН, позволила президенту США Дж. Бушу-старшему в упоении от этой победы провозгласить осенью 1991 г. с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН программу построения «нового мирового порядка». По замыслам президента США, этот «новый мировой порядок» должен был создаваться под американским руководством, с тем чтобы в его рамках «законность заменила закон джунглей».

Были найдены и соответствующие случаю и обстановке идеологические и экономические доктрины. Ими стали «конец истории» в сфере идеологии и «глобализация» в области международной экономической жизни и ряде других сфер. Провозгла-

шение западных экономических, политических и идеологических стандартов в качестве единственно возможной и потому, без сомнения, истинной ценности позволяло развитым государствам во главе с США создавать доктрину универсализма. Странам бывшего «второго», а также в определенной мере и «третьего» миров предлагалось принимать в том или ином качестве участие в этих процессах — глобализации, демократизации и присоединении к западным экономическим, а в ряде случаев и военно-политическим структурам. К тем же из них, кто «шагал не в ногу», применялись меры идеологического (пропагандистского), экономического, а в отдельных случаях и военно-политического воздействия.

В качестве практического воплощения доктрины универсализма в Европе в рамках политики «вовлечения и расширения» значительно выросло число государств-участников в составе НАТО и ЕС, а против осмелившихся сопротивляться сербов в Боснии и Югославии были применены массированные натовские бомбардировки.

Еще более наступательным стало воплощение лидерских тенденций в американской политике начала 2000-х гг. С приходом во власть неоконсерваторов Вашингтон стал единолично определять «врагов человечества», приписывая неудобные ему правительства других государств к т.н. «оси зла» и сделал «смену режимов» одним из приоритетов своей политики. Внедрение американской политики односторонних действий — «унилатерализма» — в международную практику первой половины первого десятилетия XXI века одновременно стало своеобразным переломным моментом пост-биполярной системы международных отношений. «Ворчание» Европы, недовольство России, озлобление мусульманского мира, ускорение своих атомных проектов правительствами КНДР и Ирана, а главное — неспособность США добиться решающих успехов в Ираке и Афганистане — все это отчетливо свидетельствует о кризисе однополярности. Окончательно черту подвел зародившийся в США глобальный экономический кризис 2008 г.

Тем временем на международно-политическом ландшафте появляются новые государства, все громче заявляющие о себе не только бурным экономическим ростом (в 2011 г., как и в 2010 экономики развивающихся стран — Китая, Индии, Бразилии, Турции и др. — вырастут минимум на 8%, в то время как обремененные долгами развитые страны в основном будут с трудом обеспечивать чуть более 2% роста), но и нарастающим политическим влиянием, активизацией участия в решении не только региональных, но и важных глобальных проблем. Продолжает происходить перераспределение удельного веса сил и влияния между различными существующими и возникающими мировыми центрами. Похоже, что в ближайшие годы нас ждет становление «еще более нового мирового порядка», который многие эксперты отождествляют с многополярностью — организацией международно-политической системы на началах полицентризма.

В этом контексте особенно заметным является фантастический прогресс Китая, который буквально на глазах превращается в первоклассную мировую державу. Налицо не только динамичное экономическое развитие государства, вышедшего на вторую позицию в мире по производству ВВП, но и последовательная неуклонная консолидация международных позиций КНР. Специфика международного возвышения Китая, как представляется, выражается двумя аспектами: во-первых, на протяжении длительного времени Пекин последовательно и терпеливо выстраивает неконфронтационные, а где это представляется возможным, дружественные отношения с соседями (за исключением, быть может, Японии); во-вторых, с началом политики реформ КНР неустанно декларирует, что она не вступает в союзы ни с какими государствами, оставляя таким образом за собою право на любые возможные внешнеполитические комбинации.

Китай в последние годы становится державой, с которой все ведущие мировые игроки стремятся выстроить особые отношения. В этом ряду стоит отметить активно муссирующиеся идеи «кимерики» — новой биполярности либо американско-китайского condominiuma, а также выдвинутую правительством Ю. Хатаями идею формирования

«Восточноазиатского сообщества» в составе Японии, Китая и Южной Кореи. Активно играет КНР и на удаленных от зоны своих традиционных интересов — восточноазиатского региона — «площадках» Латинской Америки и Африки. Влиятельная газета «Financial Times» назвала это возвышение Китая «самым важным изменением баланса благосостояния и власти с тех пор, как в конце XIX в. на мировой арене в качестве новой действующей силы» появилась Америка.

При этом говорить о конце американского преобладания пока еще рано. При всех своих проблемах США по-прежнему остаются сверхдержавой — единственной страной, способной действовать в любом уголке мира, непревзойденной по своей военной, экономической, финансовой и технологической мощи.

Исторический опыт свидетельствует, что всякий раз, когда на авансцену истории выходили новые силы, они выражали неудовлетворенность существовавшим мировым порядком, не принимавшим во внимание их амбиции, и стремились к реформатированию действовавших систем международных отношений. Это приводило к крупным конфликтам и даже к войнам континентального и глобального масштаба. Китай уже явственно выражает свое недовольство: это проявляется в виде критики существующей глобальной финансовой системы, чрезмерно — как считает Пекин — завязанной на американский доллар, резких протестах против крупных поставок американского вооружения Тайваню, в новом формате поведения в традиционных территориальных спорах с Японией и т.п. Можно лишь надеяться, что эти попытки обретения Китаем нового международного статуса и трансформации глобальной политической структуры будут происходить без серьезных потрясений.

А.С. Давыдов

Четыре года назад, выступая на нашей XVI Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир» с тезисами о том, реальна ли в мире новая биполярность, я охарактеризовал применительно к Китаю период, прошедший на тот момент с начала XXI в., как «начальный этап продвижения КНР от положения региональной супердержавы к полноценному глобальному сверхдержавному статусу».

Было отмечено, что на пути этого продвижения отношения Китая с единственной сверхдержавой США, которые были названы «отношениями сотрудничества и соперничества с определенным преобладанием элементов последнего», продолжают сохранять главенство для китайской внешней политики.

Признаками новизны во внешнеполитических действиях двух стран на том этапе были:

– у США: переориентация приоритетов на базе новой, незадолго до того принятой стратегии национальной безопасности на отношения со странами АТР и, в первую очередь, с КНР;

– у Китая: постепенное замещение на практическом уровне прежней внешнеполитической концепции «мирного возвышения» страны более мягкой по формулировкам концепцией «гармоничного мира», озвученной председателем КНР Ху Цзиньтао изначально в апреле 2005 г., которое по своей сути, однако, не означало каких-то радикальных перемен в отношении конечных целей китайской внешнеполитической стратегии.

Тем не менее, это «смягчение», видимо, было услышано в Вашингтоне как определенный сигнал и сыграло не последнюю роль в его последующих инициативах в адрес Китая — поначалу «стать т.н. ответственным глобальным акционером», то есть разделить с той же Америкой бремя ответственности за складывающуюся в мире ситуацию, а позднее — поделить с США мир «на двоих» в рамках предложенных им форматов «ки-мерики» и G-2.

К глобальному финансовому кризису обе ведущие мировые державы подошли каждая со своим собственным экономическим и внешнеполитическим «багажом».

Внутри самих США и в международной среде на фоне надвигавшегося экономического спада резко обострилось недовольство по поводу практиковавшихся администрацией Дж. Буша-мл. жестких методов военно-силового экспансионизма, уже вызвавших к тому времени внутренние неурядицы в стране, спровоцировавших напряженность в контактах с союзниками и приведших к ухудшению отношений с основными глобальными конкурентами — КНР и Россией.

В то же время Китай, несмотря на сопутствовавшие постоянному ежегодному 9–10-процентному росту его ВВП «перегревы» экономики, неблагоприятную экологическую ситуацию, череду стихийных бедствий, вспышки сепаратизма и другие негативные факторы, существенно укрепил свои международные позиции, расширил сферы экономико-политического влияния в АТР, Центральной Азии, Африке и Латинской Америке, а на самом пороге глобального кризиса с триумфом провел XXIX Олимпийские игры, заставив еще активнее говорить о его серьезном стремлении опереться в гонке за глобальное лидерство на рычаги т.н. «мягкой силы».

Олимпиада в Пекине и еще два близких ей по срокам события — одно регионального, другое локального свойства, но оба глобальной значимости: провозглашение независимости Абхазии и Южной Осетии в результате российско-грузинского военного конфликта и приход к власти в Вашингтоне администрации демократов во главе с первым в истории США президентом-афроамериканцем Б. Обамой — стали некими поворотными точками, обозначившими начало качественных трансформаций в мировой архитектонике — постепенного демонтажа монополярной системы, обусловленного ослаблением глобальных позиций и роли Америки.

Причины этого ослабления заключаются в воздействии мирового финансово-экономического кризиса, истоком которого стала, в первую очередь, ситуация в самой американской экономике; в снижении в результате экономического «недомогания» военно-политической мощи Соединенных Штатов, существенном ограничении их способности силового реагирования на события в разных частях мира, возможности диктовать, как прежде, зависимым от них странам условия их поведения. На этом фоне произошло укрепление веса, авторитета и влияния Китая.

Кроме этих объективных причин существует и субъективная. Вряд ли стоит отрицать, что впервые за многие десятилетия, пожалуй, со времен первого после «великой депрессии» правительства Ф. Рузвельта, к власти в Америке пришла администрация, нацеленная в силу сложившихся внутренних условий на определенную социализацию государства, воссоздание ориентированных соответствующим образом институтов, что потребовало от нее принципиально иных подходов и к международной политике, сокращения ресурсов для внешней экспансии.

Другими словами, внутреннее «полевение» породило необходимость внешнеполитических корректив, смягчения прежнего гегемонистского курса. А стремление выпутаться из иракского и афганского «тупиков» — этого «наследства» республиканцев — заставило притушить спровоцированный Америкой накал в отношениях с КНР и Россией, приведя к идеям американо-российской «перезагрузки» и т.н. «нового рейса» в отношениях с Китаем.

Эти коррективы нашли отражение в действующих сегодня внешнеполитической и ядерной доктринах США, но, к сожалению, не стали определяющими в американском курсе. Это вполне естественно: оставаясь и поныне самой крупной и сильной в военном, экономическом и политическом плане державой мира, Соединенные Штаты намерены сохранить за собой прерогативу глобального доминирования и не хотят ни с кем делиться этой привилегией.

Именно поэтому потерпел фиаско провозглашенный ими «новый рейс» в отношениях с КНР. Китай официально отверг предложение о т.н. «двойке», сразу поняв, что за ним стоит не только попытка Америки преодолеть экономический кризис с его помо-

щью и в значительной степени за счет его ресурсов, но и завуалированное стремление контролировать и сдерживать Китай всякий раз, когда он будет действовать в нарушение американских интересов.

Ситуация оставаться на «вторых, вспомогательных ролях» Китаю явно не импонировала, хотя второй державой мира его по совокупности ряда объективных критериев уже признает на протяжении некоторого времени ряд авторитетных международных экспертов. Этот его статус косвенно подтвердила и администрация Обамы, переместив Россию с позиции своего главного визави на мировой арене и освободив ее для КНР.

Таково еще одно качественное изменение в системе современного миропорядка, которое подтверждается как гораздо большими объемами и масштабами торгово-экономических связей и частотой политических контактов Америки и Китая на различных уровнях по сравнению с аналогичными показателями у США и России, так и уменьшением значимости фактора российско-американского ядерного паритета в условиях отсутствия конфронтации между ними. Становится очевидной справедливость утверждения отечественных экспертов о том, что статус «великой державы» обретается в результате общего признания той или иной страны в этом качестве другими членами международного сообщества, и для КНР признание ее второй державой мира фактически уже состоялось.

Как поведут себя США и Китай в этих качественно иных условиях? Каковы прогнозы развития их отношений в обозримом будущем? Некоторые события в них на протяжении двухлетнего президентства Обамы, и особенно последнего года, после его ноябрьского визита в КНР могут подсказать ответы на эти вопросы.

Следует признать, что на протяжении указанного периода негативное в них заметно перевешивало позитивное: конфликт вокруг американской компании Google, грозившей свернуть деятельность в КНР в ответ на цензуру в китайском Интернете; обострение отношений в связи с намерением США выполнить обязательства перед Тайванем о поставках вооружений и ответным прекращением Пекином военных связей с Вашингтоном, введением Китаем санкций против американских компаний, участвующих в вооружении острова; прием в Белом доме далай-ламы; отказ КНР в поддержке США по иранской ядерной программе; отказ их требованию ревальвировать юань и тем самым уменьшить американский дефицит в торговле с Китаем и т.п.

Два года назад во время президентской кампании в США Обама пользовался необычайной популярностью в Китае. Его визит в КНР год спустя был, по официальным оценкам, «очень успешным». Так что же происходит в реальности?

Со стороны Вашингтона — это демонстрация обеспокоенности усилением Китая, поставившим под сомнение способность США по-прежнему осуществлять его сдерживание. Со стороны Пекина — провозглашение открытого несогласия на сохранение американского глобального доминирования. Момент для этого более чем подходящий: гегемонизм США привел мир сначала к определенному застою, а затем к кризису, обострились многие проблемы — экономические, энергетические, экологические и климатические, не говоря уже о политических.

Всплески терроризма, иранская, афганская и корейская проблемы, которые больше всего беспокоят сегодня Америку, могут рассматриваться по существу и как ответная реакция на американскую монополярность, а в более широком плане — на глобализацию по-американски, так и не обеспечившую сокращение разрыва между сытыми и голодными, бедными и богатыми, здоровыми и больными и лишь маскирующую его.

Цинично и вызывающе выглядела операция США по возвращению с помощью вооруженной силы доступа к контролю над источниками сырья и энергоресурсов в Ираке. Все прекрасно поняли, что причина вторжения туда именно в этом, а не в мифической ядерной кнопке Саддама Хусейна.

Выбор момента для демонстрации Китаем своего недовольства обусловлен также разногласиями среди членов западного альянса. Объединенная Европа претендует на самостоятельную глобальную роль и не во всем готова полностью соглашаться с США.

Главное то, что в сложившихся условиях Китай избрал собственный самостоятельный путь, отказался интегрироваться в мировую элиту на предложенных США условиях и видит в них угрозу и препятствие на пути своего развития и укрепления глобального статуса.

Замысел Китая видится в осуществлении радикальных изменений в сложившейся мировой архитектонике в пользу развивающихся стран и, в первую очередь, свою собственную. При этом подразумевается, что развивающиеся страны могут добиться этого, преодолев отставание от развитых за счет стремительной модернизации и инновационного рывка в экономике, науке и технике, а развитые страны должны помогать им в этом, ускоряя процесс. Для реализации этого замысла мир нуждается в Китае, который должен занять «инициативную и выгодную позицию и активизировать участие в мировых делах».

По существу речь идет о перспективе формирования мирового полюса во главе с КНР. На подступах к этой задаче Китаю необходимо решить ряд проблем, а мировому сообществу определить, какова его конечная цель: будет ли он стремиться доминировать в мире подобно США, обеспечив изначально себе первенство по абсолютному большинству параметров, или удовлетворится тем, что явит пример некоего нового пути к построению общества гармонии и процветания? В первом случае главным признаком станет демонстрация им т.н. «имперских амбиций». Во втором — многое определится результатами, достигнутыми в процессе строительства т.н. «общества средней зажиточности», и суммарным итогом построения провозглашенного им «социализма с китайской спецификой».

Если своей конечной целью Китай наметит мировую гегемонию, ему неизбежно придется решить следующие задачи:

- 1) восстановить территориальную целостность, решив т.н. «тайваньскую проблему»;
- 2) окончательно сформировать географическое и геополитическое пространство, именуемое «Большой Китай» (включает КНР, Гонконг, Макао, Тайвань, страны ЮВА, СВА и других регионов мира с преобладанием этнических китайских общин и анклавов);
- 3) упрочить за счет имеющихся в распоряжении т.н. «Большого Китая» экономических, политических, военных, сырьевых, демографических и других ресурсов лидерские позиции на глобальном уровне.

Такие перспективы, безусловно, идут вразрез с американскими интересами.

По какому бы сценарию ни развивались дальнейшие китайские планы, очевидно, что ключевым и наиболее взрывоопасным в отношениях США и КНР, несмотря на его текущую «затененность» другими проблемами, будет оставаться тайваньский вопрос.

Именно в тот момент, когда наметились реальные сдвиги в отношениях двух берегов пролива в позитивном для Пекина направлении, американские оружейные сделки с Тайванем нарушают интересы КНР. Не в этом ли причина изменения отношения в Китае к самому Обаме, базирующаяся на убежденности в нежелании США способствовать тому, чтобы сближение материка и острова осуществлялось достаточно быстро?

Без преувеличения можно констатировать: от того, как решится тайваньская проблема, будет во многом зависеть дальнейший ход мировой истории. В случае мирного объединения откроется путь к созданию Большого Китая, дальнейшему распространению в мире его влияния. Вооруженный конфликт в проливе может привести к новому глобальному размежеванию с последующим переделом мира.

В качестве одного из вариантов урегулирования тайваньского вопроса можно подумать над компромиссной схемой, согласно которой объединение двух берегов пролива

происходит по «сянганской модели» на основе принципа «одно государство — две системы», в дополнение к которой ведущей политической партии Тайваня Гоминьдану гарантировалась бы возможность постепенного вхождения в законодательную, а затем в исполнительную ветви власти материка. Такая схема, как представляется, не только позволила бы Гоминьдану активно участвовать в политических и других аспектах жизни объединившегося Китая, но в перспективе, через оговоренный срок, могла бы стать основой введения в стране реальной многопартийности — предтечи демократизации ее внутренней жизни.

Тайваньский вопрос геополитически связан с проблемой безопасности в АТР. Недавние шаги США по т.н. «возвращению» в регион свидетельствуют об их обеспокоенности усилением позиции КНР в Азии. Последние поездки в АТР Обамы и Х. Клинтон определенным образом компенсировали прежний недостаток внимания Америки к этому региону после терактов 11 сентября.

Укрепление отношений с Японией, Южной Кореей, заявление Х.Клинтон о том, что действие американо-японского договора безопасности распространяется на острова Дяоюйдао, которые Китай считает своими, усиление связей США не только с Индонезией, но и с Вьетнамом — все говорит о том, что раунд борьбы между Америкой и Китаем за влияние в АТР будет острым.

По существу сегодня единственным антиамериканским режимом в Азии остается северокорейский, который рассматривается как естественная опора Китая в соперничестве с США. Однако, судя по просочившимся в СМИ данным, КНР якобы кулуарно обсуждает с Америкой проблему корейского объединения под эгидой Сеула. Означает ли это, что Северной Кореей хотят пожертвовать ради разрядки напряженности на полуострове? Не может ли она предназначаться в качестве «разменной монеты» при урегулировании тайваньского вопроса?

Тем не менее, несмотря на рельефность некоторых китайско-американских противоречий в Азии, вряд ли в ближайшем будущем там между ними возникнет открытый конфликт.

С одной стороны, в отличие от прошлых времен США «возвращаются» в Азию с обновленной политической философией. Как отмечала недавно в Гонолулу Х. Клинтон, они намерены при помощи традиционных союзников, новых партнеров и региональных организаций «укреплять контакты со странами АТР путем развития экономики, обеспечения безопасности и проведения достойной внешней политики, также внимательно прислушиваясь к руководству азиатских стран и взаимодействуя с ним».

С другой стороны, Китай рассматривает это «возвращение» как дело вполне естественное. И хотя на протяжении длительного времени США проводили политику как сближения с Китаем, так и его сдерживания, и укрепляют отношения с соседними с КНР странами, они, как пишут в китайских СМИ, «еще не вышли из общих рамок стратегии по отношению к Китаю». В Пекине рассчитывают на координацию с Вашингтоном действий по важным международным вопросам. А государства АТР также не жаждут стоять перед выбором в связи с противостоянием Китая и США и не желают из-за этого противостояния беспорядков в регионе. В Вашингтоне же признают, что и КНР, и США ведут свою игру в АТР, однако ни та, ни другая страна не должны «вести игру с нулевой суммой».

Помимо регионального соперничества в отношениях двух стран налицо серьезные расхождения по другим крупным мировым проблемам. Оставляя в стороне вопросы сугубо двусторонних отношений, включая курс юаня, американский торговый дефицит, права человека и ряд других, достаточно подробно освещенные в соответствующих аналитических разработках, следует упомянуть о таких ключевых темах, как обеспечение доступа к сырьевым ресурсам, комплекс экологических и климатических проблем, а также террористические и военные угрозы, включающие проблемы ракетно-ядерных вооружений и ПРО.

Для поддержания высоких темпов развития и в связи с серьезным энергодефицитом Китай будет расширять доступ к мировым источникам сырьевых и энергетических ресурсов. Попытки препятствовать ему в этом чреваты серьезной дестабилизацией международной обстановки, и США не должны об этом забывать.

Расхождения между развитыми и развивающимися странами в вопросах охраны окружающей среды и регулирования климатических изменений носят принципиальный характер и могут спровоцировать очередной кризис, если их не удастся преодолеть.

И, наконец, несмотря на некоторые подвижки в вопросе об американско-китайской системе ПРО, он пока не решен окончательно. России как особо заинтересованной стороне следует проявлять мудрость и осмотрительность, имея в виду негласную потенциальную возможность нацеливания этой системы, помимо Ирана и Северной Кореи, и на Китай. Необходимо следить за соблюдением того, чтобы реализация лиссабонских договоренностей не нарушила баланса между интересом России к сотрудничеству с НАТО и обязательствами, вытекающими из соглашений о стратегическом партнерстве и взаимодействии с КНР.

В последнее время становится все более заметным, что в Китае усиливается интерес к отношениям РФ с США, к оценкам в российских государственных, общественных, научных и деловых кругах китайско-американских связей. В то же время в Америке все внимательнее анализируют нюансы российско-китайских отношений. Этим обстоятельством можно и нужно воспользоваться в целях усиления российского влияния в политических элитах США и КНР.

Исходя из вышеизложенного, видимо, можно утверждать, что отношения между Вашингтоном и Пекином в ближайшем будущем вряд ли станут более «теплыми и доверительными», чем сегодня, однако позитивный багаж накопленный в них за три с лишним десятилетия, послужит фундаментом дальнейшего американско-китайского взаимодействия.

Отсутствие у Китая в острой фазе кризиса стремления «обвалить» американскую экономику, для чего у него имелись определенные возможности, свидетельствует о том, что он не заинтересован в экономическом коллапсе Америки, прежде всего, в силу своей тесной привязки к функционированию американского рынка.

Однако многое в дальнейших отношениях двух стран будет зависеть от того, насколько конфронтационными окажутся те идеологемы, с которыми каждая из них намерена выстраивать будущий мировой порядок.

Главным «запалом» китайско-американского конфликта, как и прежде, остается тайваньская проблема.

Противоречия между США и Китаем будут сохраняться в обозримом будущем как на региональном, так и на глобальном уровне. Однако если стороны, которые связывает не меньшее, чем то, что их разделяет, не переступят грань учета взаимных интересов, ситуация не станет катастрофической.

Борьба за мировое доминирование не синонимична борьбе за глобальное лидерство. Оставаясь первым по ключевым параметрам — не всегда являешься лидером, т.е. примером, на который хотят и будут равняться. Вопрос в том, к чему стремится Китай — гегемонии со всеми вытекающими последствиями, главными из которых станут новая гонка вооружений и новая биполярность. Или лидерству среди определенной группы схожих по ментальным и культурным корням стран?

А.Д. Воскресенский

Поясните, пожалуйста, относительно паритета ядерных потенциалов США и России. Что имелось в виду?

А.С. Давыдов

В условиях открытой биполярной конфронтации СССР и США ядерный паритет был главенствующим фактором, определявшим их сверхдержавный глобальный статус. При отсутствии такой конфронтации между США и нынешней Россией значимость ядерного паритета, на мой взгляд, несколько снижается.

В.И. Трифонов

Одна из главных особенностей меняющегося мира — нарастание противоборства между двумя крупнейшими мировыми державами, Соединенными Штатами с их сохраняющейся огромной мощью и стремительно набирающим силу Китаем. В складывающейся обстановке возрастает значение российского фактора, от которого во многом будет зависеть новая конфигурация сил на международной арене, что хорошо понимают как в Вашингтоне, так и в Пекине. Перед нашей страной возникает задача выстроить такую линию в отношениях с США и Китаем, и в целом в мировых делах, чтобы при любых поворотах событий надежно обеспечить российские интересы, безопасность России.

Следует отметить, что Россия имеет значительный вес в треугольнике США—КНР—РФ, отнюдь не являясь в нем слабым звеном, как это пытаются представить отдельные политологи, включая и некоторых российских экспертов. Несмотря на то, что США, а теперь и КНР возводятся в ранг «сверхдержав», Россия обладает немалыми преимуществами, позволяющими ей сохранять положение одной из ведущих мировых держав. Наша страна располагает огромной территорией, уникальными природными ресурсами, мощным стратегическим и военным потенциалом. Хотя с распадом СССР понесено немало серьезных потерь, Россия постепенно возвращает свои позиции на международной арене. Важнейшее значение имеет ее геостратегическое положение — в центре евразийского континента, в окружении стран и регионов с сохраняющимся сильным российским влиянием, к тому же укрепляющимся в последнее время.

Вместе с тем, налицо существенное отставание России в экономическом плане. Так, в 2009 г. объем ВВП США составил, по официальному обменному курсу, 14,3 трлн долл. (около четверти мирового ВВП). У КНР было 4,9 трлн долл. (8,5% мирового ВВП), а в 2010 г. Китай по объему ВВП обогнал Японию и вышел на второе место в мире. Российский же ВВП составил 1,25 трлн долл. (3,2% мирового ВВП). Несопоставимы объемы американо-китайской торговли — 365,9 млрд долл. в 2009 г. — с уровнем торговли России с КНР (38,8 млрд долл.) и с США (23,5 млрд долл.).

С переходом КНР в начале 1980-х гг. на путь ускоренного модернизационного развития последние десятилетия были отмечены тесным политическим и экономическим сотрудничеством между США и Китаем. В конце 1970-х — начале 1980-х гг. Вашингтон и Пекин выступили, по сути, единым фронтом против Советского Союза, действия которого в тот период были ими расценены как общая угроза для американских и китайских интересов. США сыграли одну из главных ролей в быстром экономическом подъеме Китая, осуществив крупные инвестиции в эту страну. Можно даже говорить о своего рода «экономическом сращивании» двух держав. В Китае действует около 50 тысяч предприятий с американским капиталом. Торговля двух стран составила в предкризисном 2008 г. 407,5 млрд долл. Объем приобретенных Китаем в США долгосрочных и краткосрочных ценных бумаг достиг на данный момент около 850 млрд долл. (в связи с кризисом Пекин начал было сокращать эти закупки, но в последнее время вновь увеличил их). В США обучается свыше 150 тыс. китайских студентов, поставлена задача довести до 100 тыс. число американских студентов в КНР. Китайские ученые работают в наиболее значимых научных лабораториях США, немало американских специалистов находится в Китае. Все это создает огромный резервуар американского влияния в КНР.

Неплохо складывались и политические отношения сторон, в том числе при администрации Дж. Буша-мл. Курс на тесное партнерство с Китаем был сразу же взят на

вооружение администрацией Б. Обамы, к чему ее настойчиво подталкивало американское экспертное сообщество. В США были выдвинуты известные теории G-2, «кимерики», предполагавшие совместное с Китаем управление мировыми делами. В ходе визита в Китай американского президента Б. Обамы в ноябре 2009 г. стороны договорились об осуществлении далеко идущих совместных усилий по регулированию мировых проблем, подчеркнули, что они «разделяют широкие общие интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

В то же время продолжающийся уже три десятилетия стремительный рост экономической и совокупной мощи Китая, включая наращивание его военного потенциала, планы выхода китайских ВМС в мировой океан, вызывают все большую озабоченность в широких политических и военных кругах США, в американском Конгрессе, у союзников Америки, в первую очередь Японии, у стран АСЕАН, требующих принять действенные меры по сдерживанию Китая, и, во всяком случае, не способствовать дальнейшему росту его потенциала.

Особое беспокойство Вашингтона вызывает заметное усиление позиций Китая в Восточной и Юго-Восточной Азии, где КНР существенно потеснила США как в экономическом, так и в политическом плане. Образовались группировки с сильным влиянием КНР и без участия США: АСЕАН+1 (Китай), АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея), АСЕАН+6, (Восточноазиатский саммит: Китай, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, Индия), треугольник на высшем уровне в Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея). Китай занял место США в качестве главного торгового партнера Японии, Южной Кореи, многих стран АСЕАН, Тайваня. Дальнейшему упрочению позиций КНР в регионе будет способствовать вступление в силу с 1 января 2010 г. зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН, совокупные параметры которой составят 1,9 млрд населения, 6 трлн долл. ВВП, 4,5 трлн долл. общего внешнеторгового оборота. При этом очередная попытка Вашингтона создать ЗСТ с Южной Кореей так и не увенчалась успехом.

Возникла опасная «дуга напряженности» в связи с территориальными спорами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, причем США достаточно ясно заняли сторону Японии в ее споре с Китаем из-за острова Дяоюйдао (Сенкаку), жестко выступили за свободу судоходства в указанных морях.

Растущее недовольство Вашингтона вызывает то, что Пекин явно не намерен следовать в фарватере американского курса, поступать в угоду Вашингтону своими политическими и экономическими позициями, подстраиваться под американские и западные воззрения в проведении своей внутренней политики. Резкую отповедь встречают в КНР американские попытки вмешиваться в дела Китая под флагом защиты прав человека (весьма болезненно, не иначе как провокация, было воспринято в Пекине присуждение Нобелевской премии мира осужденному и находящемуся в тюрьме китайскому диссиденту). Китайская сторона публикует в последние годы собственные документы, показывающие неблагоприятное положение с правами человека в США.

Особую остроту приобрели американо-китайские трения в торгово-экономической области, причиной чего является «недобросовестная», как утверждают американцы, практика Пекина (занижение цен на китайские товары и завышение на американские, сохранение низкого курса юаня, что привело к огромному и все возрастающему американскому дефициту в торговле с КНР — около 250 млрд долл. в 2009 г., по американским оценкам). Свои небезосновательные контраргументы выдвигает Китай. Многие американские и западные эксперты уже заговорили о возможной полномасштабной торговой войне между США и КНР, что могло бы крайне негативно отразиться на мировой экономической ситуации.

Все это побудило Вашингтон довольно круто поменять свою стратегию, взять курс на всемерное противодействие дальнейшему усилению КНР.

В выступлении 12 января 2010 г. в Гонолулу госсекретарь Х. Клинтон изложила новую тихоокеанскую стратегию США, главный смысл которой заключается в том, что Соединенные Штаты твердо намерены вернуть себе лидирующую роль в АТР, заметно пошатнувшуюся в период пребывания у власти администрации Дж. Буша. Было указано, что краеугольным камнем этой политики остается союз с Японией и другими традиционными друзьями и союзниками, опора на сильное американское военное присутствие в АТР в лице мощной группировки ВМС и ВВС, сил передового базирования. В дополнение к этому Соединенными Штатами создана в Восточной Азии разветвленная система ПРО ТВД. Подчеркнуто намерение США существенно активизировать роль Вашингтона в региональных организациях АТР, присоединиться к тем из них, где США до последнего времени не участвовали.

Серьезные опасения по поводу роста китайской «военной угрозы» и необходимости реагировать на это высказываются американскими военными (разработанный недавно Пентагоном новый «Четырехлетний военный обзор», последний (2010 г.) ежегодный доклад Пентагона Конгрессу относительно складывающейся в связи с КНР ситуации в военной сфере и в сфере безопасности). По последним данным, США намерены серьезно укрепить свою военную базу на о. Гуам, израсходовав на это около 8 млрд долл. при том, что и так располагают на Тихом океане наиболее мощной военной группировкой. Принято решение модернизировать и укрепить американские военные базы на территории Южной Кореи, Австралии, Новой Зеландии. Задачи подкрепления позиций США в ряде ключевых стран региона преследовал ноябрьский (2010 г.) визит президента Б. Обамы в Индию, Индонезию, Южную Корею и Японию. На протяжении года в АТР многократно побывали госсекретарь Х. Клинтон, другие американские высокие официальные лица.

На отношениях сторон негативно сказался и ряд практических шагов, предпринятых Вашингтоном буквально по следам успешного визита в ноябре 2009 г. президента Б. Обамы в Китай (объявление в январе 2010 г. о продаже Тайваню крупного пакета новейших американских вооружений на общую сумму 6,4 млрд долл., встреча Б. Обамы с далай-ламой, выдвигание в жесткой форме требований Китаю ревальвировать юань, реформировать в сторону либерализации и большей прозрачности китайскую банковскую сферу и др.).

Вместе с тем ясно, что ни США, ни КНР не намерены заходить слишком далеко в своих конфронтационных мерах, учитывая сложившуюся между ними в последние десятилетия сильную экономическую и политическую взаимозависимость. Обе стороны неоднократно подчеркивали значение партнерства и взаимодействия для обеспечения стабильности и безопасности в мире, указывали на общность их интересов в решении многих важных мировых проблем. По заявлению премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на пресс-конференции 14 марта 2010 г. по итогам 3-й сессии ВСНП 11-го созыва, «китайско-американские отношения, являющиеся самыми важными во внешней политике страны, не только касаются коренных интересов двух стран и народов, но и в определенном смысле уже выходят за пределы двух государств».

После некоторой паузы стороны предприняли шаги по смягчению возникшей напряженности. Важное значение в этом плане имели встречи между Б. Обамой и Ху Цзиньтао в рамках состоявшихся в нынешнем году международных мероприятий высокого уровня. В конце мая в Пекине был проведен ранее отложенный второй раунд американо-китайского стратегического и экономического диалога. Дальнейших усилий сторон по расчистке накопившихся между ними негативных моментов следует, очевидно, ожидать в ходе намеченного на январь 2011 г. официального ответного визита Ху Цзиньтао в США.

Характерно, что оценивая глобальные параметры «китайского вызова» Соединенным Штатам, американские эксперты указывают на несопоставимость, по крайней мере на обозримый период, американских и китайских возможностей: КНР остается ре-

гиональной военной державой, не имея пока способностей проецировать свою военную мощь далеко за пределы страны, в Китае сохраняются серьезные структурные экономические и социальные проблемы (по уровню ВВП на душу населения, например, КНР находится за пределами первой сотни стран), китайский экономический опыт применим лишь для весьма ограниченного круга развивающихся стран, сложная к восприятию китайская культура, как подчеркивается, не может составить серьезной конкуренции широко распространенной в мире американской модели и т.п.

С приходом к власти администрации Б. Обамы произошли существенные перемены в отношениях Соединенных Штатов с нашей страной, стороны поставили задачу «перезагрузки» отношений. Знаменательным событием стал ноябрьский (2010 г.) саммит Совета Россия — НАТО с участием Президента РФ Д.А. Медведева в Лиссабоне, принятые на нем решения. Обнадеживающие перспективы открываются в сфере экономического сотрудничества со странами Запада, причем Россия занимает здесь активную, наступательную позицию. Важные задачи по расширению такого сотрудничества с США и Европейским союзом поставлены в Послании Президента РФ Федеральному собранию от 30 ноября 2010 г.

Несомненно, что в основе указанных процессов лежит ряд глубоких и серьезных факторов, осознание необходимости объединения усилий перед лицом нарастающих грозных вызовов человечеству.

Вместе с тем, ряд экспертов отмечает, что в числе причин подвижек США и Запада в отношении нашей страны может лежать расчет привлечь Россию к усилиям по сдерживанию Китая, «перетянуть» ее на свою сторону. Характерно, что с весны 2010 г. представители США, включая госсекретаря Х. Клинтон, стали делать весьма прозрачные намеки на то, что НАТО, дескать, не представляет какой-либо угрозы для нашей страны, тогда как России следует внимательнее отнестись к «реальным угрозам» ее безопасности. Во время поездки в Россию в начале февраля 2010 г. «группы мудрецов НАТО», участвовавших в разработке новой стратегической концепции альянса, визитеры проявили особый интерес к тому, как смотрит Россия на Китай и «китайский вызов», спрашивали, почему в новой российской военной доктрине отсутствует слово «Китай», а в качестве главной военной опасности для нашей страны указывается на действия НАТО.

У определенных китайских кругов вызывает заметную озабоченность развитие событий в плане возможного крена в российской политике в сторону евро-атлантического направления и недооценки значения для России отношений с КНР, что находит отражение в отдельных публикациях в российских СМИ. В аналитическом обзоре агентства Синьхуа от 21 ноября 2010 г. по поводу заседания Совета Россия — НАТО отмечалось, что «если стороны не преодолеют существующие глубокие противоречия и не устроят подозрений относительно друг друга, то установление «настоящего стратегического партнерства» будет легким только на словах, а на деле — трудным». В целом подчеркивалось, что отношения сторон «будут оставаться очень хрупкими». Китайские эксперты указывают и на то, что Запад уже не раз обманывал Россию. Прямо говорится, что «перезагрузка» российско-американских и российско-европейских отношений, возможно, приведет к тому, что Россия в очередной раз наступит на одни и те же грабли».

Отмеченные моменты требуют особой осмотрительности с нашей стороны. Наляживая и развивая связи с США и Западом по всем возможным направлениям, важно не дать втянуть себя в какие-либо действия, которые могли бы нанести ущерб отношениям России с Китаем, учитывая их особую значимость для нашей страны.

Сложившийся в последние годы характер российско-китайских отношений отвечает коренным интересам обеих сторон, являясь для них надежным тылом в нынешней международной обстановке, важным фактором обеспечения национальной безопасности. Данный курс прочно закреплен в подписанных с Китаем документах, в Совместном (по итогам визита Д.А. Медведева в Китай) заявлении РФ и КНР от 27 сентября 2010 г. о

всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия, где говорится: «оказание взаимной поддержки в затрагивающих коренные интересы обоих государств вопросах государственного суверенитета, единства и территориальной целостности является важной составляющей российско-китайского стратегического взаимодействия». Подчеркнув в своем Послании Федеральному собранию от 30 ноября 2010 г., что расширение связей с государствами АТР приобретает для России стратегический характер, Президент РФ отметил, что «это хорошо видно на примере наших отношений с Китаем. Беспрецедентно высокий уровень двустороннего сотрудничества, сказал он, проецируется и на наше партнерство на международной арене и в свою очередь отражается на росте авторитета и влияния таких объединений, как БРИК и ШОС».

Обе стороны придерживаются совпадающих, либо близких позиций по наиболее важным международным проблемам, выступают за многополярность, построение справедливого, рационального и демократического международного политического и экономического порядка.

В свете поставленных руководством РФ задач по укреплению позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе большое значение имеет принятое Россией и Китаем во время сентябрьского (2010 г.) визита в КНР Президента РФ решение совместно выступить с инициативой по укреплению безопасности в АТР «в духе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и взаимодействия». Стороны, в частности, подчеркнули, что они выступают за создание в АТР открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на принципах международного права, внеблоковых началах и учете законных интересов всех сторон.

В последние годы нашей страной взят курс на расширение экономического сотрудничества с Китаем, учитывая накопленный этой страной огромный опыт в экономическом строительстве, наличие у Китая огромных материальных ресурсов. Предприняты крупные шаги, направленные на реализацию достигнутых договоренностей. По темпам развития торговля двух стран существенно превысила уровень прошлого года и, как ожидается, ее объем составит в 2010 г. свыше 50 млрд долл. Особое значение имеет осуществление разработанной сторонами «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг.», что может дать сильный импульс для подъема российских дальневосточных регионов (это, разумеется, никак не исключает широкого привлечения ресурсов других стран — Японии, Южной Кореи, США, стран АСЕАН, Индии — в процессе интеграции России в экономическое пространство АТР).

Новым крупным шагом вперед стала 15-я регулярная встреча глав правительств России и Китая (визит премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Россию 22–25 ноября 2010 г.). Сторонами подписано более 30 документов по сотрудничеству в торгово-экономической, энергетической, транспортной, финансовой и гуманитарной областях. Реализация достигнутых договоренностей становится важнейшей государственной задачей. Нужно переломить инертность некоторых российских экономических структур в деятельности на китайском и азиатском направлениях.

Оценивая итоги визита, министр иностранных дел КНР Ян Цзечи подчеркнул, что «данная поездка Вэнь Цзябао представляет собой дипломатическое мероприятие особой важности, состоявшееся на фоне сложных изменений в международной обстановке». «Прочные и жизнеспособные китайско-российские отношения, сказал он, являются важной гарантией сохранения международного стратегического баланса и содействуют миру и развитию на планете».

Особое значение приобретает проблема укрепления взаимопонимания, доверия к целям и действиям друг друга. Необходимо активизировать работу по укреплению в России привлекательного имиджа Китая, урегулировать вопросы, связанные с китайской (а теперь уже и российской) миграцией.

Налаживание доброжелательной атмосферы в отношениях сторон требует немалых информационно-пропагандистских усилий. Важно не допускать появления зачастую инспирированных извне материалов, сеющих недоброжелательность и враждебность в наших отношениях с КНР. Особое значение имеет сфера образования, развитие широких молодежных, туристических обменов, что закладывает прочную базу сотрудничества на будущее.

В целом нынешняя ситуация предоставляет нашей стране благоприятную возможность для укрепления роли России в качестве балансирующего и стабилизирующего фактора в международных отношениях, способствуя развитию позитивных процессов в мировых делах, налаживанию сотрудничества между всеми странами, созданию полицентричного, равноправного, подлинно демократичного миропорядка.

С.Г. Лузянин

Одна из проблем, с которой сталкивается КНР в международно-политической области — растущая хаотизация в международных отношениях, рост неуправляемости экономико-политическими процессами. Усиление напряженности в АТР, снижение влияния США и ЕС, формирование новых (посткризисных) экономических тенденций, связанных, в том числе, с противостоянием доллара и юаня, нарастанием и усложнением новых вызовов и угроз, заставляет Китай рассматривать возможность своего нового, более активного глобального позиционирования. Пекин в этой связи заявляет о своем праве на ответственность в ключевых сферах международного сотрудничества. Но это право трактуется китайскими экспертами не в рамках предложенной американцами формулы G-2 или иных западных проектах, а скорее в рамках собственного видения китайской модели гармоничного мира, ориентированной, прежде всего, на китайские интересы и потребности.

Китай не стремится к установлению регионального господства. Его цель — устойчивое развитие и создание «комфортного» в плане экономического сотрудничества и интеграции окружения из сопредельных КНР стран и регионов. Но при этом заметна тенденция роста определенного недоверия стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Азии в отношении «мирного возвышения» Китая. Подобная реакция сопредельных государств имеет разные причины: историю отношений с теми или иными соседями, различный уровень «скрытой напряженности» (например, китайско-индийские, китайско-южнокорейские, китайско-японские отношения, отношения КНР со странами АСЕАН, со странами Центральной Азии и др.). Каждый вариант специфичен. Хотя в целом нервная реакция отдельных соседей скорее всего обусловлена не тайными планами КНР по расширению региональной экспансии, а психологической реакцией правящих элит этих стран на быстрое экономическое развитие Китая, возрастание его политического влияния в мире.

В рамках дискуссии о приоритетных зонах ответственности Китая просматривается тезис о некотором сближении и — в отдельных случаях синтезе региональных и глобальных приоритетов КНР. Очевидно, что между китайским региональным и глобальным позиционированием имеется определенное противоречие, так же, как оно имеется и в разночтениях «статуса» Китая («развивающееся государство», «развитое государство») ²⁷. Однако можно предположить, что на этой противоречивой основе формируется новое качество китайской внешней политики, которое влияет как на региональные, так и на глобальные проекты КНР.

Анализируя это качество, следует отметить подвижность «границы» между глобальными и региональными интересами и постоянное расширение регионального пространства. Так, Китай вместе с Россией и Индией, продвигая проект РИК, который имеет евразийский (региональный) характер, перевели его в более широкий формат — БРИК, подключив к трехстороннему сотрудничеству четвертого игрока, Бразилию — ведущую

страну Латинской Америки. Сохранив «старую» региональную повестку, Китай и другие страны сформировали в рамках БРИК новую повестку, которая содержит не только региональные, но и глобальные вопросы, такие как реформа мировой финансовой системы, совместная защита интересов развивающихся стран, обеспечение продовольственной, энергетической безопасности, совместное противостояние климатическим изменениям и др. Очевидно, что в этих вопросах просматривается, прежде всего, китайский глобальный интерес. Происходит расширение экономического и политического влияния Китая в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, в регионах СНГ (Центральной Азии, Закавказье), Латинской Америке, Европе (ЕС). В этих условиях достаточно сложно определить «линию», которая отделяет региональные интересы КНР от глобальных.

В рамках выдвигаемой сегодня в КНР концепции создания «гармоничного мира» Пекину будет выгодно выстраивать варианты ненасильственного подъема нации при сохранении стабильности, прежде всего, в сопредельных регионах. Специфика китайской внешней политики, как известно, в неразрывности ее с внутренней, в подчиненности внешнеполитической деятельности целям национального развития. В этом смысле «конфликтная стратегия» может поставить под угрозу внутренние успехи Китая, поэтому у нее мало шансов для принятия в том или ином виде высшим руководством КНР. Китайские ученые и политики делают акцент на задачах и приоритетах исключительно экономического строительства, на соподчиненности внешней политики стратегии реализации реформ²⁸.

Растущим региональным вызовом для Китая (как и для России) становится усиление нестабильности в регионе Центральной Азии и сопредельных Афганистане и Пакистане (АфПак). Учитывая перспективу ухода западной коалиции из Афганистана, данная тенденция для Китая становится долговременной.

Относительно ШОС Китаю важно следующее.

Не допускать окончательной формализации ШОС и ее консервации. Попытка Китая усилить в ШОС восточно-азиатский вектор, позиционируя ее не только как центральноазиатскую (региональную), но и как АТР-овскую структуру с некими геополитическими задачами и целями, связана с желанием расширить контакты ШОС и АСЕАН, ШОС и АТЭС и пр.

С другой стороны, позиция КНР на расширение организации достаточно консервативна. Пекин — против включения новых членов из числа наблюдателей, за исключением Монголии. Попытки российских экспертов в рамках «второй дорожки» или иных форматов поставить хотя бы на обсуждение возможность интеграции Индии в ШОС (в качестве постоянного члена) не встречают никакой поддержки, даже в плоскости обсуждения данной проблемы.

В рамках ШОС Китай продолжает говорить о неформальном признании Центральной Азии зоной российских интересов, но экономически он гораздо активнее, чем Россия, осваивает этот регион, наращивая здесь свое влияние. По сути, пока между Россией и Китаем по данному региону сохраняется некий консенсус интересов. Нет серьезных системных противоречий по экономике, политике и безопасности. Тем более, что ШОС является дополнительным механизмом согласования интересов. Можно предположить, что если Россия резко активизируется в данном регионе экономически, эти противоречия появятся.

Китай отчасти смирился с отсутствием в ШОС реальных многосторонних экономических проектов, сводя их к двусторонним либо трехсторонним форматам. Вместе с тем, китайские эксперты и политики ревностно относятся к развитию трехстороннего Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, развитию ЕврАзЭС. Предлагаются новые версии ЗСТ ШОС, отвергнутой в 2006 г.

В сфере центральноазиатской безопасности вне ШОС Китай активно взаимодействует с Афганистаном, особенно на экономическом направлении. Он получил возмож-

ность инвестировать 3,5 млрд долл. США в крупнейшее медное месторождение Афганистана Айнак (провинция Логар). Согласно другому соглашению, Китай будет строить в Афганистане 400-мегаваттную ТЭЦ, железнодорожную ветку, которая соединит СУАР, Таджикистан и Афганистан. Китайские коммуникационные компании ZTE и «Хуавэй» в партнерстве с министерством коммуникаций Афганистана будут заниматься созданием цифровой телефонной сети на 200 тыс. абонентов. Китай также принял участие в ирригационном проекте в Парване, занимается реконструкцией больниц в Кабуле и Кандагаре и даже строит мечеть. Китайские компании также выступают подрядчиками ЕС в различных строительных проектах на территории Афганистана. Помимо всего прочего, разоренный войной Афганистан является идеальным рынком сбыта китайских товаров широкого потребления, которые в условиях пониженной покупательной способности населения едва ли могут встретить значимую конкуренцию. Таким образом, в обмен на инвестиции в инфраструктурные проекты Китай получает от Афганистана доступ к природным ресурсам и потребительским рынкам, постепенно вытесняя с них местных производителей²⁹. Понятно, что из этого вытекает необходимость обновления афганской стратегии Китая как на двустороннем уровне, так и на уровне ШОС с учетом предстоящих там изменений и дозированное вовлечение России в «мирное окружение» Афганистана через экономические проекты.

С.В. Уянаев

Повышенное внимание широкого политологического сообщества неизменно привлекают отношения между двумя азиатскими гигантами КНР и Индией — мировыми лидерами по численности населения, занимающими вторую и пятую строки в мировом рейтинге по объему ВВП, исчисленному по паритету покупательной способности национальных валют³⁰. Вес и влияние Китая и Индии — участников крупных международных структур и объединений — заметно растут, отражая, прежде всего, опережающую динамику их экономического роста. По данным МВФ, за первую декаду нынешнего столетия среднегодовые темпы роста ВВП Китая и Индии составляют свыше 9 и 7% соответственно.³¹ Сегодня можно сказать, что обе страны успешно прошли испытание глобальным кризисом. Как свидетельствуют расчеты экспертов, сохранение подобного алгоритма развития позволит Китаю уже к концу 2020-х гг. стать первой экономикой мира, а Индии выдвинуться на третье место³². Вот почему вопрос о нынешнем состоянии и перспективах отношений между Пекином и Дели заметно выходит за пределы их двусторонних связей. В частности, он важен в контексте будущих многосторонних форматов с участием обеих стран, прежде всего РИК и БРИК.

Сегодняшние отношения Пекина и Дели часто называют «качелями», имея в виду сочетание в них сотрудничества с одной стороны, соперничества и трений — с другой. Отчасти это действительно так. Но реальное содержание их связей вовсе не укладывается в некую упрощенную формулу «подъемов—спадов».

Говоря о позитивных моментах, следует отметить, что после формальной нормализации отношений в 1988 г. в результате первой за предыдущие 34 года китайско-индийской встречи на высшем уровне стороны шаг за шагом продвигались по пути развития отношений вширь и вглубь. Знаковыми стали двусторонние саммиты в 1993 и 1996 гг., когда были подписаны важные соглашения о поддержании мира и спокойствия вдоль линии фактического контроля и о мерах доверия в военной области в районе границ. С наступлением нового столетия отношения получили заметное ускорение. В 2003 г. в ходе визита в Пекин премьер министра Индии А.Б. Ваджпай была принята фундаментальная Декларация о принципах отношений и всестороннем сотрудничестве. Главным результатом апрельского (2005 г.) визита в Индию Премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао явилось установление между двумя странами отношений стратегического партнерства. Крупные и важные документы, определяющие принципы и самые широкие сферы взаимодействия, в том числе Совме-

стный обзор КНР и Индией перспектив в XXI веке³³, были приняты в ходе обмена визитами на высшем уровне в ноябре 2006 г. и январе 2008 г.

Важным итогом двустороннего диалога этих лет стало значительное продвижение по пути создания системного и многопрофильного механизма межгосударственного общения. Речь, прежде всего, идет о встречах на высшем уровне, которые приобрели достаточно устойчивый и регулярный характер. И хотя официальные китайско-индийские саммиты не проводятся ежегодно, диалог лидеров двух стран (с учетом встреч на различных форумах) выглядит весьма насыщенным.

Достаточно интенсивный обмен мнениями идет по линии МИД двух стран. С 2005 г. действует механизм стратегического диалога — институт специальных правительственных представителей, созданный для углубленных консультаций (в том числе оперативного характера) по важным двусторонним и международным проблемам. В середине ноября 2010 г. в рамках 4-го раунда такого диалога стороны, возглавляемые госсекретарем МИД Индии Н. Рао и заместителем министра иностранных дел КНР Чжан Чжицзюнем, обсудили возникшие актуальные вопросы визового режима, а также роли Индии в ООН³⁴. Уместно подчеркнуть, что Китай и Индия декларируют сходные подходы к ряду важных глобальных и региональных проблем, включая построение более справедливого международного политического и экономического порядка, полицентричное мироустройство, усиление роли развивающихся стран, проблемы терроризма, климата, экологии, безопасности и т.д.

В спектр двусторонних связей регулярно входят встречи парламентариев, межпартийные контакты. Действует площадка диалога оборонных ведомств, включая проведение совместных сухопутных и военно-морских учений, встречи пограничников двух стран. Совместные рабочие группы созданы по линии спецслужб, отвечающих за противодействие терроризму, наркотрафику и международной преступности. Регулярная и непростая работа ведется в рамках переговорного механизма по пограничной проблеме. С 2003 г. он действует на уровне специальных правительственных представителей. В ноябре 2010 г. в таком формате прошел уже 14-й раунд переговоров.

Весьма насыщена повестка дня торгово-экономического сотрудничества, где также действуют структурированные механизмы и рабочие группы. С 1995 по 2008 гг. товарооборот между двумя странами вырос почти в 45 раз — с 1,16 до без малого 52 млрд долл.³⁵ КНР вышла на первое место в списке торговых партнеров Индии, которая, в свою очередь, стала десятой в аналогичном перечне партнеров Китая. Заметно скромнее темпы и объемы инвестиционного взаимодействия, где превалируют индийские инвестиции в КНР (порядка 930 млн долл. против 120 млн долл. китайских инвестиций в Индии)³⁶. Но и в этой сфере предпринимаются шаги по активизации сотрудничества, в том числе в рамках финансового диалога, других переговорных механизмов. Декларируемое сторонами намерение всячески содействовать двустороннему экономическому сотрудничеству позволяет прогнозировать, что намеченный на 2010 г. объем китайско-индийской торговли в 60 млрд долл. будет, несмотря на спад 2009 г., достигнут.

В числе других областей, где заметны результаты активного развития связей, можно отметить транспорт, включая гражданскую авиацию, культурно-гуманитарную, туристическую, академическую и целый ряд других сфер.

Таков лишь беглый обзор т.н. «позитивного багажа» китайско-индийских связей последних лет. Однако одновременно в них присутствует немало нерешенных проблем, и главная среди них — погранично-территориальная. Ее особенность в том, что предметом разногласий служит практически вся линия этой межгосударственной границы, одной из наиболее протяженной в мире: оспариваемая территория равна суммарно трем Швейцариям (свыше 130 тыс. кв.км.). В 2006–2007 гг., судя по информации СМИ, участники пограничных переговоров высказывали определенный оптимизм. Однако затем дело, похоже, серьезно застопорилось. Во взаимных заявлениях стала звучать весьма жест-

кая риторика по принципу «ни пяди земли»³⁷. На страницах центральных газет обеих стран с известной регулярностью появляются материалы о приграничной военной активности другой стороны, о нарушениях границы. Непосредственно с территориальным спором связаны неоднократные демарши Пекина по поводу поездок индийских руководителей, включая премьер-министра, в штат Аруначал-Прадеш (эту территорию в Китае часто называют Южным Тибетом)³⁸. Новым камнем преткновения стал в последнее время отказ китайских властей выдавать полноценные въездные визы представителям индийского штата Джамму и Кашмир³⁹, а также появившаяся информация о размещении в занимаемой Пакистаном части Кашмира 11-тысячного китайского воинского контингента⁴⁰. Представляется, что пограничная проблема не имеет иного решения, кроме как юридическое признание статус-кво в части нынешнего прохождения линии фактического контроля с незначительными взаимными уступками, что, помимо прочего, помогло бы сторонам «сохранить лицо». Главное для этого — политическая воля, подкрепленная соответствующим внутренним консенсусом в обеих странах. Похоже, что как раз с этим в обеих столицах есть сегодня по разным причинам определенные сложности.

Наконец, существует так называемая тибетская проблема — пребывание на индийской территории далай-ламы, которого Пекин обвиняет в сепаратистской деятельности. Действующий в Индии запрет на политическую деятельность тибетских беженцев помогает сглаживать противоречия, однако порой они дают знать о себе достаточно остро.

В аналогичном «тлеющем» состоянии находятся трения и проблемы, связанные с фактором Пакистана. Хотя на рубеже столетий Пекин декларировал курс на устранение одностороннего крена своей южно-азиатской политики в его сторону, разбалансированность в треугольнике Пекин — Дели — Исламабад остается весьма заметной. В развитии китайско-пакистанской «дружбы на все времена» Индия продолжает усматривать угрозу своим национальным интересам. В Дели говорят об угрозах, связанных с сотрудничеством Пекина с Исламабадом в военной области, упрекают Китай в отказе признавать ответственность пакистанского руководства за акты трансграничного терроризма типа известной атаки на Мумбаи⁴¹. По данной проблеме также вряд ли возможно быстрое решение. В любом случае, ключом по-прежнему служит улучшение индийско-пакистанских отношений, что ныне еще более сложно ввиду фактора войны в Афганистане.

В этом ряду проблем находится и американский фактор, а именно подозрения Пекина по поводу антикитайских, по его мнению, мотивов происходящего в последнее время сближения Индии с США⁴². Свою роль здесь играют как возникшая в свое время в США концепция «стратегического окружения Китая» с участием Индии, так и взгляды определенной части индийских политических кругов, усматривающих в укреплении связей с Вашингтоном реальный инструмент упрочения глобальных и региональных позиций Индии, в том числе в контексте соперничества с Китаем. Тем не менее, лейтмотивом политики Дели все же является, судя по всему, задача «не перейти грань» в таком «треугольнике».

К спектру политических разногласий можно отнести также обеспокоенность Дели в связи с возросшей активностью китайских ВМС в Индийском океане, активизацией Китая в Мьянме, Непале, Шри-Ланке. Пекин, в свою очередь, упрекает Дели в претензиях на региональную гегемонию.

Ряд проблем присутствует в политико-экономической сфере. Очевиден, например, факт соперничества двух держав в сфере импорта энергоресурсов. Обнадуживает то, что сторонами подписаны документы о сотрудничестве, смысл которых — не допустить контрпродуктивного для обеих сторон соперничества и по возможности координировать действия.

В сфере собственно экономических отношений присутствует недовольство Китая отказом Индии признать партнера страной с рыночной экономикой, частыми антидемпинговыми расследованиями в отношении китайских товаров, нежеланием Дели допускать компании КНР в ряд инфраструктурных и других отраслей своей экономики. Де-

ли, в свою очередь, указывает на отрицательное сальдо своей торговли с Китаем, другие случаи ущемления индийских интересов. Есть и другие, сравнительно новые проблемы хозяйственного свойства, например, вопрос о водопользовании в бассейне реки Брахмапутра (Цзянпо).

Особняком от перечисленных проблем и сложностей возвышается проблема, признаваемая экспертами обеих стран — дефицит стратегического доверия. Она восходит к вооруженному противостоянию конца 1950-х—начала 1960-х гг. и, с одной стороны, служит основой многих противоречий, с другой — сама подпитывается новыми вызовами и разногласиями.

Таковы «две чаши весов». Что можно выделить в качестве «сухого остатка»? Как представляется, он заключается в том алгоритме развития современных китайско-индийских отношений, что де-факто сложился за последние годы: несмотря на разногласия, они в целом выдерживаются в поступательном духе. В этом смысле слово «качели» не до конца отражает сложную динамику двусторонних связей. Другими словами, в случае событий, которые можно было бы трактовать как некий «спад», работают амортизаторы из «позитивного багажа», в дело могут вступить многочисленные заново созданные механизмы диалога и консультаций. Стороны не опускаются, таким образом, ниже определенной черты.

Такой алгоритм можно объяснить схожестью либо совпадением взглядов на проблемы глобального развития, обоюдным прагматичным стремлением обеспечить мирную обстановку в своем приграничье и на его периферии, взаимным желанием использовать фактор взаимодополняемости и сотрудничества. При этом с обеих сторон просматривается понимание, что излишняя конкуренция, неизбежная в процессе параллельного подъема, могла бы в итоге обрести контрпродуктивный характер и для Китая, и для Индии. Это стимулирует поиск компромиссов, а заодно свидетельствует о проявлении обеими странами здорового и позитивного прагматизма. Существенно важно, как особо подчеркивалось в Совместном документе от 14 января 2008 г., что в случаях разногласий стороны по-прежнему твердо привержены курсу на их разрешение путем мирных переговоров и «одновременно считают недопустимым, чтобы такие расхождения оказывали влияние на позитивное развитие двусторонних отношений»⁴³.

Не случайно, на фоне внешнего обострения ряда проблем, ужесточения риторики в СМИ официальные Пекин и Дели сегодня вновь, как не раз бывало в предыдущие годы, демонстрируют приверженность именно такой линии. Сохранение прагматичных подходов, обеспечивающих постепенное продвижение отношений — при лимитированной амплитуде напряженности по имеющимся проблемам — представляется наиболее вероятным сценарием в обозримом будущем. Оптимистичный (быстрое решение всех проблем) и конфликтный (их критическое обострение) сценарии менее вероятны. Все это создает нормальные условия для взаимодействия в международных форматах. Речь идет, в частности о форматах РИК и БРИК, где нормальные двусторонние отношения являются одной из важных предпосылок их успешного функционирования. Конечно, особенности и расхождения позиций сторон на внешней арене порою сказываются. Вне форматов БРИК и РИК это, к примеру, имело место, когда МИД Индии в апреле 2009 г. «решительно отверг» запрос Пекина на участие в форуме «Симпозиум ВМС Индийского океана», усмотрев в этом «ущемление интересов Индии в зоне ее непосредственных стратегических интересов». А Пекин тогда же заблокировал предоставление Индии кредита Азиатского банка развития на том основании, что деньги предназначались для реализации проекта в штате Аруначал-Прадеш.⁴⁴

Однако, возвращаясь к РИК и БРИК, заметим, что повестка дня этих форматов (внешнеполитическое сотрудничество, площадки секторальных диалогов) дает достаточное пространство для того, чтобы даже при имеющихся китайско-индийских расхождениях находились реальные взаимовыгодные точки соприкосновения. Среди проче-

го — возможности укрепления международных позиций каждой из стран, в частности, в диалоге с Западом. К слову, эти плюсы, похоже, хорошо осознаются и в Пекине, и в Дели, что, в свою очередь, свидетельствует о жизнеспособности данных форматов. Более того, форматы РИК и БРИК оказывают обратное позитивное воздействие на двусторонние отношения участников: как минимум появляется дополнительная возможность для диалога по имеющимся проблемам, да еще при благожелательной посреднической роли других участников. Позитивная роль РИК в деле продвижения отношений Пекина и Дели неоднократно отмечалась в обеих столицах на официальном и экспертном уровнях.

Е.И. Сафронова

Отношения Китая и развивающихся стран представляют собой сложносоставной комплекс связей, контактов, зависимостей, и их новизна может проявляться в самых разных аспектах. В идеологической сфере относительно новым обстоятельством стало обретение развивающимися странами собственной «ниши» в «концепции гармоничного мира», зафиксированной в официальных партийных и государственных документах КНР. По мнению Китая, без оздоровления отношений развитых и развивающихся государств гармонизация мировой жизни — крайне проблематична. Поэтому «третий мир» обретает особое значение в продвижении этой новой китайской теоретической установки⁴⁵. Получение развивающимися странами особой роли в пестуемой Пекином внешнеполитической доктрине само по себе важно для их дальнейшей судьбы как партнеров КНР в силу традиций китайского дипломатического этикета и менталитета.

В Китае все более отдают себе отчет в том, что «третий мир» как единое сообщество, спаянное одной целью и общим прошлым, существовал только в идеологических установках прошлого века, и сейчас, тем более, не является однородным массивом похожих стран, по воле истории застрявших на подступах к инновационному пути развития. Минули времена расцвета Движения неприсоединения, а схожесть исторических судеб и текущих экономических задач уже не являются достаточным основанием для отношений долгосрочного стратегического партнерства. С учетом этого Китай проявляет дифференцированный подход к развивающимся странам не только на региональном или континентальном, но и на уровне отдельных стран. Думается, КНР учитывает, что разнородность «третьего мира» не только является залогом его диалектического развития в борьбе и единстве противоположностей, но и несет в себе немалый конфликтный потенциал, связанный с высокими рисками соперничества развивающихся государств, прежде всего, в экономической сфере: на финансово-инвестиционных, технологических, промышленных площадках и рынках рабочей силы. Сам Китай уже испытал на себе это соперничество. Так, ЮАР, Мексика, Аргентина, ряд стран Центральной Америки были вынуждены принять ряд мер по регулированию импорта из КНР, защищающих местных производителей текстиля и товаров народного потребления. Активные китайские конкуренты сумели потеснить аргентинцев даже на соседнем бразильском рынке⁴⁶.

Судя по всему, КНР видит в «третьем мире» большую политическую ценность только тогда, когда он способен выступить единым фронтом в рамках какой-либо международной организации или интернациональной группы, объединенной общим интересом. Поэтому последнее десятилетие так явственно прослеживается интерес Китая к возрождению, при инициативе с его стороны, практики создания в «третьем мире» международных структур (форумы «Китай—Африка», «Китай—Латинская Америка», БРИК, ШОС и др.). В случае придания «третьему миру» организационных начал его конфликтный потенциал легче поддается отслеживанию, и сама развивающаяся зона становится более податливой для продвижения согласованных идей — если не на глобальном, то на региональном уровне. Структурное упорядочение и реорганизация «третьего мира», соинициатором которых явился Китай — новый момент и свидетельство того, что КНР ста-

ла в нем реальным лидером, как бы она этого ни отрицала. Китай продолжает позиционировать себя в качестве рядового члена развивающегося мира, аргументируя это и объективными социально-экономическими обстоятельствами, и соображениями, озвученными еще Дэн Сяопином: «Станешь лидером — испортишь дело, — говорил он. — У гегемонистов весьма скверная репутация, и у лидера третьего мира она тоже будет не лучше. Это не любезная отговорка, а подлинно политический расчет»⁴⁷.

Обжегшись в свое время на неудачных альянсах с Москвой и позже с Вашингтоном, Пекин решил отказаться от близких союзов с «сильными мира сего», понимая, что самостоятельность и независимость его внешней политики позитивно скажется на его имидже в «третьем мире»⁴⁸. Попытки причислить КНР к развитым государствам ныне воспринимаются Пекином как стремление посорить и разлучить Китай с его союзниками по «третьему миру».

Активное неприятие статуса лидера (во всяком случае, на уровне деклараций) свидетельствует, что Пекин, встраиваясь в процессы глобализации, отходит от принципов, заложенных в понятии «третьего мира» в угоду текущим процессам глобальной политико-экономической эволюции. Другими словами, во внешней политике Китая учет глобализационных тенденций явно перевешивает соображения стратегического партнерства с «третьим миром». И это тоже новый момент. Вольно или не вольно Китай разбивает «третий мир» на группы по интересам, что соответствует явлениям регионализации как составной части глобализационных процессов. Но это пока — только новая тенденция, требующая дальнейшего отслеживания. «Третий мир» при всей его разнородности продолжает оставаться для КНР удобным партнером, с которым ее связывает комплекс интересов. По признанию африканских экспертов, Китай — не просто экономический контрагент, но и продавец социально-политической модели развития. Пока Запад упирает на необходимость политических свобод и защиты универсальных прав, Пекин делает приоритетом рост уровня жизни и укрепление национального суверенитета⁴⁹.

Еще одна новая черта в политике Пекина — повышение приспособляемости к изменениям обстановки в «третьем мире». Этим объясняется не только разработанность идеологического обоснования сотрудничества с ним, но и растущая гибкость поведения китайских политико-экономических акторов в развивающихся странах.

Новым политическим моментом представляется большая готовность Пекина использовать свое право вето в Совете Безопасности ООН в качестве аргумента и стимула в диалоге с развивающимися государствами. Так, ветирование решений по аресту президента Судана О. аль-Башира, а ранее — по санкциям против режима Мугабе в Зимбабве сделало КНР без дополнительных финансовых или иных затрат предпочтительным партнером для этих двух ресурсоносных африканских стран. Пекин довольно часто высказывается за реформирование СБ ООН, в частности, путем предоставления в нем постоянного членства развивающимся странам. В разное время китайскими представителями назывались кандидатуры Бразилии, ЮАР, Египта. И каждая из заинтересованных стран, вдохновленная надеждой получить это членство, так или иначе идет на более тесное внешнеполитическое сотрудничество с Китаем. И пока такая «приманка» срабатывает, ожидание реального реформирования ООН может затянуться надолго.

Обретение Китаем навыков по «подгонке» конфликтного потенциала Африки к интересам взаимных экономических связей также представляется новым явлением. Высокие риски оправдываются высоким прибылями. К тому же, ввиду многочисленности воюющих конфликтующих сторон (в Африке, например) у Китая появляется больший выбор вероятных партнеров в лице той или иной группировки. Если режим предоставляет доступ к нужным ресурсам на подходящих условиях, его политическое кредо уже не столь важно. Этим Китай не просто укрепляет позиции целого ряда дружественных авторитарных лидеров, но и лишает западных конкурентов — поборников демократического пути развития свободы маневра в этом секторе «третьего мира»⁵⁰.

Что касается торгово-экономических отношений Китая с развивающимися странами, то ныне они вступают, судя по всему, в новый цикл. Если ранее основу китайского экспорта составляли недорогие товары массового спроса, то сейчас в нем быстро растет доля промышленного оборудования, сложной бытовой техники и транспортных средств с высокой добавленной стоимостью и степенью обработки. Особенно ярко эта тенденция проявляется на более искушенном латиноамериканском рынке⁵¹. Китай может уже не только предложить развивающимся странам машины и оборудование кондиционного качества (причем по ценам ниже, чем у конкурентов), но и обеспечить адекватное банковское сопровождение соответствующих бизнес-сегментов⁵².

В начале реформ и курса КНР на открытость развивающиеся страны выполняли для Китая роль простых поставщиков сырья. Ныне «третий мир» стал основным «полигоном» апробирования его курса на создание ресурсной базы за рубежом, в частности, за счет приобретения там добывающих и перерабатывающих мощностей. Цель этого — сократить немалые производственные затраты страны в сфере энергообеспечения и предотвратить угрозу «сырьевого голода». Итоги 2009 г. показали, что кризис благоприятствовал реализации китайской стратегии «выхода за рубеж»: пострадавшие от глобального спада акционеры охотно продавали китайцам свои доли в добывающих компаниях «третьего мира». Заключив в 2009 г. несколько крупных сделок (только в нефтяной отрасли в зарубежные активы было вложено не менее 13 млрд долл.)⁵³, КНР создала предпосылки для работы своих предприятий на собственном, но добываемом за рубежом сырье, тем самым облегчив нагрузку на отечественные недра и ресурсы.

Растет число китайских экономических акторов, находящихся в «третьем мире» сферы приложения финансово-инвестиционного, а главное — производственного капитала. И это еще одна новая линия поведения Пекина в отношении развивающихся стран. Новый цикл экономического сотрудничества КНР с «третьим миром» выражается и в расширении китайского инвестирования в инфраструктуру и промышленность развивающихся стран, что стало возможным благодаря быстрому росту страны и появлению у нее как избыточного капитала, так и компаний-производителей, способных «выйти за рубеж». «Обкатку» такой модели внешнеэкономического поведения Пекин начал в Африке, сейчас подобная тактика применяется по всему «третьему миру»⁵⁴.

В инвестиционном плане Пекин широко практикует кредитование по низким процентным ставкам, не ставя стране-реципиенту никаких политических условий. Инвестиции поступают центральному правительству, с которым заключается соответствующее соглашение. Большая часть идет на оплату услуг китайских же компаний, реализующих инвестиционные программы по инфраструктуре, строительству и т.п., и на закупку китайских товаров. Страны-партнеры получают практически бесплатную инфраструктуру и доступ к высоким технологиям, однако лишаются значительной части прибыли и рабочих мест, ибо заказы поступают китайским фирмам, широко практикующим ввоз собственной рабочей силы⁵⁵. Такое положение вызывает недовольство принимающих стран, и Китай сейчас изыскивает пути для обеспечения параллельной занятости и местного населения.

К концу 2009 г. ввиду нестабильности доллара инвестиции в экономику развивающихся стран стали для КНР, держащей значительную часть своих финансовых резервов в американских ценных бумагах, разумным антикризисным решением⁵⁶. Только в Латинской Америке китайские инвестиции составили к 2009 г. 27 млрд долл.⁵⁷.

Поскольку «третий мир» пережил мировой экономический кризис легче, чем Запад, то, по мнению многих экспертов, это может повлечь трансформацию модели мировой экономики: рост развивающихся стран будет обеспечиваться увеличением внутреннего потребления, а не доходами от испытывавшей спад внешней торговли⁵⁸. Именно это мы уже сегодня наблюдаем на примере КНР. Во время кризиса и на внутреннем, и на внешнем экономическом поле Китай стремился не столько получить «красную цену» за

свою продукцию, сколько не растерять рынки и сохранить сбыт. Дабы закрепиться на новой торговой площадке, китайские корпорации шли даже на определенные убытки, т.е. кризис тоже внес несомненную новизну в отношения КНР с мировым «Югом».

В кризисные 2008–2009 гг. наблюдалось заметное падение объема торговли: с почти 107 млрд до 90 млрд долл. для Африки и со 140 млрд до 123 млрд долл. для Латинской Америки⁵⁹. Впрочем, по мнению авторитетных аналитиков, это не изменило поступательную в целом тенденцию развития экономических связей с этими континентами. Ожидается, что в 2010 г. товарооборот КНР с Африкой достигнет рекордных 110 млрд долл., а с Латинской Америкой — 150 млрд долл.⁶⁰

Еще один новый момент: развивающийся мир в определенной мере становится территорией «обкатки» юаня как потенциальной мировой расчетной единицы. Например, сложившийся финансовый климат китайско-аргентинских экономических связей позволяет тамошнему производителю продавать Китаю зерно за юани, а затем на них же покупать сельскохозяйственное оборудование в КНР. Летом 2010 г. Китай открыл внутренний межбанковский рынок облигаций для иностранных центральных и коммерческих банков, имеющих накопления в юанях за счет международных торговых сделок. По мере расширения торговли с развивающимися странами эти накопления смогут инвестироваться в облигации КНР⁶¹.

И, наконец, стремление других развивающихся гигантов — Индии и Бразилии — выстроить с остальным «третьим миром» отношения приоритетного партнерства также вносит специфику в связи между Китаем и мировым «Югом». Создание БРИК — одно из свидетельств усиливающейся конкуренции крупных, переживающих бурный рост стран за лидерство в развивающемся мире.

А.И. Семин

В начале нынешнего десятилетия отношения между Китаем и Японией не отличались стабильностью и сбалансированностью, развиваясь по сценарию: «в экономике — горячо, в политике — холодно». Более того, в 2001 г. прервался политический диалог Токио — Пекин, который в 1990-е гг. носил регулярный характер. Разногласия вокруг ряда политических проблем обострились до такой степени, что стали угрожать развитию торгово-экономических и других связей. Возвращение отношений в нормальное русло произошло только после смены японского руководства, когда в 2006 г. в отставку ушел кабинет министров во главе с Дз. Коидзуми.

Начало «оттепели» в двусторонних отношениях положил официальный визит в Пекин в октябре 2006 г. нового премьер-министра С. Абэ. В совместном китайско-японском заявлении было подчеркнuto стремление сторон вернуться к диалогу без предварительных условий и развивать всестороннее сотрудничество. На самом деле произошло нечто большее, чем возвращение к диалогу. Впервые была достигнута договоренность о выстраивании «стратегических взаимовыгодных отношений».

В апреле 2007 г. Токио с официальным визитом посетил премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Он провел переговоры с премьер-министром С. Абэ, был принят императором Акихито, выступил перед депутатами японского парламента. В местной прессе визит был оценен как «растопивший лед» в двусторонних отношениях. В совместном японо-китайском заявлении были уточнены положения, которые содержались в заявлении 2006 г., раскрывалось содержание нового важного понятия «стратегические взаимовыгодные отношения». Они предусматривают:

- 1) взаимную поддержку мирного развития и укрепление политического взаимодействия;
- 2) углубление взаимовыгодного сотрудничества и осуществление совместного развития;

3) активизацию диалога и обменов в сфере обороны, направление совместных усилий на обеспечение стабильности в регионе;

4) расширение обменов в гуманитарной области, углубление взаимопонимания и дружбы между двумя народами;

5) усиление координации и взаимодействия, совместный ответ на региональные и глобальные вызовы.⁶²

Я. Фукуда, сменивший через год С. Абэ на посту премьер-министра, сохранил курс на улучшение отношений с Пекином. В ходе его официального визита в КНР в декабре 2007 г. стороны подтвердили стремление следовать договоренностям, достигнутым на саммитах 2006 и 2007 гг.

В мае 2008 г. в ходе официального визита председателя КНР Ху Цзинтао в Японию было подписано японо-китайское «Совместное заявление о всестороннем развитии взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах». Обе стороны отнесли его по значимости к категории важнейших дипломатических документов, таких, например, как Совместное заявление правительств Японии и КНР о нормализации двусторонних отношений 1972 г., Договор о мире и дружбе 1978 г., Совместная декларация о построении партнерских отношений 1998 г. Вместе с новым Совместным заявлением 2008 г. эти договоренности квалифицируются как «политический фундамент» развития отношений Японии и Китая. Пекин подчеркивает, что «всеобъемлющая стратегия стимулирования взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах», должна стать приоритетной целью политики двух стран в отношении друг друга.⁶³

Появлению новой тенденции в отношениях Пекина и Токио, получившей развитие в период 2006–2009 гг., очевидно способствовали перемены глобального масштаба. Заклубались устои однополярного миропорядка как результат относительного ослабления позиций единственной сверхдержавы — США. Вызревают предпосылки для перестройки системы международных отношений при активном участии Китая, для изменения отношений в геополитическом треугольнике Япония—КНР—США.

В этих условиях подход Японии к Китаю претерпевает изменения. По-прежнему разделяя в целом восприятие американской стороной усиления Китая как потенциальной угрозы своим национальным интересам, Токио склонен избегать конфликта с усиливающимся соседом. Наметившаяся тенденция постепенного изменения соотношения сил между США и Китаем в пользу последнего ставит перед Японией задачу просчитывать на перспективу, как в дальнейшем строить свои отношения с каждой из двух стран. В близком будущем Япония может, по-видимому, решиться на отход от солидарной с США позиции в отношении КНР.

С недавних пор такая перспектива становится в Японии темой наиболее смелых исследований. Пример: вышедшая в Японии в 2007 г. книга известного эксперта Харуки Иосиды «Америка или Китай?». Х. Иосида считает, что для Японии предпочтительнее иметь сильного союзника. Сегодня сильной, очевидно, является Америка, в ближайшей перспективе она станет в союзе с Японией еще сильнее. Однако в дальнейшем более сильным будет Китай. Существует мнение, что в перспективе США постепенно уйдут из Азии. В таком случае Япония без колебаний свяжет себя с Китаем. В будущем мощь США относительно уменьшится, а КНР — возрастет.⁶⁴ Сегодня эти взгляды разделяют представители японской политической элиты.

Они нашли, например, отражение в работе Юкио Хатоямы «Моя политическая философия», опубликованной накануне его избрания на пост премьер-министра. В ней центральное место занял прогноз развития международной обстановки, отношений Японии с США и Китаем, Ю. Хатояма указал на глобальную тенденцию: «как результат провала войны в Ираке и финансового кризиса, эра глобализма, направляемого Соединенными Штатами, приближается к своему концу». Он имел смелость констатировать: «Мы

движемся от однополярного мира под эгидой США к многополярности». По убеждению Хатоямы, важнейшей тенденцией современного миропорядка стало превращение Китая «в одну из ведущих экономических держав, продолжающих наращивать свою военную мощь». Хатояма выразил откровенную обеспокоенность ситуацией, которая складывается для его страны: «Как должна Япония сохранять свою политическую и экономическую независимость и защищать свои национальные интересы, находясь между Соединенными Штатами, которые борются за сохранение положения доминантной державы, и Китаем, добивающимся стать ею?»⁶⁵

Как признак возможных «перемен» в отношениях между Токио и Вашингтоном, при правительстве Японии, которое возглавлял Ю. Хатояма, возникли разногласия по поводу согласованного двумя странами еще в 2006 г. плана передислокации американских военных баз на японской территории. Наиболее острые споры разгорелись вокруг проблемы перевода авиабазы подразделения вертолетов морской пехоты ВМС США Футемма (г. Гинован) на Окинаве. Футемма, по сути, стала индикатором состояния японо-американских отношений. В ходе избирательной кампании Ю. Хатояма заявлял о намерении убрать базу Футемма с острова. Но Вашингтон настаивал на выполнении договоренностей 2006 г. В конечном счете, под давлением США Хатояма отказался от выполнения своего обещания соотечественникам, что и стало одной из причин его ухода в отставку всего через девять месяцев после избрания премьер-министром.⁶⁶

Новое руководство Японии теперь готово подчеркивать важность укрепления военно-политического союза с США. Выступая с речью на параде Сил самообороны в октябре 2010 г. в пригороде Токио, премьер-министр Н. Кан заявил о возросшей угрозе безопасности Японии. Особую тревогу, по словам премьера, вызывает ядерная программа Северной Кореи и рост военной мощи Китая. Подтверждением актуальности для Токио проблемы национальной безопасности, а значит и японо-американского договора безопасности стали события, связанные с инцидентом в Восточно-Китайском море. В сентябре 2010 г. силами охраны морского побережья Японии в прибрежных водах островов Сенкаку (по-китайски Дяоюйдао) было задержано китайское рыболовное судно. Ход разрешения конфликта, наиболее серьезного с момента «потепления» японо-китайских отношений, показал, что Пекин готов вести себя весьма жестко, отстаивая свои интересы, и что в отношениях КНР и Японии сохраняется значительный конфликтный потенциал⁶⁷, включающий, в частности, спор о суверенитете на указанные острова, разногласия вокруг морской границы и несовпадение подходов к совместному освоению нефтегазовых ресурсов в Восточно-Китайском море. Примечательно, что Вашингтон с готовностью поддержал Японию в этом конфликте. Так, госсекретарь Х. Клинтон заявила, что действие американо-японского договора безопасности распространяется на острова Сенкаку.

Между тем, основываясь на достигнутых в 2006–2008 гг. договоренностях, Китай проявляет активное стремление выстраивать курс на вовлечение Японии в политическое сотрудничество по широкому кругу вопросов. Об этом, в частности, свидетельствует аналитический доклад «Китайско-японские отношения и политика Китая в отношении Японии в грядущем десятилетии», подготовленный специалистами Института исследований Японии Китайской академии общественных наук.⁶⁸

Говоря о перспективе развития отношений, китайские исследователи не исключают возможности возникновения проблем между двумя странами, так как сохраняются серьезные противоречия — как стратегические, так и структурные. Авторы доклада выделяют следующие из возможных конфликтов:

1. *Конфликты, в основе которых лежат коренные интересы.* Они проявляются, прежде всего, в подходе к таким проблемам, как демаркация границы в Восточно-Китайском море и спор о принадлежности островов Дяоюйдао. В докладе подчеркивается: то, удастся ли урегулировать противоречия вокруг этих проблем, станет жестким тестом для двух спорящих сторон.

2. *Что касается конфликтов, имеющих исторические корни*, то к ним у китайской стороны сохраняется серьезное отношение. Вместе с тем, авторы доклада считают, что это не проблемы, связанные с текущими интересами, следовательно, стороны должны проявлять осмотрительность, чтобы не нанести ущерба двусторонним отношениям.

3. *Конфликты на эмоциональной почве*. По оценке китайских исследователей, к настоящему времени взаимопонимание китайцев и японцев не изменилось к лучшему. Одна из причин — сильный националистический консерватизм среди японского населения, другая — особая чувствительность китайского населения к своему историческому прошлому. И это — почва для конфликтов.

В докладе особо отмечается, что *общая стратегическая цель будущих китайско-японских отношений* — способствовать развитию психологической совместимости двух народов, продвижению двух стран от мирного сосуществования к совместному развитию, от взаимных стратегических интересов к стратегическому сотрудничеству. Основные положения этого раздела сводятся к следующему:

– Устойчивость в развитии китайско-японских отношений зависит от того, удастся ли *обеспечить сбалансированное развитие отношений в политической и экономической областях*.

– *Возникновение стратегической конфронтации между двумя странами маловероятно*. Однако, если не удастся взять под контроль и эффективно разрешить главные проблемы в отношениях, *нельзя исключить возможности стратегической конфронтации низкого уровня*. Наиболее важные проблемы: демаркация границы в Восточно-Китайском море и принадлежность островов Дяоюйдао. По мнению китайских исследователей, важно, чтобы обе проблемы решались «в одном пакете».

– Решение тайваньской проблемы и осуществление мирного воссоединения — внутреннее дело Китая. По многим причинам Япония является фактором, который невозможно игнорировать в решении этой проблемы. *Пока США не изменят своей политики на тайваньском направлении, политика Японии не изменится*. Ключевой момент — в том, чтобы отношения между материковым Китаем и Тайванем меньше подвергались внешнему вмешательству.

– *О стремлении Японии стать постоянным членом Совета Безопасности ООН*. Китайская сторона уже выразила свое мнение в поддержку стремления Японии играть большую роль в ООН, однако Китай не располагает пропуском для Японии в СБ ООН. Китай и Япония могут вести диалог о реформировании ООН. Если условия созреют, Китай, возможно, займет более позитивную позицию в отношении японских планов.

– Китаю и Японии *недостает взаимного доверия в вопросах обеспечения безопасности*. Причина: не преодолены сомнения относительно стратегических целей каждой из сторон. Задача — *продвигать сотрудничество в этой сфере, идя от нормальных отношений «не друзья и не враги» к партнерским отношениям*, к созданию структур и механизмов региональной безопасности, к образованию Восточноазиатского сообщества безопасности. Китайская сторона считает важным следующее: сотрудничество по безопасности между Китаем и Японией не должно основываться на предпосылке, что Китай откажется или замедлит свои усилия по укреплению своей военной мощи или совершенствованию военных технологий.

– Как одна из задач, требующих скорейшего решения, в докладе обозначено *создание механизма предотвращения кризисов и механизма кризисного управления* с тем, чтобы избежать эскалации трений и конфликтов. Предлагается также развивать сотрудничество азиатских стран по *обеспечению безопасности основных морских коммуникаций* — от Суэцкого канала до Тайваньского пролива, а также стимулировать создание в регионе *Сообщества взаимовыгодной поддержки и обеспечения стабильности экономического развития*, в рамках которого решались бы и проблемы обеспечения энергетической безопасности.

Китай и Япония, говорится в докладе, должны прилагать усилия по решению проблем региональной безопасности, по созданию системы многосторонней безопасности. В соответствующее время они должны способствовать стратегическому диалогу Китай—Япония—США. Выдвигается также идея *создания нового и более широкого по составу участников механизма безопасности для всей Восточной Азии*.

– Двум странам предлагается действовать *совместно по преодолению финансового кризиса*. Они должны стимулировать придание регионального характера двустороннему соглашению об обмене валюты, выстроить региональный механизм финансового контроля, активизировать тесные консультации, координацию и сотрудничество по развитию региональных рынков капитала, по *учреждению Фонда азиатских валют*.

– Китаю и Японии следует объединить усилия *по заключению Соглашения о свободной торговле и Соглашения об экономическом партнерстве*, чтобы координировать стратегию и политику, совместно формировать пространство свободной торговли в Восточной Азии, Восточноазиатского сообщества.

– Есть у Китая и Японии серьезная общая проблема — зависимость от зарубежного спроса, прежде всего, спроса в США, на который негативно влияет нынешний кризис. Две страны должны использовать возможность для корректировки своей экономической структуры, расширить и задействовать внутренний спрос для оздоровления своих экономик.

– В докладе указываются перспективные направления сотрудничества — энергетическое и экологическое. Предлагается *создать совместно финансируемый правительствами Китайско-японский фонд по энергосбережению и экологической защите*.

Таким образом, Китай стремится вовлечь Японию в более глубокое и широкое сотрудничество на двустороннем и региональном уровнях. Разработана программа развития китайско-японского «взаимовыгодного сотрудничества, основанного на общих стратегических интересах» до 2020 г. На данном этапе Япония ведет себя менее активно: она вынуждена тщательно взвешивать свои шаги навстречу Китаю, учитывая свои обязательства перед США в рамках японо-американского альянса и сохраняя понимание его важности в интересах национальной безопасности. Скорее всего, китайско-японское сотрудничество, «основанное на общих стратегических интересах», будет развиваться не без проблем. Во-первых, Вашингтоном перспектива возможного политического сближения Японии с Китаем воспринята с настороженностью: предвидится его противодействие этому сближению. Во-вторых, у Китая и Японии сохраняются существенные противоречия, в основе которых — несовпадение интересов двух соперничающих держав. Как представляется, делая шаг навстречу Китаю, Япония вступает на путь весьма неустойчивого балансирования между двумя центрами силы — США и Китаем. Не исключено *политическое возникновение напряженности в отношениях Пекина с Токио*

4 Проблемы Дальнего Востока № 1

А.Г. Ларин

Китай является крупнейшим в мире источником миграционных потоков, китайская диаспора — также самая большая в мире. Она распространилась на 150 стран, ее величина оценивается в диапазоне от 30 до 57 млн чел. И миграционный поток, и диаспора увеличиваются с каждым годом. По подсчетам тайваньских ученых, за два последних десятилетия XX в. ее численность росла ежегодно на 2,5%. По данным Канцелярии Госсювета по делам соотечественников, число китайских граждан за рубежом каждые десять лет почти удваивается. Со времени перехода КНР к политике открытости наиболее значительными стали эмиграционные потоки в развитые страны, прежде всего в США, Японию, Канаду, а в последние годы и в Европу.

Китайские эмигранты вносят огромный вклад в модернизацию КНР, предоставляя своей этнической родине инвестиции (до 70% всех зарубежных капиталовложений),

технологии, опыт управления предприятиями. Заметен их вклад в экономику стран проживания, особенно в Юго-Восточной Азии.

На Россию, по наиболее серьезным экспертным оценкам, приходится 300–500 тыс. мигрантов из КНР — небольшая доля от общего количества внешних трудовых мигрантов (оценочно 5–8 млн). Это, главным образом, работники торговой сферы, поставляющие на российский рынок китайские товары. В разы меньше китайцев трудится в строительстве, сельском и лесном хозяйстве.

Следует признать, что к настоящему времени китайские коммерсанты, вызывая, как и прежде, нарекания за низкое качество своих товаров, стали необходимой частью российской экономики. Это подтвердилось, в частности, попыткой запрета для иностранцев на розничную торговлю на российских рынках с 1 апреля 2007 г. Спешно распродав по бросовым ценам свои товары, многие китайцы вернулись на родину. Прилавки на дальневосточных и сибирских рынках страны оголились. Местные жители стали выражать серьезное недовольство, местные власти и оставшиеся китайские торговцы стали прибегать к разным уловкам, чтобы обойти запрет. Его неэффективность скоро стала очевидной, уехавшие начали возвращаться, и к концу года о запретах уже никто не вспоминал.

В 2009 г. скандальным образом был закрыт знаменитый Черкизовский рынок. Работавшие на нем коммерсанты, в том числе китайские, оказались в трудном положении: сначала они лишились доступа к своим товарам, а затем были вынуждены перебираться на другие рынки, что породило там конкуренцию за рабочие места, невероятную скученность, антисанитарию и, как следствие, недовольство окрестных жителей. Однако спроса на китайские товары, даже при их не слишком высоком качестве, никто не отменял, и итогом стала договоренность российской и китайской сторон о намерении строительства в пригороде Москвы китайского торгового мегацентра.

Теперь — о некоторых проблемах и вызовах, порождаемых динамикой китайской миграции и деятельностью мигрантов:

1) *О демографическом вызове.* Что ждет нас в обозримом будущем: рост миграционного потока из перенаселенной КНР или его сокращение? В принципе как будто бы сокращение, что вытекает из постоянного уменьшения прироста населения КНР, старения населения, повышения его жизненного уровня. Однако, как скоро эти факторы скажутся на объеме миграции «во вне» и насколько значительным будет их влияние, сказать трудно. Пока что прямая связь между динамикой двух величин — численности населения и численности мигрантов из Китая не прослеживается.

Так, по данным проведенного нами широкого опроса, возраст подавляющего большинства китайских мигрантов в России составляет от 20 до 40 лет. Численность находящегося в этом диапазоне, т.е. миграционно-активного населения Китая, по нашим подсчетам, основанным на китайской статистике, за 2000–2007 гг. сократилась на 50,7 млн чел., однако после сокращения осталось его немало: 397 млн, причем объем миграции из страны за эти годы вырос.

В благополучных приморских провинциях Китая с высоким уровнем жизни налицо нехватка квалифицированной рабочей силы, а в ряде мест — и неквалифицированной. А среди китайских мигрантов в России, по данным нашего опроса, 20% — это выходцы именно из приморских провинций (в Москве их доля еще больше: 34%).

В настоящее время правительство КНР поощряет миграцию: либерализует правила выезда из страны, расширяет экспорт рабочей силы по контрактам, добивается от российской стороны увеличения приема китайских рабочих, выдвигая их использование в качестве условия инвестиций в совместные проекты. И это — долгосрочная политика. Несмотря на то, что в мире существует хорошо известная озабоченность возможностью крупных выбросов за рубеж избыточного населения КНР, китайские ученые предпочитают говорить не о грядущем сокращении объемов миграции, а о полезности китайской диаспоры для мировой экономики. Они делают заявку на своего рода моральное право

Китая на расширение эмиграции, исходя из того, например, что китайская диаспора составляет менее 3% его населения, тогда как число европейцев, живущих за пределами Европы, составляет половину ее «внутреннего» населения. По всей видимости, как минимум в ближайшее десятилетие нас ждет рост миграции из КНР, чему будет способствовать и строительство крупных промышленных и инфраструктурных объектов в Сибири и на Дальнем Востоке России.

Как относятся в мире к идее «китайской демографической экспансии»? Международное экспертное сообщество говорит об этой идее мало, главным образом как о футурологической гипотезе, хотя иногда употребляет и такие красочные образы, как «цунами на горизонте». На этом фронте Пекину не приходится обороняться. Актуальной эта тема является для общественности России и Казахстана — понятно, почему. Здесь стоит отметить несколько моментов.

Первый: российское массовое сознание (в силу целого ряда серьезных причин зараженное мигрантофобией) в своей существенной части положительно относится к работе китайских мигрантов на временной основе (по данным нашего опроса — 32%; при этом относится нейтрально — 28%, отрицательно — 27%). Идея же постоянного проживания китайских мигрантов в России категорически отвергается (отрицательно относятся 56%, терпимо — 3%, нейтрально — 14%, положительно — 3%). В Китае прекрасно осведомлены об этом, и в переговорах с российской стороной обещают: все, кто по договорам приедет в Россию работать, своевременно возвратятся на родину. Китай не станет решать свои демографические проблемы за чужой счет.

Второй момент: рост численности мигрантов оказывает сильнейшее влияние на их отношения с окружением. По мере увеличения численности мигранты начинают вести себя более требовательно и даже вызывающе, а толерантность местного населения тает, и напряженность между теми и другими повышается. Последние конфликты в ряде стран Европы, связанные с мигрантами, это подтверждают. Поэтому предложения некоторых российских демографов компенсировать депопуляцию страны посредством «вброса» миллионных масс из-за рубежа представляются более чем рискованными. Это касается и мигрантов из КНР, которых наш видный демограф Ж.А. Зайончковская считает наиболее подходящими для переселения в Россию.

Вне России мир реально обеспокоен нелегальной миграцией из Китая (т.е., незаконным, тайным въездом). По оценкам, она может достигать полумиллиона ежегодно. Считается также, что по объему она может превышать легальную, и что Китай в этом отношении является мировым лидером. Только в США ежегодно оседает, по экспертным подсчетам, до 40 тыс. китайских мигрантов. Пекин энергично борется с нелегальной эмиграцией, тесно сотрудничая в этой области с другими правительствами, однако полностью перекрыть этот поток не удается. По некоторым наблюдениям, местные власти в

ны. Россия является счастливым исключением: здесь незаконно въехавших в страну китайцев фактически нет, а нелегальные мигранты — это те, у кого не в порядке документы. Видимо, пограничники двух соседних стран зорко стерегут границу, а спецслужбы наладили сотрудничество. Возможно, китайские власти особенно внимательно относятся к предупреждению нарушений российско-китайской границы, учитывая болезненность этой проблемы для России. Однако отчетливо дают о себе знать другие страхи из той же области: значительное число россиян считает, что большое число китайцев каждый год нелегально остается в России (в нашем опросе — 35%). Только незначительная часть наших граждан (5%) согласна с тем, что ежегодно из страны выезжает примерно столько же китайцев, сколько и въезжает. А на самом деле, так оно и есть. Действительно, при ежегодном числе въездов в 700–800 тыс. человек количество въездов из КНР в РФ за 2000–2009 гг., согласно данным Росстата, превысило количество выездов на 181,8 тыс. чел., т.е. в среднем на 20,2 тыс. чел. или приблизительно 2,5% в год (в это число входят и

неоднократные пересечения границы одним и теми же лицами, особенно частые — поездными бригадами и экипажами самолетов).

2) *О конкурентных вызовах.* Все более активный выход китайских товаров и людских ресурсов «во вне» сопровождается нарастанием конкуренции тех и других с местными производителями, коммерсантами и рабочими. Китайская сторона имеет в этой борьбе хорошо известные преимущества в виде дешевизны товаров и труда, предприимчивости, сплоченности. Масла в огонь подливает этнический фактор. Результат: обострение трений между сторонами, иногда даже вспышки насилия. Такого рода инциденты имели место в Италии, Испании, Бразилии, Восточном Тиморе, на Соломоновых островах и др. В Королевстве Тонго китайские предприниматели не захотели воспользоваться местной рабочей силой, предпочтя привезти соотечественников: в результате инцидента властям КНР пришлось направить корабль, чтобы их эвакуировать.

Несмотря на этническую форму подобных коллизий, правительство КНР обнаруживает четкое понимание их экономической составляющей и рекомендует разрешать их еще в зародыше посредством «дружеских консультаций», а в случае обострения «защищать свои права в соответствии с законом, посредством разбора конкретных обстоятельств, хладнокровно, ни в коем случае не допуская, чтобы трения углублялись, приобретали расистский характер и выходили на уровень межгосударственных отношений».

Вместе с тем, Пекин ставит своей задачей «активно побуждать правительства стран, где проживают наши соотечественники, к созданию условий, благоприятных для их жизни и развития». В 2007 г. на базе одного из подразделений МИД КНР был создан специальный Центр консульской защиты. Его вмешательство предполагается, в числе прочего, в экономические трения, конфликты, требующие эвакуации китайских граждан, в случаях нарушений законов гражданами КНР. Большинство инцидентов приходится на сопредельные с Китаем страны: государства ЮВА, Бирму, Россию.

В России конкуренция на рынке труда между ее гражданами и китайскими мигрантами имеет скромные масштабы. В сфере труда последние имеют свою нишу — некоторые виды низкоквалифицированного и непрестижного труда. Однако на границах ниши временами возникает конкуренция, в которой китайские работники имеют высокие шансы на победу. Так, в 2007 г. для прокладки нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан «Транснефть» в целях экономии средств пригласила в качестве субподрядчика китайскую компанию СРР. Правительство Якутии, страдающей от безработицы, пыталось уговорить «Транснефть» принять на работу 400 местных безработных строителей, но получило согласие лишь на 200. Позже «Транснефти» пришлось доучивать китайских рабочих, поскольку геологическая обстановка, в которой они работали, оказалась для них непредвиденно сложной.

В Омской области при высоком уровне безработицы в ряде районов некоторые местные работодатели отдают предпочтение китайским крестьянам. Их зарплата составляет более 100 долларов в месяц, и местные крестьяне охотно согласились бы на такую зарплату, однако китайский труд считается более эффективным. Со вступлением России в полосу финансово-экономического кризиса некоторые предприниматели начали делать попытки заменить российский труд более дешевым китайским.

Но есть примеры иного рода: представители отечественных турфирм жалуются, что китайцы захватили в свои руки все обслуживание туристов из КНР в российских городах, вопреки тому, что иностранные предприниматели пытаются заниматься туристическим бизнесом.

Конкуренция китайских промышленных товаров с российскими фактически отсутствует: готовность китайских коммерсантов поставить в Россию любую массу товаров и наличие у России нефтяных денег делает излишним производство аналогичных отечественных товаров.

На российском Дальнем Востоке дешевизна китайской овощной продукции сделала выращивание овощей невыгодным для российских крестьянских хозяйств, которые в результате разоряются. С другой стороны, низкая цена на китайские овощи отвечает интересам российского потребителя. Возникает противоречивая ситуация, вполне типичная для России. К сожалению, власти смотрят на нее сквозь пальцы.

Издредка конкурентная борьба может обостряться, доходя до массовых акций протеста и даже до столкновений, как это было, например, на Камчатке в начале 2002 г., когда там появились китайские торговцы, а местные обвинили их в демпинге. Конфликт принял такой характер, что к его урегулированию пришлось подключиться китайским дипломатам.

Однако в целом в России китайским властям приходится защищать своих соотечественников не от озлобленных конкурентов, а от произвола милиции и от ареста и конфискации завезенных из КНР товаров, при том что претензии по этим товарам могут быть предъявлены и китайской стороне. Официальные представители КНР действуют в подобных случаях сдержанно — так, чтобы не нанести ущерб российско-китайским отношениям, но достаточно твердо. «Непрерывно возрастающая мощь Китая, — подчеркивают китайские ученые, — дает ему новые возможности, новый опыт и международное влияние для обеспечения более полной и тщательной защиты своих зарубежных сограждан». Представляется, что в данном утверждении содержится не только констатация сложившегося положения дел, но и предупреждение: Пекин хочет, чтобы отношение к китайским гражданам, где бы они ни проживали, строилось с учетом изменившегося в его пользу баланса сил.

3) *Китайская диаспора и «китайская угроза»*. Те большие инвестиции, которые китайская диаспора делает в экономику своей этнической родины, порою рассматриваются как утечка капитала из страны, в которой было создано благосостояние этой диаспоры, как проявление нелояльности по отношению к стране нахождения и содействие усилению Китая. Возникает недоверие к диаспоре, подогреваемое еще и тем, что эмигранты современной «волны» отличаются высоким уровнем этнического самосознания, которое нетрудно истолковать как прокитайский настрой. Коренное население начинает опасаться, что новые финансовые связи в сочетании с игрой на этнических узах позволят Китаю втянуть диаспору в сферу своего экономического и политического влияния, использовать ее как инструмент для достижения своих целей.

Пекин всячески стремится развеять такого рода тревоги. Он подчеркнуто игнорирует разговоры о «Большом Китае», а в своем законодательстве четко разграничивает эмигрантов — граждан КНР (хуацяо) и этнических китайцев — граждан государств проживания (хуажэнь). Правительство КНР одобряет принятие эмигрантами-хуацяо гражданства принявшей их страны, а тех, кто остается гражданином КНР, призывает «жить в дружбе с местным населением, вносить вклад в развитие экономики страны проживания».

Китайцы в России — это почти исключительно временные мигранты, которые, таким образом, не образуют диаспоры. Однако они также являются источником опасений, аналогичных вышеописанным и зачастую имеющих конспирологическую окраску. В российском массовом сознании довольно широко распространены представления, что китайское правительство будто бы имеет тайный план: создать в России собственную торговую сеть и вытеснить с розничного рынка российских коммерсантов. В нашем опросе эту мысль поддержал 21% респондентов. Еще 24% согласились с утверждением, будто у китайского правительства есть другой тайный план: постепенно заселить китайцами российский Дальний Восток. И только 5% решили, что у китайского правительства нет подобных планов. Некоторые российские китаеведы развивают в своих трудах мысль, что китайские коммерсанты в России представляют собой некую армию, спаянную жесткой дисциплиной и беспрекословно подчиняющуюся приказам из Пекина.

В Китае хорошо знакомы с беспокойством россиян, воспринимают его спокойно, хотя и с некоторой обидой, рассматривая его как существенное препятствие для развития двустороннего сотрудничества, которое, однако, вполне можно преодолеть посредством широкой разъяснительной работы, включая такие масштабные мероприятия, как Годы Китая и России, Годы китайского языка в России и русского языка в Китае и т.д.

На мой взгляд, вышеприведенные конспирологические утверждения невозможно ни доказать, ни опровергнуть, а потому гадать о планах Пекина бессмысленно (эту точку зрения поддержали 23% респондентов). Для понимания ситуации необходимо и достаточно смотреть на соотношение интересов и соотношение сил. А в практическом плане, независимо от наличия или отсутствия чьих-либо тайных планов, нужно контролировать объем и состав потока мигрантов, номенклатуру и качество товаров и соответственным образом реагировать, не увязая в коррупции.

А.Ф. Клименко

19–20 ноября 2010 г. президент России Д.А. Медведев принял участие в заседании на высшем уровне Совета Россия — НАТО в Лиссабоне. В повестку дня были включены ключевые для нас и Брюсселя вопросы противоракетной обороны, противодействия терроризму, пиратству и наркотрафику, распространению оружия массового поражения. Достигнуты договоренности по участию России в создании европейской ПРО на партнерских, равноправных условиях, расширению транзита военных грузов НАТО через российскую территорию в Афганистан, по углублению там антинаркотического сотрудничества, особенно в сфере подготовки нарко-полицейских, и по обеспечению поставок российских вертолетов для нужд афганской армии. Кроме того, Россия будет работать с альянсом по вопросам, связанным с ядерными программами ряда стран, в том числе Ирана.

Что подтолкнуло НАТО к установлению более тесных отношений с Россией?

Афганистан остается одной из главных проблем альянса и занимает важное место в его планах, касающихся развития отношений с нашей страной. В рамках стратегии по стабилизации этой страны и создания условий для ухода из нее воинского контингента блока командованием ОВС НАТО разработан план под условным наименованием «Анаконда». Он предусматривает концентрическое воздействие на афганцев (силовое, гуманитарное, образовательное, социальное) с целью подавления мятежников, привлечения на свою сторону колеблющихся, развития элементов гражданского общества, укрепления властных структур на местах. Причем натовцы внимательно изучают опыт вывода из Афганистана советских войск.

Поэтому партнерские отношения НАТО с Россией, получили новый дополнительный импульс в трех сферах: политический диалог, военное сотрудничество и так называемое «третье измерение», включающее гуманитарную, научную, образовательную область и публичную дипломатию.

Но анализ реализации этой триады под эгидой Совета Россия — НАТО свидетельствует о преобладании политических и военных вопросов. Достаточно обратить внимание на то, что заседаниям этого Совета предшествовали встречи представителей сторон в трех комитетах: Подготовительном, Военном подготовительном, «Наука ради мира и безопасности»; в шести рабочих группах — по операциям и военному сотрудничеству (включая подгруппу по Афганистану), транспарентности в области обороны, стратегии и реформирования, по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению ОМУ, по ПРО, по чрезвычайному гражданскому планированию, «Инициативе по сотрудничеству в воздушном пространстве»; в двух специальных рабочих группах (по тылу и борьбе с террористическими угрозами в евро-атлантическом регионе).

Углубление сотрудничества России с Западом, тем более в военно-политической сфере, не прошло мимо наблюдательных китайских экспертов.

Масла в огонь подлили США. Устами помощника госсекретаря Филиппа Гордона была «вброшена» идея о возможном принятии нашей страны в члены НАТО. Причем, озвучено это было публично — в выступлении последнего на слушаниях в Конгрессе⁶⁹.

Особый интерес китайцев вызвал ответ президента Д.А. Медведева на вопрос о возможности вступления России в НАТО на брифинге для журналистов по итогам саммита: «Конечно, будущее — вещь неопределенная, — сказал он. — В настоящий момент я, например, не вижу ситуации, когда Россия могла бы присоединиться к альянсу, но все меняется, меняется и Североатлантический альянс. Если Североатлантический альянс изменится настолько, что встанет вопрос о нашем более тесном сотрудничестве с ним, то, я считаю, здесь не может быть никаких закрытых тем. Мы можем обсуждать их, при наличии доброй воли и желания наших партнеров по альянсу»⁷⁰.

Конечно, все это не могло не насторожить китайское экспертное сообщество. Однако, как следует из анализа сообщений агентства Синьхуа, большинство их оценок носит осторожный и деликатный характер. Так, заместитель директора центра по изучению России при Педагогическом университете Восточного Китая Ян Чэн считает, что нынешняя международная структура подвергается большим переменам и колебаниям. Россия начала осознанно регулировать свою политику по отношению к Западу, сюда же относится «перезагрузка» российско-американских отношений. Трансформация происходит на фоне желаний и потребностей обеих сторон.

Другие специалисты более конкретны в своих оценках. Они подчеркивают, что историческое сближение НАТО и России имеет под собой определенную подоплеку: и та и другая стороны опасаются, и настороженно относятся к подъему Китая. Запад, улучшая отношения с Россией, возможно, придерживается цели ухудшить связи между РФ и КНР. Россия надеется путем регулирования стратегии по отношению к Западу, как сохранить благоприятные отношения с Китаем, так и вернуться в эпоху 70-х гг. прошлого столетия, когда на мировой арене был «треугольник» в лице США, СССР и КНР.

Старший научный сотрудник Института по международным стратегическим исследованиям пров. Гуандун профессор Тан Сяосун отмечает, что Соединенные Штаты перемещают центр мировой стратегии в Восточную Азию. А Китай — государство, которому США уделяют центральное внимание на следующем этапе своего стратегического плана: путем улучшения отношений с Россией, а также разрешения проблемных стратегических вопросов они надеются, что в будущем РФ будет придерживаться нейтральной позиции в разногласиях между США и Китаем. Его коллега, профессор Ян Чэн настаивает: одной из целей улучшения отношений с Россией является намерение Запада ухудшить российско-китайские связи.

Зададимся вопросом, чего же опасаются в Китае?

Причина понятна, ибо тенденция на укрепление сотрудничества России с НАТО до уровня стратегического партнерства может существенно трансформировать геостратегическую обстановку вокруг Китая.

Во-первых, открывается перспектива приближения НАТО к границам КНР, и то беспокойство, которое ранее испытывала в связи с этим Россия, передается Китаю: более 4000 км его госграницы с Россией из глубокого тыла преобразуются в передовую линию.

Во-вторых, расширение сотрудничества Индии с США и Японией, усиление группировки индийских ВС на границе с Китаем и ВМС в восточной части Индийского океана, приобретение Индией права на использование иранского порта Чохбахар на выходе из Персидского залива могут, при необходимости, блокировать использование Китаем энергетических коммуникаций на этом направлении.

В-третьих, обострение военно-политической обстановки на Корейском полуострове и укрепление в связи с этим американо-южнокорейского и американо-японского союзов не могут не заставить Пекин задуматься о том, что он действительно может ока-

заться в неблагоприятном стратегическом окружении со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Можно предполагать, что в Китае не забыли, как в 1970-е гг. КНР поступила с Советским Союзом в упомянутом выше «треугольнике» советско-китайско-американских отношений, приплюсовав «свой угол к американскому» в противовес «углу советскому». Отсюда, возможно, следует опасение, не повторит ли Россия такой «финт». Поэтому с китайской стороны следует предостережение. В близком к тексту изложении суть его такова. В 1990-е гг. Россия уже пыталась наладить дружеские связи с Западом, раз за разом сдавая свои позиции. И чего она добилась? Ее ободрали как липку, использовали в своих интересах и оттолкнули. Не наступит ли Россия вновь на те же грабли?

Далее следует констатация того, что Россия и Запад уже поняли и признали, что возвышение КНР и рост ее государственной мощи нельзя сдерживать. В связи с этим и России, и западным государствам необходимо приспособиться к новым изменениям международной структуры.

В целом же китайские специалисты не теряют надежды, что России и НАТО сложно стать одновременно из «врагов» друзьями. На самом деле, если стороны не преодолеют существующие глубокие противоречия и не устранят подозрений относительно друг друга, то установление "настоящего стратегического партнерства" может быть легким только на словах, а не на деле.

В то же время отношения между Россией и КНР имеют внутренние потенциалы для развития, поэтому не подвергнутся коренным переменам из-за изменения международной обстановки. Китай не будет сомневаться в жизнеспособности китайско-российских отношений в связи с регулированием связей между Россией и Западом.

В заключение следует заметить, что нынешняя российская политика налаживания добрососедских отношений по всем азимутам в наибольшей степени соответствует современным условиям международно-политической обстановки. Единственное, о чем нужно помнить — не следует при реализации своих интересов наносить ущерб интересам своих партнеров. Особенно актуально это для такой деликатной сферы взаимоотношений, как международная безопасность.

Логичным шагом со стороны России было бы усиление активности взаимодействия с КНР на двустороннем уровне и, особенно, в рамках Шанхайской организации сотрудничества. В этом плане желательно вовлекать Китай в многосторонние усилия по стабилизации обстановки в Афганистане и Пакистане. Примечательно, что первые шаги в этом направлении уже сделаны в ходе недавно состоявшегося Совета глав правительств стран-участниц ШОС. И эти шаги нужно наращивать.

А.С. Давыдов

Реально ли вступление России в НАТО и нужно ли это ей?

А.Ф. Клименко

Что означает вступление России в НАТО? В военном плане речь непременно пойдет об оперативной совместимости вооруженных сил. А это значит, что нам придется переделывать под натовские стандарты системы управления и связи, подгонять под них всю боевую технику, вооружение, калибры боеприпасов и т.п. Все это потребует огромнейших средств. К тому же, натовцы будут настаивать на том, чтобы мы покупали боевые системы на Западе, поскольку так им проще и выгоднее. Тем более, что некоторые виды вооружений, например, беспилотные средства и десантные корабли там лучше, чем у нас. Это лишь один пример, затрагивающий военно-техническую сферу. А их более чем достаточно, особенно в сфере военно-политических отношений. Поэтому мой ответ отрицательный.

В.И. Трифонов

Восстановление суверенитета над Тайванем — один из главных национальных приоритетов КНР. В преамбуле действующей Конституции КНР от 1982 г. записано: «Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики. Завершение священного дела воссоединения Родины — священный долг всего китайского народа, в том числе и наших соотечественников на Тайване». Задача «решения тайваньской проблемы и полного воссоединения Родины» неизменно присутствует в основополагающих документах КНР, раздел по Тайваню занимает важное место в докладах китайского руководства на партийных съездах, сессиях ВСНП, НПКС, в ключевых внешнеполитических материалах. Пекин твердо заявляет, что ни при каких обстоятельствах не отступится от достижения поставленной цели, не допустит независимости Тайваня, его отделения от Китая, пойдет в своих действиях так далеко, как этого потребуют обстоятельства. Позиция КНР подкрепляется и необходимой правовой базой в лице соответствующих международных документов.

Линии Пекина противостоят действия Соединенных Штатов, вмешавшихся в ход гражданской войны в Китае и установивших в 1950 г. свой контроль над Тайванем. В последующие годы из-за Тайваня не раз возникали серьезные кризисы, грозившие перерасти в прямое столкновение между КНР и США. Вплоть до настоящего времени Вашингтон продолжает придерживаться позиции неприятия решения тайваньской проблемы «иными, чем мирными средствами», не раз подкрепив ее устрашающими военными акциями. В целом тайваньский вопрос остается потенциально опасным очагом напряженности, хотя на данный момент обстановка вокруг острова достаточно спокойная. Новый важный фактор, который необходимо учитывать, — быстрый рост совокупной мощи Китая, нарастание соперничества между КНР и США за региональное и глобальное лидерство.

Пройдя через периоды острой конфронтации из-за Тайваня в 1950-е — 1960-е гг., времена правления на Тайване администраций Ли Дэньхуэя и Чэнь Шуйбяня с их открытой линией на суверенизацию и независимость острова, Пекин — в рамках проводимого им в последние годы курса на «мир и развитие» в международных делах — взял на вооружение в отношении Тайваня мирную стратегию, делая упор на предоставлении ему, в случае воссоединения с материком, самой широкой автономии на базе формулы «одна страна—две системы». В концентрированном виде этот курс был закреплен в принятом 14 марта 2005 г. на 3-ей сессии ВСНП 10-го созыва «Законе о противодействии расколу государства». Отметив, что цель Закона — пресечь попытки отделения Тайваня от Китая, обеспечить суверенитет и территориальную целостность Китая, в документе сделан упор на «мирное объединение страны» на базе «принципа одного Китая». Следует отметить такой важный шаг навстречу Тайбэю — с учетом его несогласия с квалификацией Тайваня в качестве части КНР — как констатация (статья 2), что «к одному Китаю принадлежат и материк, и Тайвань», а «защита суверенитета и территориальной целостности Китая является общей обязанностью всего китайского народа, включая тайваньских соотечественников». Декларируется готовность развивать самые широкие связи между берегами пролива в экономической, транспортной, гуманитарной и иных областях. В то же время в статье 8 Закона указано: «В случае если раскольнические силы на Тайване, выступающие под флагом «независимости Тайваня», будут действовать — под любым именем или любыми средствами — в направлении отделения Тайваня от Китая, либо произойдут крупные инциденты, повлекшие отделение Тайваня от Китая, либо же возможности для мирного объединения будут полностью исчерпаны, государство применит немирные методы и другие необходимые меры для защиты суверенитета и территориальной целостности Китая».

Приход к власти на Тайване в 2008 г. Гоминьдана и президента от этой партии Ма Инцзю привел к существенным изменениям в отношениях между Пекином и Тайбэем. Потеплела атмосфера в двусторонних связях, заметно снизилась напряженность в зо-

не Тайваньского пролива, повысились шансы на достижение между сторонами взаимоприемлемых договоренностей.

В инаугурационной речи 20 мая 2008 г. новый президент четко обозначил параметры политики, которых намерен придерживаться Тайбэй во взаимоотношениях с материком: «Я искренне надеюсь, — заявил Ма Инцзю, — что две стороны Тайваньского пролива смогут использовать эту историческую возможность для достижения мира и процветания. В соответствии с принципом «нет объединению, нет независимости и нет применению силы», разделяемому большинством тайваньского общества, мы будем придерживаться статус-кво в Тайваньском проливе». Привлекла внимание фраза Ма Инцзю о том, что «в разрешении вопросов отношений через пролив значение имеет не суверенитет, а основополагающие ценности и образ жизни. Нас заботит благосостояние 1,3 миллиарда жителей материкового Китая, и мы надеемся, что материковый Китай будет продолжать движение в сторону свободы, демократии и процветания всего народа. Это проложит дорогу к долгосрочному мирному развитию отношений через пролив».

Сразу после вступления Ма Инцзю в должность стороны предприняли активные шаги по возобновлению диалога. В течение 2008 г. состоялся ряд встреч — в межпартийном формате — с участием высших руководителей сторон. В апреле Ху Цзиньтао принял вице-президента Тайваня Сяо Ваньчана в ходе ежегодного Азиатского форума Боао на о. Хайнань, в мае в Пекине состоялась встреча Ху Цзиньтао с председателем Гоминьдана У Босюном, в ноябре Ма Инцзю принял в Тайбэе председателя Ассоциации отношений между берегами Тайваньского пролива (АРАТС) Чэнь Юньлиня, Ху Цзиньтао неоднократно встречался — «на полях» саммитов АТЭС — с возглавлявшим тайваньскую делегацию бывшим вице-президентом Тайваня Лянь Чжанем.

Курс на дальнейшее мирное развитие отношений между берегами пролива был закреплен в принятой 17 октября 2009 г. на 18-м съезде Гоминьдана новой политической программе партии. На съезде Ма Инцзю официально вступил в должность председателя Гоминьдана и получил поздравительную телеграмму по этому поводу от генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао, что, по мнению ряда экспертов, создает предпосылки для организации встречи на уровне Ху Цзиньтао — Ма Инцзю. Тем не менее, как представляется, возможность этого маловероятна, поскольку тайваньская сторона добивается того, чтобы указанная встреча проходила на равных, как глав суверенных государств, что, разумеется, неприемлемо для Пекина.

Прошло пять раундов переговоров руководителей структур, отвечающих за налаживание связей между сторонами пролива — Ассоциацией отношений между берегами Тайваньского пролива (АРАТС) и тайваньским Фондом обменов через пролив (СЕФ), в результате которых были выработаны соглашения об установлении прямого авиационного, морского и почтового сообщения между Тайванем и материком. КНР открыла для этого 63 морских и речных порта, а также 21 аэродром в крупнейших городах. Соответствующие ответные шаги осуществил Тайбэй. Подписан ряд других соглашений: о предоставлении услуг в сфере рыболовства, осуществлении карантинного контроля над сельхозпродукцией, взаимодействии в сфере стандартизации и сертификации промышленной продукции, о мерах по облегчению туристических поездок на Тайвань из КНР (тайваньцы и раньше в широких масштабах посещали материк). Ожидается, что в 2010 г. Тайвань посетит свыше 1 млн туристов с материка, что принесет острову примерно 1 млрд долларовых поступлений.

29 июня 2010 г. председателями АРАТС и СЕФ было подписано Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между берегами пролива (ЕСФА), которое, как ожидается, даст мощный толчок дальнейшему развитию торгово-экономических связей между ними, еще теснее привяжет остров к матерiku. Соглашение носит весьма льготный для Тайваня характер, значительно облегчая доступ многих тайваньских товаров на материк и обеспечив, по оценкам, дополнительный ежегодный рост тайваньского ВВП

на 1,7%. Появится около 285 тыс. новых рабочих мест. Тайбэй также рассчитывает, что соглашение откроет дорогу к широкому развитию экономических связей Тайваня со странами АТР, позволит ему подключиться к созданным в регионе зонам свободной торговли (АСЕАН—КНР, АСЕАН—Южная Корея).

На Тайване отмечают определенный отход КНР от жесткой линии на изоляцию Тайбэя в международных делах. Продолжая твердо противодействовать любым шагам, которые поставили бы Тайвань в один ряд с суверенными нациями, Пекин несколько шире приоткрыл дверь для участия Тайбэя в практической деятельности ряда международных организаций экономического и гуманитарного характера. Ранее Тайбэй был допущен в АТЭС, ВТО, Азиатский банк развития, а также в олимпийское движение под вывесками «Китайский Тайбэй», «отдельная таможенная территория Тайвань, Пэнху, Цзиньмэнь и Мацзу». Сейчас Пекин перестал возражать против участия Тайваня в качестве наблюдателя в работе Всемирной организации здравоохранения, чего Тайбэй упорно добивался все последние годы. Этот шаг Пекина вызвал на Тайване особенно положительную реакцию. По тайваньским наблюдениям, Пекин стал воздерживаться от целенаправленных попыток «перетянуть» на свою сторону страны, имеющие дипотношения с Тайбэем (23 небольших государства Африки, Латинской Америки, Океании, а также Ватикан, что, тем не менее, позволяет Тайбэю поддерживать статус «легитимной международной структуры»).

Изменил свою тактику и Тайбэй. Как подчеркнул Ма Инцзю в своем национальном послании от 10 октября 2009 г., «в том, что касается нашей стратегии вновь войти в систему ООН, то с прошлого года мы отказались от бесполезной конфронтации и приняли на вооружение, в качестве приоритетной цели, участие в специализированных учреждениях ООН и в деятельности этих учреждений». В настоящее время Тайбэй сосредоточил усилия на том, чтобы принять участие в какой-то форме в работе ИКАО и в Рамочной конвенции ООН по изменению климата.

В Пекине сейчас также стараются воздерживаться от высказываний относительно сроков решения тайваньской проблемы, тогда как до недавнего времени неоднократно подчеркивалось, что вопрос о воссоединении с Тайванем «нельзя откладывать до бесконечности». Широко пропагандируется опыт Гонконга и Макао, сохранивших в рамках формулы «одна страна — две системы» свой образ жизни и высокую степень автономии.

Примечательна выражаемая Пекином готовность к тому, чтобы «оба берега Тайваньского пролива в удобное время и подходящим образом провели контакты и обмены по военным вопросам, включая проблему размещения военных сил (заявление представителя Канцелярии по делам Тайваня при Госсовете КНР Ян И на пресс-конференции 13 октября 2010 г.). В тайваньской печати также сообщалось, что Пекин обещал начать свертывание нацеленных на Тайвань китайских ракет, если Тайбэй согласится с концепцией «одна страна — две системы».

Что касается тайваньской администрации, то, подвергаясь сильнейшей критике со стороны оппозиционных сил в том плане, что взятый Ма Инцзю курс в отношении материка «ведет к потере суверенитета Тайваня», она вынуждена маневрировать, делать заявления, что не намерена заходить слишком далеко в развитии своих связей с КНР и будет держать ситуацию под постоянным контролем. Принято решение притормозить шаги на политическом направлении взаимоотношений с Пекином, не торопиться с реализацией плана о заключении мирного договора с материком, действуя по принципу «сначала экономика, потом политика». Выступая в мае 2009 г., Ма Инцзю заявил, что этим вопросом можно будет заняться после 2012 г., в случае его переизбрания на второй срок. Еще более четко выразилась 19 ноября 2009 г. председатель Совета по делам материкового Китая Лай Синьюань, подчеркнувшая, что «подписание политических соглашений либо содействие выработке мер доверия не являются срочными вопросами для администрации Ма Инцзю». По ее словам, время и условия для политических переговоров еще не

созрели. «Примирение сторон пролива, сказала она, не может быть достигнуто перед лицом военной угрозы со стороны Пекина».

На данный момент линия КНР заключается в поэтапной и все более тесной привязке к себе Тайваня, используя прежде всего экономические методы. Начиная с 2005 г., КНР стала основным торговым партнером Тайваня. В 2008 г. объем торговли сторон, включая Гонконг, составил 132,6 млрд долл. (экспорт Тайваня на материк — 99,7 млрд долл., импорт 32,9). В 2009 г. товарооборот — из-за кризиса — снизился примерно до 110 млрд долл. При этом Тайбэй имеет значительное позитивное сальдо в торговле с КНР и Гонконгом (66,8 млрд долл. в 2008 г.), что обеспечило Тайваню общий положительный баланс во внешней торговле. КНР является главной сферой приложения тайваньских инвестиций. Согласно официальным тайваньским данным, их объем составил на конец 2009 г. 84,4 млрд долл. (в оценках же независимых экспертов приводятся намного более высокие цифры — свыше 150 млрд долл.). Операции на материке осуществляют около 70 тыс. тайваньских компаний, работают сотни тысяч тайваньских специалистов. В ближайшие годы в связи с принятием сторонами соответствующих решений следует ожидать значительного притока теперь уже материковых инвестиций на Тайвань. Пекин укрепил свои позиции на Тайване в условиях мирового финансово-экономического кризиса, поскольку именно КНР оказала наиболее существенную помощь переживающей серьезные трудности тайваньской экономике.

Важным направлением усилий Пекина является политика «проявления заботы о соотечественниках на Тайване». При этом, несомненно, учитывается один из главных элементов позиции Вашингтона, что тайваньское урегулирование должно осуществляться «мирным путем, самими китайцами». Происходят постепенные сдвиги в настроениях населения сторон в отношении друг друга, растет доверие между ними. Согласно проведенному на Тайване в июле 2010 г. опросу общественного мнения, 79,3% опрошенных поддержали ведение администрацией Ма Инцзю дел с материком.

В то же время нынешний разворот в отношениях между сторонами, явные выгоды, которые несет Тайваню расширение экономических и иных связей с КНР, пока не привели к существенным изменениям в настроениях тайваньского населения в пользу воссоединения с материком. Большинство тайваньских жителей, как свидетельствуют проводимые на острове опросы общественного мнения, выступает за сохранение статус-кво: против объединения с материком, но и против провозглашения независимости, понимая, какими последствиями это может грозить.

Развитие диалога между Пекином и Тайбэем, перспективы воссоединения сторон неотделимы от общего геополитического контекста, в котором развивается диалог. В качестве важнейшего фактора здесь выступают американо-китайские отношения с учетом той роли, которую играют США в тайваньской ситуации. Их позиция остается главным препятствием на пути воссоединения Тайваня с материком.

Базовыми документами, регулирующими тайваньский вопрос в рамках взаимоотношений между Пекином и Вашингтоном, являются три известных китайско-американских коммюнике (Шанхайское коммюнике от 28 февраля 1972 г., коммюнике об установлении дипломатических отношений между США и КНР от 1 января 1979 г. и коммюнике от 17 августа 1982 г. по вопросу американских военных продаж Тайваню). В соответствии с этими документами США «признали правительство КНР в качестве единственного законного правительства Китая», «признали китайскую позицию о том, что существует один Китай и что Тайвань является частью Китая», взяли на себя обязательство ограничивать и постепенно сокращать продажи Тайваню американского оружия. Шаги администрации были дополнены американским Конгрессом, разработавшим к сильнейшему недовольству Пекина так называемый «Закон об отношениях с Тайванем», вступивший в силу 10 апреля 1979 г. В Законе содержались обязательства США развивать отношения как с «народом Тайваня, так и с народом на материке Китая», «снабжать Тай-

вань оружием оборонительного характера», указывалось, что «решение Соединенных Штатов установить дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой базируется на ожидании, что будущее Тайваня будет определено мирным путем». Особое значение имела формулировка: «считать любые попытки определить будущее Тайваня иными, чем мирными средствами, включая бойкот или эмбарго, как угрозу миру и безопасности в западной части Тихого океана и как источник серьезного беспокойства для США». Важное значение для Пекина имеют так называемые «три нет» Б. Клинтона (заявление американского президента от 30 июня 1998 г.): «Мы не поддерживаем независимость Тайваня, ситуацию «двух Китаев» или «одного Китая и одного Тайваня». Мы не считаем, что Тайвань может быть членом какой-либо организации, требованием которой является статус суверенного государства». Клинтон также добавил, что «все это нужно делать мирным путем, как об этом говорит наш закон».

Заслуживают внимания касающиеся Тайваня положения совместного американо-китайского заявления от 17 ноября 2009 г. во время визита президента Б. Обамы в КНР. С американской стороны, в частности, было заявлено, что США придерживаются политики одного Китая и принципов трех американо-китайских совместных коммюнике. Была выражена поддержка усилий сторон пролива по расширению диалога и взаимодействия в сфере экономики, политики и пр. «Две страны (США и КНР) подчеркнули, говорится в заявлении, что фундаментальные принципы уважения суверенитета и территориальной целостности друг друга представляют собой ядро трех совместных американо-китайских коммюнике, которые определяют американо-китайские отношения. Ни одна из сторон не поддерживает любые попытки любыми средствами подорвать эти принципы».

Вряд ли следует ожидать, что Вашингтон пойдет в ближайшее время на серьезные уступки Пекину в тайваньском вопросе, тем более в условиях осложнившихся отношений сторон. Переход Тайваня под контроль Пекина нанес бы ощутимый удар по стратегическим интересам Соединенных Штатов в Восточной Азии, существенно усилил потенциал Китая, рассматриваемого Вашингтоном в качестве одного из главных соперников США в борьбе за мировое лидерство в XXI в.

Несмотря на сравнительно небольшие размеры (36,2 тыс. кв. км территории, 23 млн чел. населения), Тайвань представляет собой внушительную экономическую величину. Совокупный объем его ВВП составил в 2009 г. 379 млрд долл. в номинальном исчислении (391,3 млрд долл. в 2008 г.), а объем внешней торговли — 378,1 млрд долл. (496,08 млрд долл. в 2008 г.). На сентябрь 2010 г. Тайбэй имел золотовалютные резервы на сумму 380,5 млрд долл. (4-е место в мире). Тайбэй успешно преодолевает последствия экономического спада из-за мирового кризиса. Согласно официальному прогнозу, его ВВП возрастет в 2010 г. на 8,24%.

Тайвань располагает значительными и хорошо оснащенными с помощью США вооруженными силами, расходует немалые средства на обеспечение своей безопасности. Причем необходимость поддержания обороны на должном уровне Тайбэй оправдывает «постоянными угрозами» со стороны материка, наращиванием КНР направленных против Тайваня оперативно-тактических ракет, способных накрыть всю территорию острова (по заявлению бывшего президента Чэнь Шуйбяня в его новогоднем послании от 1 января 2008 г. количество тактических баллистических ракет, развернутых Китаем на его стороне Тайваньского пролива, возросло с 200 в 2000 г. до 1328 на конец 2007 г.).

16 марта 2009 г. министерство обороны Тайваня опубликовало выпускаемый раз в четыре года обзор состояния тайваньских вооруженных сил (Quadrennial Defence Review), в соответствии с которым планируется — «в целях создания более эффективных и компактных сил» — сокращение вооруженных сил Тайваня с нынешних 275 тыс. до 215 тыс. в 2014 г. При этом тайваньские военные считают, что для поддержания обороноспособности Тайваня на должном уровне необходимо увеличить долю расходов на оборону с нынешних 2% до 3% ВВП. Во вступлении к обзору министр обороны Тайваня

Чэнь Чаоинь подчеркнул, что реформирование вооруженных сил является гарантией против «безрассудных действий» со стороны материка и подводит солидную базу под переговоры между сторонами пролива.

В то же время США хотели бы избежать конфронтации с Китаем из-за Тайваня, особенно сейчас, когда мощь КНР существенно возросла. Ядром американской позиции в тайваньском вопросе остается сохранение статус-кво в течение как можно более длительного времени. Соединенные Штаты не раз предупреждали тайваньские власти против попыток одностороннего провозглашения независимости Тайваня.

С учетом вышесказанного многие наблюдатели ожидали, что администрация Б. Обамы постарается занять достаточно гибкую позицию в таком чувствительном для КНР вопросе, как американские военные продажи Тайваню (3 октября 2008 г. администрация Дж. Буша под занавес своего пребывания у власти объявила о намерении продать Тайваню оружие еще на сумму 6,5 млрд долл.). Этого, однако, не произошло. Но уже в январе 2010 г., буквально по следам только что закончившегося визита президента Б. Обамы в КНР, минобороны США объявило о внесении на утверждение Конгресса крупного пакета предназначенных для Тайваня новейших американских вооружений на указанную выше сумму: противоракетные комплексы «Пэтриот» (PAC-3), вертолеты UH-60M «Блэк Хоук», ракеты «Гарпун», многофункциональные центры управления боевыми операциями (MIDS/LVT-1), противоминные тральщики класса «Оспри». Пекин ответил временным свертыванием связей с США по военной линии, санкциями против тех американских компаний, которые участвуют в продажах оружия Тайваню, и некоторыми другими мерами.

Возникает вопрос, каковы в нынешней обстановке шансы на достижение тайваньского урегулирования, и каких действий следует ожидать от Пекина?

По мнению большинства экспертов, осуществление КНР военной операции по присоединению Тайваня маловероятно. Подобная операция трудно осуществима с военной точки зрения, учитывая мощный оборонительный потенциал Тайваня, американские обязательства по обеспечению защиты острова. Развернутые Китаем на своем побережье оперативно-тактические ракеты скорее являются средством устрашения на случай провозглашения независимости Тайваня, их применение нанесло бы острову непоправимый ущерб, что вряд ли отвечало бы интересам КНР. Исходя из этого, Пекин в обозримый период времени скорее всего постарается воздерживаться от каких-либо акций, которые могли бы осложнить обстановку в районе Тайваньского пролива.

В то же время весьма эффективной представляется избранная китайским руководством тактика «постепенного подтягивания» к себе Тайваня при помощи экономических, гуманитарных и иных рычагов. В Пекине не торопятся, понимая, что время работает на КНР, тем более что пути к оформлению де-юре независимости Тайваня надежно перекрыты.

Ключевое значение в нынешней обстановке приобретает работа по привлечению на сторону КНР тайваньского населения, достижение договоренности с тайваньскими властями о мирном воссоединении сторон, что лишило бы Вашингтон повода для вмешательства в тайваньскую ситуацию.

Свою роль может сыграть и такой фактор, как дальнейшее углубление демократических процессов в КНР, расширение контактов между тайваньским населением и жителями материка, что будет снижать опасения населения Тайваня, связанные с перспективой объединения при понимании того, что будет сохранен нынешний уклад жизни на Тайване, как это имело место в договоренностях по Гонконгу и Макао.

А.Г. Ларин

Возвышение КНР, превращение ее в мировую величину с мощной сетью экономических связей в регионе автоматически ведет к маргинализации Тайваня. Развивая

торгово-экономические отношения с островом, другие страны вынуждены оглядываться на Пекин: не проявит ли он недовольство. На сегодня, по мнению тайваньских экспертов, в отношениях с материком Тайбэй отстал от других государств региона на 10–15 лет. Соглашение «АСЕАН+1» поставило перед перспективой краха важнейшие сектора тайваньской промышленности, работающие на экспорт в Китай. Неблагоприятное положение Тайваня, 70% ВВП которого дает экспорт, ухудшается еще больше из-за мирового финансового кризиса, а также разрушительных последствий тайфуна «Моракот».

Поэтому Рамочное соглашение с материковым Китаем имеет для Тайваня с его узким внутренним рынком жизненно важное значение. Оно должно, прежде всего, открыть доступ на рынок материка традиционным отраслям промышленности острова, таким как нефтехимическая, тяжелое машиностроение, сталелитейная, текстильная, производство пластмасс и строительных материалов. Речь идет об огромном ассортименте товаров, включающем в себя многие сотни позиций. В настоящее время эта продукция, в отличие от электроники и информационных технологий, подлежит обложению высокими таможенными пошлинами. В дальнейшем на Тайване рассчитывают на существенное укрепление торговых и инвестиционных связей и с материком, и со странами АСЕАН, в том числе в различных формах трехстороннего сотрудничества.

Китай идет навстречу запросам Тайваня, поскольку заинтересован и в подъеме экономики своего партнера, и в продолжении процесса интеграции — здесь налицо зависимость сторон друг от друга. Для Тайваня экономическая интеграция с материком является безусловным императивом, которому подчинялся даже Чэнь Шуйбянь. Для Китая мирная интеграция — фактически тоже единственный рациональный вариант отношений «через пролив», однако у него большее пространство для маневра: он может спокойно работать, привязывая Тайвань к себе все теснее, но может и попытаться форсировать процесс, оказывая посредством экономических рычагов давление на тайваньскую деловую и политическую элиту, с тем чтобы побудить ее согласиться на объединение.

К выбору второго варианта Пекин может подтолкнуть понимание того обстоятельства, что население острова вряд ли когда-либо добровольно пойдет на объединение — по крайней мере, до той отдаленной поры, когда оба берега не сравняются по уровню жизненных стандартов и состоянию демократических свобод.

Представляется, что в руководстве КНР имеются сторонники обоих подходов, и хотя в настоящее время преобладает мягкий подход, линия поведения в отношении Тайваня является результатом компромисса. Если мягкий подход возобладает окончательно, ничто не мешает Пекину предпринять односторонние шаги в военной сфере. Пойти на такой, например, демонстративный шаг, как частичный или даже полный отвод ракет, дислоцированных напротив острова. Вполне очевидно, что КНР сможет вернуть ракеты обратно, если Тайбэй начнет переориентацию в направлении сепаратизма, и даже применить силу в случае его попытки провозгласить независимость — такая попытка заведомо не может быть мгновенной и неожиданной для Пекина.

В.Я. Портяков

Несколько слов о российско-китайских отношениях. Я полагаю, что в ходе недавних визитов президента Д.А. Медведева в Китай и премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Россию и специалисты, и общественность нашей страны имели возможность ознакомиться с детальной оценкой этих отношений в совместных коммюнике и в многочисленных материалах и комментариях в СМИ. Отмечу лишь, что официальные отношения находятся на высоком уровне, весьма диверсифицированы и постоянно пополняются какими-то новыми элементами. Например, по итогам визита Вэнь Цзябао было объявлено о создании специального рабочего органа по молодежным обменам между двумя странами, что, мне кажется, весьма своевременно.

Следует упомянуть и о таких знаковых событиях, как выход в 2010 г. на докризисный уровень двустороннего товарооборота, успешное развитие сотрудничества в нефтяной сфере, приближение к конкретным договоренностям об условиях поставок российского природного газа в Китай. Судя по публикации в газете «Ведомости» от 23 ноября 2010 г., на недавнем заседании двусторонней комиссии по военно-техническому сотрудничеству удалось решить ряд застарелых проблем, в том числе вопрос о поставках в КНР российских военно-транспортных самолетов. Теперь речь идет о самолете Ил-476, который будет производиться в Ульяновске (ранее речь шла об Ил-76 и Ил-78 ташкентского производства). Крупным событием в гуманитарном сотрудничестве стали языковые года — русского языка в Китае в 2009 г. и китайского языка в России в 2010 г.

В то же время при общей позитивной оценке двусторонних российско-китайских отношений в них явно есть пространство для дальнейшего углубления и совершенствования.

Отмечу прежде всего следующее обстоятельство. Когда в 2005 г. мы проводили «Круглый стол» журнала по китайской коллективной монографии о двусторонних отношениях под редакцией Луань Цзинхэ, я высказал мнение, что, судя по разделам книги, посвященным современным отношениям между КНР и РФ, наше двустороннее сотрудничество на современном этапе выглядит скорее как брак по расчету, чем как брак по любви. Мне трудно отделаться от ощущения, что и после пяти лет серьезных усилий по укреплению взаимного доверия ситуация остается прежней: брак по расчету сохраняется, но в брак по любви он все еще не трансформировался. Причем оба партнера периодически предпринимают шаги, вызывающие непонимание или даже неудовольствие другой стороны.

Из недавних событий я бы выделил сюжет, связанный с декларированной российским руководством задачей модернизации России. Москва явно обидела Китай, не включив его с самого начала в число «партнеров по модернизации» и не заявив о создании с Пекином «модернизационного альянса». А российские эксперты либерального толка, например, Евгений Ясин, заявили о неприемлемости для России китайского опыта модернизации («Русский журнал», интернет-издание от 14 декабря 2009 г.). Кое-кто и вообще охарактеризовал модернизацию в КНР как «второсортную» на том основании, что ее важным компонентом стало массовое производство техники и оборудования западного происхождения. Не рассматривая эту проблему по существу — она требует специального и весьма детального анализа — отмечу лишь следующее. Во-первых, Пекин предметно осуществляет модернизацию уже более 30 лет, тогда как Москва лишь приступает к решению задачи. Во-вторых, китайское научное сообщество сумело разработать стратегию осуществления модернизации на разных этапах с разветвленным «деревом целей». Она послужила практическим ориентиром для руководства страны. В 1980-е гг. эту роль выполняла серия из 15 фундаментальных монографий, объединенных общей шапкой «Китай в 2000-м году». А в нынешнем веке эту роль играют ежегодные доклады о модернизации Китая («Чжунго сяньдайхуа баогао») и доклады об устойчивом развитии Китая («Чжунго кэ чисюй фачжань баогао»). Российские же ученые левого и правого толка, государственники и западники не сподобились создать чего-либо и близко похожего по своей практической значимости и общественному звучанию. Создается ощущение, что в России до сих пор не сложилось адекватное понимание существа китайского опыта преобразований.

В то же время российский бизнес намного реальнее представляет себе достигнутый Китаем уровень модернизации. Он, можно сказать, деньгами голосует за использование в России плодов китайской модернизации, о чем свидетельствует неуклонный рост доли машин и оборудования в российском импорте из КНР. Здесь, однако, кроется еще одна сложная проблема двусторонних отношений, возможно, даже ключевая.

Речь идет о том, что производственная деятельность российского бизнеса в нарастающей степени переносится в Китай, обескровливая и без того «лежащую» отечественную перерабатывающую промышленность. Запретами тут не помочь, нужно радикальное улучшение инвестиционного климата в России, реальная защита отечественного бизнеса от «крышевания», «откатов» и т.д. Кроме того, только равноценное налаживание перерабатывающих производств в России позволит Программе сотрудничества Дальнего Востока и Восточной Сибири с северо-восточными провинциями КНР на 2009–2018 гг. не остаться в основном на бумаге. Это должны ясно понимать власть предержащие и в России, и в Китае.

Вполне естественно, что Китай беспокоит и нынешнее сближение НАТО и России — или, по меньшей мере, прощупывание возможностей налаживания взаимодействия. Известно, что первая реакция Пекина на новости такого рода была сугубо негативной, тем более что они «вписывались» в идею более широкого поворота России к Западу, впервые нашедшую отражение в публикациях журнала «Русский ньюсик» в мае 2010 г. Публикации китайских СМИ на эту тему в последние месяцы стали спокойнее, есть понимание того, что Россия объективно нуждается в улучшении отношений с США, Европой, развитыми странами в целом. Важно, однако, помнить, что геостратегически Россия ценна для Китая, прежде всего, как надежный тыл сейчас и в будущем. Поэтому Китай как одного из немногих стратегических партнеров России необходимо на регулярной основе и в упреждающем режиме информировать о подвижках в российской политике на евроатлантическом направлении, разъяснять те или иные шаги.

Что касается действий китайской стороны, то определенным раздражающим фактором остается продолжающаяся и после окончательного решения пограничного вопроса публикация в КНР материалов о якобы утраченных страной территориях. Одним из последних примеров такого рода является заметка «Как Китай «потерял» Японское море» в журнале «Шицзе чжиши» (Знания о мире. 2010. № 17), воспроизводящая китайскую версию нашего территориального размежевания в XVII—XIX вв. В Китае любят апеллировать к тому обстоятельству, что, дескать, историю не изменишь, но нельзя не видеть, что публикации такого рода вольно или невольно вбрасывают в массовое сознание идею исторического реванша. Это бросает тень на нынешний статус Китая как ответственной глобальной державы. История всегда не проста, но почему-то, к примеру, в Дании никто не сетует по поводу утраты когда-то принадлежавшей ей южной Швеции.

У нас есть обоюдный интерес к углублению партнерства и стратегического взаимодействия. Сложившийся уровень отношений — давшийся, как подчеркивают в Пекине, нелегко — надо ценить и всемерно оберегать.

А.О. Виноградов

Общее изменение архитектуры международных отношений в мире — результат процессов, происходящих в нем на протяжении первого десятилетия текущего века. Факторы, которые способствовали этому процессу — внешнеполитическая деятельность администрации Дж. Буша-мл., особенно вторжение в Ирак, мировой экономической кризис и ряд других. Все это содействовало активизации и росту влияния стран, которые до того таким влиянием не обладали — Индии, Бразилии, Венесуэлы, Аргентины, Ирана, отчасти России. Одновременно уменьшилось влияние прежних центров силы — США и Западной Европы (ЕС), которые оказались наиболее пострадавшими в результате кризиса (не только и не столько экономически, сколько с точки зрения имиджа, идеологического влияния, контроля за мировыми процессами). Возвышение Китая — наиболее яркое и значимое проявление этого процесса. Однако сам по себе он более широк и затрагивает самые различные стороны (например, кризис европейской идентичности, изменение роли старых международных организаций, создание новых).

Эти изменения во внутреннем содержании международных отношений должны повлечь за собой определенные трансформации — и в их существующей структуре (это касается не только Вестфальской системы, роли ООН, но многого другого), и в поведении различных акторов на международной арене. Пример Китая в этом отношении тоже наиболее яркий, но далеко не единственный. Рост национализма характерен не только для Китая — уже сегодня есть примеры схожего усиления националистических моментов во внутренней и внешней политике отдельных стран (Россия, Венесуэла и др.).

Конкретные параметры формирующейся новой системы международных отношений сегодня с уверенностью предсказать нельзя — она претерпевает слишком фундаментальные качественные изменения, которые могут повлечь за собою смену системы координат и семантических полей, меняющую и всю систему оценок.

Тенденция, которая сегодня обращает на себя основное внимание — общий рост неустойчивости, конфликтности, неуправляемости в международных отношениях. С.Г.Лузянин метко назвал этот процесс их «хаотизацией». Если использовать физические термины, можно говорить о росте энтропии в мировых процессах (энтропии в широком смысле — как меры беспорядка в сложных и сложно управляемых системах).

К этому добавляется практически повсеместное усиление в самых различных странах, а не только в Китае, внутренних проблем, в первую очередь социальных и национальных (наиболее яркие примеры — события последних лет в странах Европы и в России). Желание правящих элит отвлечь население от социальных проблем и попытаться сплотить его под лозунгами национального единения, педалирование национальных чувств только усугубляет ситуацию, одновременно обостряя международную обстановку (Иран, арабские страны, Северная Корея и др.).

Помимо этого, все более настойчивыми и обращающими на себя внимание становятся философские рассуждения об ограниченности технического прогресса, переживающего очередной тупик. Причем этот тупик представляется более серьезным, чем предыдущие — каждый раз технический, технологический прогресс, выходя на новый уровень, опережает способность человечества управлять им, выходит из-под контроля, однако разрыв раз за разом увеличивается. Другими словами, увеличение технологической оснащенности объективно сопровождается снижением культурного уровня. Тем не менее, общее снижение культурного и духовного уровня, вульгаризация знания (редукция гуманитарного знания, по выражению О.И. Генисаретского), рост его прикладной составляющей в ущерб общему пониманию, то есть общая деградация человеческого фактора — вроде бы никем не оспаривается. Человеческий фактор не только не поспевает за техническим прогрессом, но и ухудшается в процессе развития технологий. Не последнюю роль в этом играет развитие информационных технологий, телевидение: количество информации и способы ее подачи приводят к тому, что человек оказывается не в состоянии анализировать содержание, воспринимать его на вербальном уровне; способность к анализу постепенно атрофируется, в результате формируется фрагментированное сознание, исчезает способность делать выводы и осознавать последствия своих действий. Характерные примеры последних технологических катастроф и происшествий (катастрофа ГЛОНАСС в РФ, серьезная авария новейшей атомной подводной лодки в Великобритании и многие другие примеры — тоже показатели роста энтропии, хаотизации).

Если рассматривать кризис с точки зрения принципов функционирования мировой экономики, он еще не закончился. Прежде всего это касается кризиса мировой финансовой системы, сами принципы функционирования которой нуждаются в кардинальном изменении. Это понимают и в РФ, и в КНР, и в США, однако все попытки удержать ситуацию или предложить пути выхода из нее представляются идеалистическими или наивными.

Именно неосведомленность относительно параметров меняющегося мира (отсутствие возможности обоснованного прогноза того, каким он будет) и объясняет, на мой

взгляд, непонимание в Китае того, что делать с усилившейся мощью страны. Кстати, возможно, именно восприятие истории как циклического, а не прямолинейного процесса является одной из причин выбора китайскими лидерами адекватной стратегии. Принимать стратегические решения, осуществлять долгосрочное планирование в условиях кардинально меняющегося мира и международной обстановки не только сложно, но и бесполезно с практической точки зрения. Стратегическая составляющая возможна на уровне постановки самых общих целей, а текущая политика строится путем реагирования на возникающие вызовы и проблемы. В этих условиях наличие нерешенных пограничных вопросов, поддержание статус-кво, сохранение их «про запас» — это своего рода «припрятывание козырей» в мировой игре, которые при случае можно будет вынуть.

В силу этого все более важное значение для России в ее отношениях с Китаем приобретает социально-экономическая обстановка на российском Дальнем Востоке. Ситуация, которая сложилась сегодня в регионе, серьезно осложняет эти отношения, порождая подозрительность, с одной стороны, и желание воспользоваться слабостью партнера, экспансионистские устремления, с другой. Небрежение Центра к проблемам российского Дальнего Востока (хотя последнее совещание в Хабаровске вызывает сдержанный оптимизм) — причина объективного желания населения этого региона перейти под юрисдикцию КНР. Эта же ситуация позволяет определенным кругам в США спекулировать на китайской угрозе РФ в попытке осложнить российско-китайские отношения и вовлечь Россию в «сдерживание» Китая.

Как показала китайская реакция на уступки с российской стороны, решение пограничного вопроса в 2004–2008 гг. отнюдь не гарантирует нас от возникновения у КНР дальнейших претензий по поводу границы. Необходимо добиваться заключения нового договора о границе, однако и эту меру не стоит переоценивать. Договор, безусловно, нужен, но он не будет являться полноценной гарантией. Единственная гарантия — ускоренное социально-экономическое развитие Дальнего Востока и укрепление его связей с остальной частью РФ. Поэтому экономические проекты и взаимодействие должны быть многосторонними (с привлечением Японии, Кореи, европейских и других стран), а не двусторонними, в которых инициатива к тому же принадлежит китайской стороне, преследующей собственные интересы. При этом, как уже неоднократно подчеркивалось, целью всех без исключения проектов должна быть стратегическая привязка Дальнего Востока к центральной России, сохранение там российского влияния.

М.Л. Титаренко

Состоявшееся обсуждение касается очень актуальной и весьма обширной темы. Она охватывает и вопросы понимания происходящих в глобализирующемся мире изменений, и осмысление опыта адаптации Китая к этим изменениям. Нас, разумеется, интересует не только чисто академическое понимание этих изменений, но и то, как Китай *оказывается зачастую способным воспринимать эти изменения как шанс* для своего развития и укрепления. Вот этот аспект китайского опыта имеет для нас особо актуальное значение.

В выступлениях коллег были обстоятельно рассмотрены главные направления политики Китая и то, как эта политика учитывает потребности внутренней и международной жизни, в какой мере она благоприятствует развитию российско-китайского партнерства и какие аспекты китайского опыта могут для России быть полезными или иметь негативное влияние.

Мне хотелось бы затронуть некоторые методологические аспекты понимания китайской политики реформ и открытости как наиболее эффективного способа адаптации к быстро меняющемуся миру. Как в этой связи данная методология проявляется в подходах Китая к развитию отношений с Россией.

При рассмотрении обсуждаемой проблемы необычайно быстрого роста международного влияния Китая стоит, на мой взгляд, обратить серьезное внимание на следующие три момента.

Главной политической силой, стержнем единства и стабильности Китая является, как известно, 78-миллионная КПК. Разумеется, реально в стране пока еще по существу не созданы материальные, т.е. экономические и социальные, а также культурно-идеологические предпосылки строительства общества социальной справедливости — социализма. Однако КПК неуклонно и неизменно провозглашает своей программной целью именно построение китайской формы социализма. Сами китайские теоретики именуют это будущее общество «социализмом с китайской спецификой».

В отличие от Мао Цзедуна, который стремился подстегнуть историю плеткой в виде массовых политических кампаний, нынешние лидеры КПК вслед за Дэн Сяопином в этом кардинальном вопросе проявляют исключительный реализм, политическую трезвость и прагматизм. Они вслед за классиками заявляют, что построение общества справедливости — социализма — возможно лишь на базе высочайшего развития производительных сил, на основе самых передовых достижений науки, техники и культуры производства, высокого общего культурного уровня всего населения и широчайшего развития народного самоуправления и демократии.

Поскольку все вышеназванные предпосылки пока находятся в зачаточном виде, китайские руководители, сохраняя программную цель — социализм, в качестве мобилизующей идеи, в практической политике следуют прагматическим подходам в развитии многоукладной экономической основы общества, используя методологию конвергентности. Это означает, что практическое решение задач демократической революции и индустриализации с самым широким использованием рыночных механизмов и моделей управления и распределения доходов, присущих развитому капитализму, сочетается с политическими и идеологическими формами организации, выходящими за рамки капиталистической формы организации общества и распределения. Учитывая незрелость этих форм политической и экономической организации с точки зрения провозглашаемых идеалов социализма, китайские теоретики заменяют лозунг построения социализма на данном этапе формулой «сяокан», т.е. «построение общества малого достатка». Эта идея заимствована из конфуцианского канона «Ли цзи».

По сути, эта практика становится классическим примером сочетания, казалось бы, двух несочетаемых элементов — даосской диалектики сочетания двух в одном («хэ эр эр и»), т.е. конвергентного сочетания элементов капитализма и социализма. Вместе с тем, в качестве стратегической перспективы сохраняется и другая сторона этой диалектики «разделение одного на два» («и фэнь вэй эр»), которое может произойти по мере вызревания социалистической компоненты этого двуединства.

Немало политологов, игнорирующих эту специфику политической стратегии Китая и стратагемный характер мышления китайских идеологов, их замысловатую многослойную диалектику, опираясь на анализ текущих событий и текущей политики и тактики китайских лидеров, утверждают, что в Китае под руководством КПК идет строительство развитой рыночной экономики капиталистического типа. С точки зрения толкования текущих событий сегодняшней практики КПК эти утверждения имеют определенные основания. Но с точки зрения понимания стратегии действий КПК — такой вывод односторонен и неверен. Это первое, что касается социально-политического позиционирования Китая в современном мире.

Далее. Феноменальные достижения Китая, особенно за последние 30 лет, с одной стороны, привлекают к КНР внимание всего мира, вызывают среди широких слоев китайского народа законное чувство гордости за свою страну. Учитывая, что с середины XIX до середины XX вв. Китай подвергался унижению и дискриминации со стороны развитых держав Запада и Японии, среди части китайского населения, особенно моло-

дежных слоев, интеллигенции возникают националистические и даже гегемонистские тенденции, выходящие за пределы патриотизма. Они выражаются в завышенных оценках международного статуса Китая и его возможностей влиять на мировую политику. Справедливое осуждение ими гегемонизма США, отрицание их «политики с позиций силы», претензий на руководство в мире, на бесцеремонное вмешательство во внутренние дела других стран и т.п. сочетаются у них с заявлениями о том, что «Китай более достоин руководить миром» и что он должен не только экономическими методами, но и мечом отстаивать свои интересы в мире, в борьбе за рынки сбыта и ресурсов.

Хотя такая радикальная позиция части молодых интеллектуалов от политики и журналистики открыто не осуждается, но официальные заявления руководства страны и КПК резко отличаются от экстремистских деклараций.

Этим заявлениям присуща необычная скромность, выдержка и достоинство. В них подчеркивается, что огромные абсолютные цифры действительно великих достижений Китая в области экономики, финансов, освоения космоса, индустриализации и модернизации страны в целом следует оценивать в соотношении с огромным, почти полуторамиллиардным населением страны. Да, Китай по совокупному ВВП стал второй после США мировой экономикой. Да, Китай имеет самые большие в мире золотовалютные запасы (2,4 трлн долл.). Действительно, по производству более чем 30 основных видов современной промышленной и сельскохозяйственной продукции Китай занимает лидирующее место в мире (сталь, чугун, редкие металлы, добыча золота, вольфрама, олова, производство зерновых, мяса, молока, яиц, шелка, всех видов тканей, чая, аудиовидеотехники, сборка компьютеров и т.д.). Но по производству всех вышеназванных и не названных видов продукции на душу населения Китай занимает место за пределами первой сотни, а по уровню жизни отстает от развитых стран более, чем в 15 раз. Китайские руководители настаивают, что их страну, в лучшем случае, можно отнести к сравнительно развитым странам среди развивающихся государств, т.е. к «третьему миру».

Китайские лидеры заявляют, что они следуют завету Дэн Сяопина «не стремиться возглавлять что-либо, не быть первым», словом, «не высовываться». Официальные документы ЦК КПК и правительства КНР неизменно призывают концентрировать внимание на вопросах комплексного решения экономических и социальных задач развития страны, преодолении серьезного разрыва между уровнем развития приморских и внутренних районов, на сокращении опасно растущего разрыва между уровнями доходов сравнительно узкой прослойки деловых людей и правящей элиты и качества жизни и социального обеспечения жителей городов и огромной массы крестьянства. Из этого следует, что китайское руководство вполне отдаст себе отчет в том, что чрезмерное увлечение державной риторикой и значительное усиление вовлеченности Китая в решение мировых вопросов могут неоправданно отвлечь значительную часть его внимания и материальных ресурсов от решения крайне острых и безотлагательных многочисленных внутренних проблем. Именно подчеркивание приоритетного внимания к решению собственных проблем внутреннего развития страны, защите национальных интересов Китая на международной арене, включая вопросы обеспечения территориальной целостности, суверенитета КНР, мира и безопасности вокруг границ Китая, является характерной особенностью общей стратегической линии во внешней политике КНР. Такой подход в целом соответствует объявленному Пекином тезису о том, что Китай не будет проводить гегемонистскую политику и не будет стремиться стать гегемоном.

Конкретной иллюстрацией этого является то, как китайское руководство отвергло выдвинутое Вашингтоном предложение «G-2», т.е. о том, чтобы США и КНР совместно управляли миром.

Разумеется, декларации китайских лидеров о том, что «Китай не стремится к гегемонии» вовсе не означают, что по мере растущей мощи и влияния Пекин время от вре-

мени не будет использовать для достижения своих целей те или иные приемы из арсенала мирового гегемона, т.е. США.

Наконец, третье соображение касается того, какое именно влияние в широком смысле на Китай, его руководство, правящую элиту, на различные слои населения и на внешний мир оказывают необычайно высокие темпы подъема Китая, размах его индустриального и культурного развития и влияния. Это далеко не простой вопрос и он, на мой взгляд, требует специального обстоятельного рассмотрения. Китайское руководство сумело тщательно взвесить всю сложную мозаику внутренних и внешних факторов и выработать наиболее эффективную политическую линию, которая учитывает реальные возможности и особенности страны и новой международной обстановки после распада дуполярного мира, крушения социалистического содружества во главе с Советским Союзом, резко возросшей востребованности Китая как политического и экономического партнера в решении многих проблем развития, обеспечения баланса сил и международной безопасности, необходимости удовлетворения алчности потребительского общества развитых и развивающихся стран.

Китай умело и гибко воспользовался всеми открывавшимися для него шансами глобализирующегося мира. Не случайно в Китае сложилось целое течение политической мысли — *шансология*.

Особенно следует подчеркнуть ту исключительно важную, если не решающую роль, которую сыграло умение китайского руководства извлечь уроки из трагедии т.н. «культурной революции» и с помощью великой *общенациональной идеи возрождения Китая и построения общества благоденствия*, идеи, близкой и памятной каждому китайцу, развернуть созидательную деятельность по обновлению облика страны и образа жизни каждого китайца. Эта общенациональная идея позволила сконцентрировать физические, духовные, нравственные, финансовые, культурные, людские силы на решении задач экономического и культурного подъема страны, улучшения и преобразования качества жизни каждой китайской семьи и каждого китайца. Это огромная мобилизующая сила лозунгов политики реформ и открытости. О положительном опыте этой практики проведения реформ и модернизации можно говорить и писать очень много. В данном случае хотелось бы привлечь внимание к своеобразному негативному аспекту психологического восприятия простыми тружениками Китая и внешним миром исключительно высоких темпов осуществления курса реформ и роста влияния страны.

Жизнь подтверждает философский тезис о том, что человеческие идеи, с одной стороны, творят и преобразуют мир, а с другой, до сознания социума в целом и большинства рядовых граждан с большим опозданием доходит глубинный смысл происходящих изменений.

Но темпы и масштабы этих изменений, воспринимаемые через личный опыт и условия жизни каждого индивида, оказывают на него огромное влияние. Это влияние носит многоплановый характер. Нас в данном случае интересуют разрывы — социально-психологический феномен, который ныне получает широкое распространение в Китае — между чрезвычайно быстрыми изменениями в экономике, политике и международном статусе страны и сравнительно медленным ростом материального и культурного уровня огромной массы трудового населения города и деревни, растущая социальная и имущественная поляризация среди трудового населения городов и деревень.

В условиях крайне высоких темпов накопления (более 50%) массам рядовых тружеников трудно понять, почему столь быстро меняется образ городов и сел, но образ жизни сотен миллионов простых людей остается столь низким и примитивным. Почему в стране со столь быстрым развитием образования и науки по-прежнему неграмотны более 150 млн чел.? Все это порождает опасную социальную напряженность, особенно в сельской местности, да и в городах. Это подрывает связи КПК с ее социальными корнями.

Решение этой проблемы требует коренного совершенствования социальной политики правительства, изменения пропорций между накоплением, капитальными вложениями и долей средств, идущих на потребление, на оплату труда и социально-культурные нужды населения.

Во внешнем плане столь быстрый подъем Китая и резкий рост его мирового влияния также вызывает неоднозначную реакцию. Некоторые партнеры и соседи с опасением смотрят на быстро растущий Китай. Среди политологов-международников довольно часто можно встретить завышенные нереалистические оценки относительно возможного изменения политики Китая по мере его возвышения. У стран, имеющих тесные торгово-экономические связи с Китаем или являющихся реципиентами его экономической и культурной помощи, возникают завышенные ожидания и требования к Китаю как к партнеру, которые он не может в настоящее время выполнить без серьезного ущерба для себя. Это, в свою очередь, порождает те или иные трения, на решение которых Китаю также приходится тратить немало усилий.

Китайское руководство, как показывает его реальная практика, учитывает это в своих практических подходах к выработке стратегии и тактики политического курса. Это выражается, прежде всего, в выдержке и тщательной взвешенности подходов к методам проведения политической реформы, во взаимоотношениях партии и государственных органов, взаимодействии центра и регионов, в том внимании, которое уделяется совершенствованию методов макрорегулирования и постоянному сокращению, я бы сказал, сжатую методов прямого административного влияния на экономическую и политическую жизнь страны, приданию административным действиям государства как в центре, так и на местах большей открытости и доступности, в тех больших усилиях по борьбе с бюрократизмом и коррупцией, которые прилагает руководство страны.

Особо следует отметить в этом плане тщательно продуманную тактику адаптации руководящей роли КПК в ее идеологических и организационных принципах к новым социально-политическим условиям страны, что выразилось, прежде всего, в том, что КПК предстает в сознании общества не как сугубо классовая организация рабочих и крестьян, а как общенациональная руководящая сила, координирующая, консолидирующая общество.

Сдержанная замена лозунга «возвышение Китая» лозунгом «мирное развитие Китая» также свидетельствует о понимании китайским руководством всей сложности влияния процесса роста совокупной мощи Китая на национальное самосознание и восприятие китайцев вовне. Очень важным моментом в этом плане является, во-первых, новая концепция развития, которая предусматривает комплексные подходы к сочетанию экономических, политических реформ, чисто экономических и социальных факторов, гармонизацию межрегиональных отношений и уважение к развитию внутренних районов страны, к решению социальных проблем города и деревни и снижению уровня социальной и имущественной дифференциации и поляризации. Во-вторых, само развитие Китая ныне не отчуждается от развития мира в целом, отсюда появление концепции инклюзивного развития, т.е., говоря русским языком, рассмотрение вопросов стратегии развития страны с учетом общеглобальной ситуации, с учетом интересов развития партнеров Китая, т.е. совместного развития, *соразвития*.

Что касается российско-китайских отношений, то, как мне представляется, Россия как партнер должна с пониманием относиться к опыту Китая в решении его внутренних проблем, учитывать внутренние трудности и опасности этих проблем.

Важной предпосылкой того, что российско-китайские отношения и взаимопонимание между лидерами двух стран в политическом плане достигли наивысшего уровня, является, прежде всего, то, что обе стороны не вмешиваются в дела друг друга, не стремятся поучать или упрекать друг друга в том, как они решают свои внутренние проблемы. Россия и Китай уважают выбор друг друга, и если это рассматривать как долговре-

менный фактор, как методологическую основу выработки политики уважения друг друга, то можно смело прогнозировать благоприятные перспективы развития российско-китайских отношений. Отношения, построенные на таком взаимопонимании, приобретают синергетический характер и создают условия для экономического сопроцветания, соразвития и своеобразного соревнования в эффективности решения тех или иных проблем. С моей точки зрения, самой большой опасностью для будущего российско-китайских отношений может стать неправильное понимание роста международного влияния Китая как угрозы интересам России. Многовековой опыт сосуществования России и Китая показывает, что эти две страны нужны друг другу как партнеры, и их взаимодействие и добрососедство являются взаимной гарантией территориальной целостности и суверенитета каждой из стран. Твердое и принципиальное следование духу и букве Российско-Китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. не только отвечает коренным долговременным интересам двух государств и народов, является гарантией мира и безопасности не только в регионе, но и фактором глобального значения.

В.Я. Портяков

Уважаемые коллеги, спасибо всем.

1. Жэньминь жибао хайвай бань. 10 ноября 2010 г.
2. <http://theory.people.com.cn/GB/13088413.html>
3. Малкин В. Силиконовый тупик // Ведомости. 2010. 24 нояб.
4. Белая книга КНР по вопросам национальной обороны. 2008.
5. East Asian Strategic Review 2007. P. 57.
6. Там же.
7. ИА «Интерфакс». 21.07.2008.
8. Кобелев Е. Вьетнам: политике «мой дом» — 20 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 1. С. 53–54.
9. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности М., 2007. С. 171–173.
10. <http://www.rian.ru/world/20100130/206988589.html>.
11. People's Daily Online. 14.03.2005.
12. Белая книга КНР по вопросам национальной обороны. 2006. — <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>.
13. The Military Balance 2004–2005. By The International Institute For Strategic Studies. London, 2004.
14. АРМС-ТАСС. 16.2009.
15. ИТАР-ТАСС ИНОТАСС. 06.05.2008.
16. <http://www.bigness.ru/news/2010-01-22/oil/102897>.
17. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности М., 2007. С. 76.
18. China's National Defense 2008. — (http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_7060059.htm).
19. Галенович Ю.М. О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». М., 2009. С. 126.
20. Жэньминь жибао он-лайн, 04.03.2009.
21. <http://www.inosmi.ru/world/20100307/158458941.html>.
22. Ibid.
23. International Strategic Studies, 2nd Issue 2010. P. 16.
24. East Asian Strategic Review. 2008. P. 94.
25. Gunness K. (The CNA Corporation). China's Military Diplomacy in an Era of Change // China's Global Activism: Implications for U.S. Security Interests. National Defense University. June 20. 2006.
26. Ibid.
27. По мнению ученых, список «новых» противоречий, сдерживающих внешнеполитическое поведение КНР, на сегодняшний день значительно больше. В него как минимум можно еще включить: а) стремление представить себя великой державой и объективные реалии страны третьего

- мира; б) «политика открытости» и принцип «абсолютного суверенитета»; в) «идеологическая чистота» и политический прагматизм; г) поведение в рамках двусторонних отношений. См.: *Wu Xinbo. Four Contradictions Constraining China's Foreign Policy Behavior Chinese Foreign Policy. Pragmatism and Strategic Behavior*. New York, 2004. P. 58–65
28. См.: Шицзе чжэюа гоцзя цзунхэ голи пингу [Оценка комплексной государственной мощи мировых держав] // Цюаньцзо чжаньлюэ дэ гэцзюй [Глобальная стратегическая архитектура. Международное окружение Китая в новом веке]. Пекин, 2000. С. 3.; *Yan Xuetong. The Rise of China and Its Power Status*. // *Chinese Journal of International Politics*. 2006. Vol. 1. P. 5–33.
 29. http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/Mamonov_Chines_Intereses_in_Afganistan.pdf
 30. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/rankorderguide.html>. По показателю ВВП в долл. США, рассчитанному по текущему обменному курсу, КНР занимает то же 2-е место, Индия — 11-е. — <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2010/02/weodata/weorept.aspx?sy=2009&ey=2009&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c&s=NGDPD&grp=0&a=&pr.x=48&pr.y=9>
 31. Рассчитано по данным МВФ. — <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2010/02/weodata/index.aspx>; Добавим, что в 1978–2007 гг., по данным ученых ИДВ РАН, среднегодовые темпы роста ВВП КНР составили 9,8%, что более чем втрое превышает темпы роста мировой экономики.
 32. <http://en.wikipedia.org/wiki/BRIC>
 33. A Shared Vision for the 21st Century of the People's Republic of China and the Republic of India. — <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zjzg/yzs/gjlb/2711/2713/t399545.htm>
 34. <http://www.zenews.com/news668406.html>
 35. http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2009-01/19/content_179311.htm
 36. <http://www.indianembassy.org.cn/DynamicContent.aspx?MenuId=3&SubMenuId=0>
 37. <http://opinion.globaltimes.cn/editorial/2009-06/436174.html>
 38. «China rejects India's allegation of border crossing incidents», — <http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/6676788.html>; CHINA: Chinese media attacks India over reports on troop deployment on border. The Times of India, Friday, June 12, 2009. — <http://www.asiamedia.ucla.edu/article.asp?parentid=109457>; India's unwise military moves; People's Daily Online. — http://posts.people.com.cn/bbs_new/filepool/htdoc/html/fa55b84865e12e8cfed39984b53db6282017122b/b3594639/1_3594639_1.html
 39. Indian PM's visit a provocative move. — <http://opinion.globaltimes.cn/editorial/2009-10/476836.html>
 40. China's High Risk India Gamble. — http://www.ids.a.in/idsacomments/ChinasHighRiskIndiaGamble_sdutta_030910
 41. <http://rupeenews.com/2010/09/07/chinas-kashmir-gambit-stakes-in-india-pakistan-dispute/>
 42. How China is using Pakistan to counter India. — http://publication.samachar.com/pub_article.php?id=10036121&navname=International&moreurl=http://publication.samachar.com/rediff/websites/international/rediff.php&homeurl=http://publication.samachar.com&nextids=|10021095&nextIndex=47
 43. Б. Обама в ходе визита в Индию уделил внимание одним вопросам, но упустил из виду другие. — <http://russian.people.com.cn/31520/7193872.html>
 44. A Shared Vision for the 21st Century of the People's Republic of China and the Republic of India. — <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zjzg/yzs/gjlb/2711/2713/t399545.htm>
 45. См.: www.chinaembassy-canada.org/rus/wjdt/zyjh/t330306.htm; <http://ru.chinaembassy.org/rus/xwdt/t248530.htm>.
 46. Яковлев П. Латинская Америка в глобальной стратегии Пекина. — http://www.perspektivy.info/oikumena/politika/latinskaja_amerika_v_globalnoj_strategii_pekina_2010-11-02.htm
 47. http://russian.china.org.cn/china/archive/dxp/txt/2004-08/13/content_2126185.htm
 48. <http://www.inosmi.ru/foreast/20100725/161548909.html>
 49. См.: China and Development in Africa. — <http://www.lalkar.org/issues/contents/mar2007/chinaafrica.php>
 50. См.: http://badnews.org.ru/news/v_zheltoj_zharkoj_afrike/2010-10-27-4343
 51. <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=67279>
 52. Мировая экономика: Китайский цикл. — <http://www.economy.az/archives/24187>

53. *Томберг Р.* Успехи африканской стратегии Китая. — <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/454781>
54. <http://www.economy.az/archives/24187>
55. *Томберг Р.* Указ.соч.
56. Там же.
57. *Никандров Н.* Экспансия Китая в Латинской Америке. — <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/491438/>
58. *Беспалова А.* О новый бравый третий мир. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1276062840>
59. La República Popular China y América Latina y el Caribe: hacia una relación estratégica. CEPAL. - Santiago de Chile: Impreso en Naciones Unidas. Mayo de 2010. — P.15, а также — <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/454781>.
60. *Яковлев П.* Указ.соч. и оценка автора статьи.
61. <http://www.economy.az/archives/24187>; <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/51067>
62. Asia Times. 2007. 13 april.
63. Официальный сайт МИД Японии. — <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint0805.html>
64. *Иосида Х.* Бэйкоку-ка, Тюгоку-ка? [Америка или Китай?]. Токио, 2007. С. 272–274.
65. *Yukio Hatoyama.* My Political Philosophy // Monthly Journal Voice September Issue. 10 Aug. 2009. P. 10.
66. *Семин А.В.* США—Япония: полвека альянса // США—Канада: экономика-политика-культура. 2010. № 8. С. 42–44.
67. Официальный сайт МИД КНР. — <http://www.mfa.go.cn/rus/xwfw/fyrth/exjzhzhdh/175229664.html>
68. Sino-Japanese relations and China policy toward Japan in coming decade. Institute of Japanese Studies/ Chinese Academy of Social Sciences. 2009. P. 11
69. <http://slon.ru/blogs/averbuh/post/101965/>
70. <http://ytro.ru>. 2010. 22 нояб.